

72(с-м)

А-87

АКАДЕМИЯ АРХИТЕКТУРЫ СССР

АРХИТЕКТУРНЫЕ
ПАМЯТНИКИ
МОСКВЫ

XV-XVII ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР

1

9

4

7

12 (с-м)
А-87

ИЗ КНИГ
С.Н. Григорова

720

АКАДЕМИЯ АРХИТЕКТУРЫ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

487

**АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ
МОСКВЫ
XV—XVII века
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ ССР
МОСКВА 1947

СЕРИЯ АРХИТЕКТУРА

12 НОЯ 2009

7

БИБЛИОТЕКА
И М
Ин. № 1570

Настоящий выпуск, в котором опубликованы исследования и реставрация четырех древних памятников „стольного града“, Сектор посвящает знаменательной дате 800-летия Москвы.

Выпуск является только частью большой работы, проводимой Сектором по воссозданию первоначального облика исторических архитектурных памятников нашей столицы.

Руководитель Сектора фиксации и методики реставрации архитектурных памятников Института Истории и Теории Академии Архитектуры СССР, член-корреспондент Академии Архитектуры СССР Д. П. СУХОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое летописное упоминание о Москве, как о маленьком княжеском городке, относится к 1147 году.

В 1947 году наступает знаменательная дата — 800-летие существования столицы нашей родины, Москвы.

Современная археологическая наука может дополнить сведения о Москве тем, что по ее положению на высоком холме-мысу над двумя реками она, несомненно, была поселением, городищем еще в доисторическую эпоху. Это подтверждается и археологическими находками, сделанными в разное время на территории Кремля.

За 800-летнее существование Москва, сначала как боярская усадьба, затем как княжеский город и затем «стольный» город Московского княжества и Московского государства, имела в различные этапы своей истории множество самых различных зданий, архитектура которых изменялась вместе с изменением строительной техники и условий быта. Несмотря на то, что образы архитектуры сменялись в достаточной мере последовательно, мы все же, при их изучении, можем отметить некоторую неравномерность в эволюции форм и концепций московской архитектуры, зависевшую от самого хода истории Москвы и Московского государства, столицей которого сделалась Москва. Собрание русского государства Москвою и «собрание» ею русской архитектуры включением в нее отдельных, ранее существовавших местных школ русской архитектуры вызывает в эпоху образования Московского государства своеобразное московское слияние архитектурных построений. Возникающие в это же время связи между Москвой и зарубежными странами привели к использованию зодчими древней Москвы в некоторой степени зарубежной техники строительства. Попадая на Москву, в совершенно иные условия, строительные приемы и формы зарубежных архитектур здесь, на Москве, глубоко видоизменялись, становясь русскими, московскими и полностью самобытными. В самом деле — ни Киевской, ни Новгородской Софии, ни Успенских соборов Владимира и Москвы, ни «Василия Блаженного», ни Кремля Москвы в целом, ни его теремов мы не находим среди архитектурных памятников и Запада и Востока. Нет нигде даже более или менее близкого подобия русским зданиям и их деталям, которое позволило бы говорить о непосредственных заимствованиях. Несмотря на древность, эти глубокие и надежно обоснованные интерпретации могут многое напомнить и кое-чему научить современного зодчего, иногда забывающего в своем творчестве мудрые уроки родной архитектуры. Красивое и новое оформление

нашей жизни должно осуществляться с учетом старых достижений, выросших и взлелеянных на нашей почве русскими мастерами, высоким искусством которых всегда интересовался мир.

Русь если и перенимала некоторые рекомендуемые элементы, то с большим рассуждением, а иногда и с суровой критикой. Она отвергла, например, итальянские арочные галереи и дробность итальянских декоров, проверив их в условиях своего климата, так же как и многочисленные каменные рельефы романского запада и сплошные майолики архитектурных шедевров Средней Азии, как не только слишком дорогие, но часто и перегружавшие фасады зданий. Древняя Русь удержала из всех этих новшеств лишь то, что считали ценным, необходимым архитектурно и жизненным ее талантливые, богатые трезвым рассуждением мастера. Древняя Русь оставила большое число интереснейших зданий — великолепных примеров ее мудрого строительства. История русской архитектуры уже не раз переписывалась в связи со все более и более углублявшимся изучением известных и открытием и расшифровкой все новых ее памятников. Но теперь уже целый ряд открытий показывает иногда те же памятники в новом аспекте и вносит в науку о русской архитектуре новое слово. Эти открытия показывают еще раз, что первообраз многих памятников древне-русского зодчества нам еще неизвестен и что русским ученым архитекторам-исследователям предстоит еще много работ по раскрытию памятников архитектуры, сильно изменившихся во времени. Нельзя забывать, что памятник архитектуры тоже «живет». Его жизнь начинается с момента окончания сооружения. Однако внимательное изучение показало, что часто задуманный облик здания меняется во время хода работ по его сооружению. В дальнейшем существовании памятник стареет. Начинает «болеть» его материал, а за ним и конструкции, выполненные из этого материала. Причины этого чаще кроются и в климате страны и в характере производства материалов. Не остаются без влияния и самые конструкции здания. Несовершенство кровли и покрытий вообще вызывает частичные деформации или разрушения сводов и рельефных декоров стен и их верхних частей. Отсутствие изоляции от грунтовой сырости всегда было причиной обновления нижних частей зданий, с уничтожением часто красивых и характерных профилированных цоколей. Выветривание кирпичной кладки вызывало необходимость оштукатурки и окраски. Все это часто и сильно изменяло архитектуру зданий. Еще больше изменяли облик зданий перестройки, обстройки и надстройки последующих эпох. Они часто скрывали изначальный облик древних зданий настолько, что даже подозревать их существование было невозможно. Наличие древнего сооружения в подобных агрегатах мог обнаружить только зоркий и опытный глаз исследователя-зодчего или о нем говорили архивные документы. Такова, например, исследованная Л. А. Давидом по заданию Академии Архитектуры СССР б. церковь св. Антипия в Москве и др. Ясно, что чем старше здания и чем значительнее города, тем больше искажений изначального архитектурного образа здания можно ожидать. Поэтому суждение о древнейших архитектурных концепциях Москвы особенно трудно. Древнейшие здания Москвы должны, судя по летописным данным, относиться к XIII, XIV и XV векам. Но до нас дошли лишь части зданий XIV—XV

веков. Так, от б. церкви Воскрешения Лазаря остались лишь стены до половины высоты. Она оказалась сплошь застроенной зданием кремлевских дворцов. Собор Андроникова монастыря подвергся позднее переделкам, изменившим его до неузнаваемости. Обследованию и возможной реконструкции этого здания, являющегося одним из самых ранних построек московской архитектуры, пользовавшейся еще только белым камнем, и посвящена первая из статей предлагаемого вниманию читателя сборника.

Замена белого камня кирпичом — явление, значение которого в развитии русской архитектуры до сих пор не оценено, хотя оно имело большее значение, чем приглашение в то время итальянцев.

Настоящий сборник содержит крупные исследовательские работы архитекторов — научных сотрудников Сектора фиксации и методики реставрации памятников архитектуры Института Истории и Теории Архитектуры Академии Архитектуры СССР, являющиеся, несомненно, ценным материалом.

Основательно изучены бывшие во многом загадочными такие памятники, как ушедший, казалось, навсегда от возможности изучения и реконструирования собор б. Андроникова монастыря, построенный около 1420 года, т. е. одно из ранних монументальных зданий древней Москвы. Правда, его верхние части — барабан и трибун, его несущий — частично утрачены и восстановлены на чертеже реконструкции после неполного раскрытия, на основе аналогии и некоего, иногда подсознательного, чутья архитектора-художника, всегда поддерживающего архитектора-археолога. Но те части архитектурной концепции, которые можно было уловить в совершенно перестроенном массиве, восстановлены безупречно и дают очень своеобразный тип памятника ранней Москвы. Работа П. Н. Максимова является отличным образцом исследований архитектурно-археологического характера, осветившим еще довольно темный и загадочный этап в области ранне-московского зодчества.

Первоначальный архитектурный облик другого замечательного памятника Москвы конца XV — начала XVI веков, собора Рождественского монастыря, раскрыт после трудного и углубленного исследования, произведенного научным сотрудником Сектора архитектором А. С. Фуфаевым. Реконструкция здания явно указывает на архитектурный тип круга Андрониковского собора.

Раскрытие этого памятника дало для типологии и эволюции ранне-московской архитектуры много интересного и даже необычного, плохо укладываемого в доселе привычные уже образы. Мы говорим о тех специальных подкровельных сводах, изначальное существование которых несомненно. Эта конструкция придает архитектуре собора очень своеобразное завершение фасадов, до сих пор еще неизвестное и даже с трудом принимаемое историком древне-русских конструкций и строительной техники. Исследованиями этого рода может быть установлено еще так много своеобразного и неожиданного, что некоторые положения науки о древне-русской архитектуре придется создавать заново или исправлять и дополнять. Об этом говорят и это подтверждают и другие недавние открытия.

Работа научного сотрудника архитектора Л. А. Давида касается углубленной и окончательной расшифровки древне-русской кон-

цепции церкви св. Трифона в Москве. При подробном исследовании этого замечательного памятника установлен ряд чрезвычайно ценных моментов, завершивших вместе с точной его графической фиксацией и реконструктивными чертежами архитектурно-исторические и техническо-строительные сведения о нем. Эта работа создает возможность более легкого подхода к исследованию и реконструкции архитектурного образа памятников этого же круга, работу над которыми Л. А. Давид продолжает, и уже во многом она близка к завершению.

Кандидатом архитектурных наук Д. В. Разовым произведено подробное и углубленное исследование ансамбля одного из ценнейших памятников гражданской и церковной архитектуры Москвы, так называемой усадьбы дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной. Большая площадь усадьбы некогда вмещала и боярский дом, и церковь, и целый ряд служебных построек. К сожалению, эти интересные памятники гражданского и церковного зодчества были в последующее время сильно искажены перестройками и обстройкой. Сильно пострадали палаты и церковь, а надворные постройки исчезли полностью. Д. В. Разов поставил своей целью графически восстановить, на основе произведенных исследований, изначальные архитектурные образы как палат, так и соединявшейся с ними переходами домово́й церкви.

Произведенные Д. В. Разовым подробные обмеры зданий усадьбы, а также и натурное их обследование позволили исследователю дать ценные реконструкции этого замечательного ансамбля XVII века. Сопровождавшие работу натурные раскопки обнаружили много интересных историко-бытовых и художественно-архитектурных черт зданий бывшей усадьбы в их нижних частях. Установлен архитектурный облик нижнего жилища, почти наполовину закрытого поздними напластованиями так называемого «культурного» слоя. Выявлено назначение ряда лестниц в толщах и между стен палат. Прослежены места спаек более новых пристроек со старыми, что и дало возможность выделить на реконструкции архитектурный образ древних палат. Подробно исследовано и зафиксировано церковное здание. Его облик в древности был также несколько иной. Установлен вид древних завершений храма и древних окон алтарной части вместе с очень своеобразным планом ее, включавшим небольшой храмик для личного пользования владельца с семейной погребальницей под ним и т. д. и т. п.

Большое научное значение всех упомянутых работ сотрудников Сектора понятно без дальнейших объяснений. Необходимо отметить, что во всех этих изысканиях проводился и технологический анализ строительных материалов памятников. Результаты анализа растворов, камней и кирпича, дерева и металла помогли в разрешении ряда вопросов, возникавших при обследованиях. Отмечались также многие строительно-структурные моменты исследуемых зданий — характер разрезки кладок стен и сводов, размеры кирпича и его марки, характер профилировки и тески. Эти строительные показатели особенно ценны для исследующего архитектора, отлично разбирающегося в тектонике архитектурных концепций и способного легко «предсказывать» истинный смысл и вид даже неисследованного. Собираемые и публикуемые здесь технологические и строительно-технические данные будут служить отличными редуцированными эталонами при хронологизации древнего строительства.

Сотрудники Сектора составляют специальный справочник для исследователей древних памятников и их реставраторов. Этот справочник несомненно принесет пользу при дальнейших изучениях памятников. Публикуемые четыре исследования с их результатами были построены по методике, рекомендуемой справочником.

Точные археологические обмеры, произведенные и выполненные указанными авторами, показали их особую ценность при разборе сложных архитектурных концепций, когда уже выполненные в масштабе чертежи обмера подсказывают исследователю не только места древней и новой стройки, но даже дают и некоторые данные о времени ее.

В заключение можно лишь сказать, что ведущая роль в работах по раскрытию памятников должна принадлежать именно зодчим. И Сектор фиксации и методики реставрации памятников архитектуры и Институт Истории и Теории Архитектуры должны всемерно привлекать архитекторов, имеющих склонность к этим замечательным и необходимым работам для накопления материала по новой Истории русской архитектуры, а также и для крайне желательной реставрации в натуре ряда древних зданий.

С. Торпов

СОБОР СПАСО-АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ

Арх. П. Н. Максимов

Собор московского Спасо-Андроникова монастыря, несмотря на то, что он является одним из древнейших зданий Москвы, в течение долгого времени не привлекал к себе внимания исследователей русской архитектуры. Старейшие из них, как А. Мартынов и И. Снегирев, совершенно не касались его в своих публикациях, а А. Павлинов, автор первой систематической истории русской архитектуры, уделил ему, буквально, три строки: «В Андроньевском монастыре выстроен храм в 1360 году. Теперь на его белокаменном основании стоит поздняя церковь значительных размеров»¹.

М. Красовский в своем труде, посвященном специально Московской церковной архитектуре², не сказал о соборе ни слова, точно так же как и Г. Павлуцкий в XIV главе I тома «Истории русского искусства»³. И. Грабаря и Ф. Горностаев в I главе II тома того же труда.

Такой знаток древне-русской архитектуры, как П. Покрышкин, в своем рапорте императорской Археологической комиссии от 20 августа 1915 года писал о соборе Андроникова монастыря как о «производящем впечатление построенного в середине XIX в. (по проекту Тона?)»³. А. Некрасов в книге «Возникновение московского искусства» (М., 1929) не упоминал об Андрониковском соборе, а в другом своем труде писал следующее: «от XVI в. мало сохранилось в Москве архитектурных памятников... Сюда относятся: соборы Симонова и Андроникова монастыря, вероятнее всего принадлежащие XVI в., хотя первый из них первоначально был выстроен в 1379—1405 гг., а второй в 1420—27 гг.»⁴.

Во всех этих немногочисленных и чрезмерно кратких упоминаниях не только нет попыток как-то охарактеризовать архитектуру собора, но и в отношении даты его построения наблюдается полная разногласия: одни датируют его 1360 годом, следуя в этом за автором старейшего (1842) описания Андроникова монастыря — Н. Иванчиным-Писаревым, относившим постройку собора ко времени основания монастыря, другие относят к двадцатым годам XV века, как это сделал анонимный автор более серьезного «Исторического описания московского Спасо-Андроникова монастыря» (1865 г.), или, уже на основании неизвестно каких соображений, относят его к XVI веку.

¹ Павлинов А. М. История русской архитектуры. М. 1894, стр. 113.

² Красовский М. В. Очерк истории московского периода древне-русского церковного зодчества. М. 1911.

³ Известия императорской Археологической комиссии. Вып. 61 (Вопросы реставрации, вып. 17). Пгр. 1916, стр. 212.

⁴ Некрасов А. И. Города Московской губернии. М. 1928, стр. 17.

Летописцы ничего не сообщают о постройке каменной церкви в Андрониковом монастыре при его основании, несмотря на то, что в те годы постройка каменного здания была для Москвы редким и привлекающим к себе общее внимание событием.

В немногих строках сообщает об основании Андроникова монастыря вторая Софийская летопись: «Таже ученик святого (Сергия) Андроник, также благословением святого и испрошением его Алексия митрополита, на реце на Яузе созда монастырь»¹.

Гораздо более пространно и велеречиво пишет об этом «Книга степенная царского родословия»: «Обрете же (Алексей митрополит) место угодно к монастырскому строению близ града Москвы на реце на Яузе. И тако Богу поспешествуящу ему, поставлена бысть церковь зело прекрасна во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Нерукотворенного образа. И всем чудне церковь ону украсив, и честную икону образа Христова, иже имяше принесену с собою от Царяграда чудне златом украшену в ней постави и монастырь устрои иже есть и доныне благодатью Христовою. Вручи же старейшинство прежереченному Андронику и вся, яже к потребе монастырского строения, тому дарует и общее житие в нем составляется»².

Но и здесь ничего не говорится о постройке каменной церкви, так как «зело прекрасной» могла быть и деревянная, и лишь один литературный источник — житие преподобного Сергия, написанное Пахомием Логофетом (серед. XV в.), повторенное позднее в Четиях-Минеях митрополита Макария (середина XVI в.), говорит о постройке каменного собора в Андрониковом монастыре.

«По времени же в оной обители бывшу игумену Александру, ученику предпомянутого игумена Савы, мужу добродетельну и мудру и изрядну зело и такоже другому старцу его именем Андрею иконописцу преизрядну, всех превосходящу в мудрости зельней и седины честны имущу и прочии мнози, сима же добре строящима обитель благодатию Христовою и Богу помогающу создаста во обители своей церковь каменну зело красну и подписанием чудным своима рукама украсиша в память отец своих, еже и доныне всеми зрится в славу Христу Богу».

Этот текст дает возможность до известной степени установить дату постройки собора: игумен Александр, о котором говорится в нем, умер в 1427 году, а его предшественник, игумен Савва, — между 1410 и 1420 годами, следовательно время постройки собора приходится на годы от 1410 до 1427.

В одном относящемся к XVI веку списке этого жития, хранящемся в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве (куда он поступил из Троице-Сергиевой лавры), среди других миниатюр, украшающих его, есть четыре с изображением собора Андроникова монастыря (рис. 1). На всех миниатюрах собор изображен одинаково в виде троечастного здания с более низкими угловыми частями, увенчанными двумя закомарами каждая, и более высокою средней — с четырьмя закомарами. Каждая из этих частей увенчана луковичной главой, причем на неко-

¹ Полное собрание русских летописей. Т. VI, стр. 122.

² То же. Т. XXI, 2-я половина, стр. 358.

И тако и дрго мѣ старцѣ бѣго и менеи
 и дрѣ ю иконописцѣ призрадоу,
 вѣ вѣ пресоудящюу въ прѣмростн
 вѣ блгѣ и вѣднны чѣтныи мѣл. и прѣ
 чѣи мѣ швн. снма доврѣ вѣ трѣи шма
 швн тѣ аль блгѣ тѣи хубю. и вѣ гоу пома
 гийщюу. создаста доу
 битѣиан швн щѣко
 каменюу.
 вѣ вѣ
 швн.

1. Собор Спасо-Андроникова монастыря. Миниатюра из рукописного жития Сергия Радонежского (XVI в.)

В 1813 году под надзором архитектора Жукова в соборе были исправлены своды и устроена железная кровля, в 1818—1820 годах — сделан новый иконостас; в 1837 году живописец А. Жуков расписал собор внутри и снаружи, а в 1848—1850 годах, по проекту архитектора П. Герасимова, были перестроены паперти, устроены два придела с севера и юга от собора, устроен шатровый верх над ним и произведены значительные переделки внутри здания⁴.

Все эти переделки настолько изменили облик собора, что становятся понятными и указанный выше отзыв о нем академика архитектуры

торых миниатюрах боковые главы показаны без крестов, а закомары изображены то полуциркульными, то с килевидными верхами¹.

Нам неизвестны ни дальнейшая история собора на протяжении трех с половиной веков, ни те изменения, которые произошли за это время в его облике. Опись 1763 года говорит о существовании в соборе паперти с ризничной в ней палатой, на лево от западных дверей. В 1779 году архитектор Яковлев доносил о необходимости возобновления стенописи и поправки иконостаса в соборе, а также находил нужным пробить окно с западной стороны и два окна внизу между церковью и папертью и пристроить с северной стороны паперть, подобную той, которая уже окружала храм с южной и западной сторон².

В XIX столетии собор подвергся значительным изменениям, начавшимся с частичного восстановления разрушений, происшедших в 1812 году, о которых тогдашний настоятель монастыря, архимандрит Феофан сообщал следующее: «В соборном монастырском храме, созданном около 1360 года святителем Алексием митрополитом, по ограблении оногo, зажжен иконостас и прочее; от чего своды с главою упали внутрь храма...»³.

¹ Отдел рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина. № Г—5—19.

² Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. М. 1865, стр. 62.

³ Там же, стр. 76. Это донесение является, пожалуй, наиболее ранним документом, датирующим постройку каменного собора XIV веком.

⁴ Там же, стр. 80.

2. Собор Спасо-Андроникова монастыря.
Вид с востока

П. Покрышкина и то невнимание, с которым относились к нему исследователи русской архитектуры. После этого сколько-нибудь значительных переделок в соборе не производилось; лишь в 1865 году в нем, для уничтожения сырости, внизу были сделаны своды, по которым и были уложены полы¹.

После всех этих переделок собор приобрел вид кубического здания, увенчанного небольшим восьмигранным барабаном с шатровым верхом, окруженного с трех сторон невысокою пристройкой, с крыльцом с запада и абсидами с востока, по обе стороны алтаря древней части здания. Об этой части храма автор «Исторического описания» 1865 года писал как о более сохранившей свой древний вид. Тонкие и высокие полуколонны-жгуты с кувшинообразными капителями и аттическими базами очень напоминают о таких постройках конца XIV — начала XV веков, как Успенский собор в Звенигороде или соборы в Саввино-Сторожевском монастыре и Троице-Сергиевой лавре.

Весь же остальной внешний вид здания не говорит о его древности. Возвышающиеся над крышей пристроек гладкие стены четверика храма увенчаны посредине полукружиями, подобно тому как это было сделано в ряде московских построек первой половины XVIII века (церкви Иоанна Воина на Якиманке, Троицы на Капельках и др.). Широкие окна с полуциркульными верхами прорезаны под этими полукружиями на западном и боковых фасадах. Неширокий восьмигранный барабан с прямоугольными окнами, пилястрами с капителями «романского» характера на углах и кокошниками с раковинами в аттике венчает здание и, в свою очередь, несет высокую шатровую крышу. Вся детальная обработка здания, в частности выполненная в белом камне и штукатурке профилировка карнизов, кокошников и оконных наличников, с ее сухими и мелкими обломами, очень характерна для середины XIX века (рис. 2).

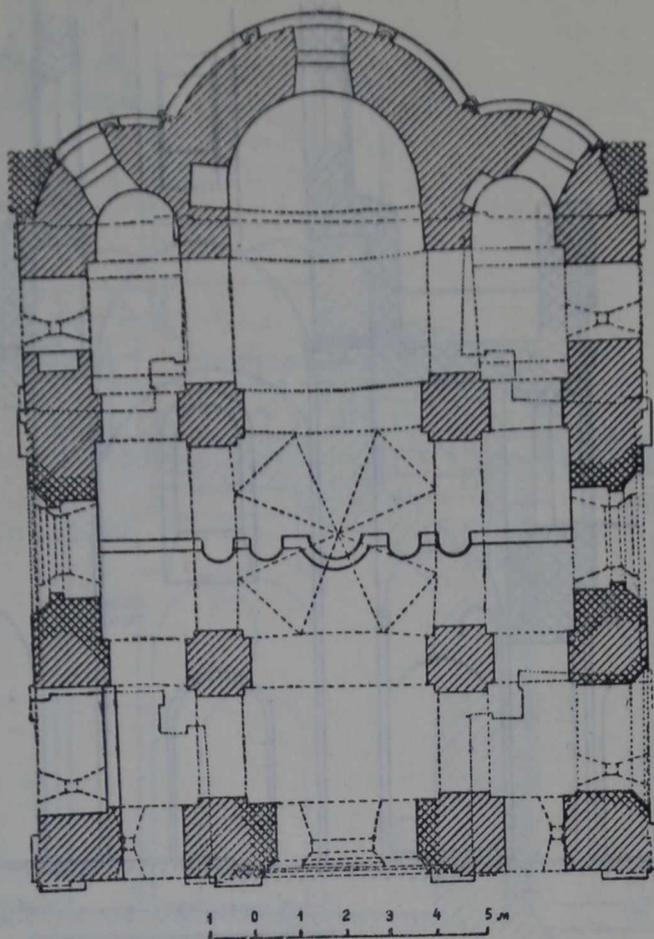
Больше чувствуется древность храма внутри его, несмотря на скучную, будничную стенопись 1837 года, прописанную в еще более позднее время. Четыре высоких крестообразных в плане столба отделяют широкое подкупольное пространство от узких боковых нефов; на столбы опираются подпружные арки, высоко поднимающиеся над коробовыми сводами среднего нефа и трансепта подобно тому, как и эти своды поднимаются значительно выше сводов (тоже коробовых) над угловыми частями. Все это очень непохоже на внешний облик здания и заставляло предполагать, что древний верх здания сохранился в большей степени, чем можно было заключить на основании донесения архимандрита Феофана о разрушениях в монастыре и его соборе в 1812 году, и должен значительно отличаться от существующего всей своей объемной композицией (рис. 3, 4, 5).

Лишь после Октябрьской революции собор Андроникова монастыря стал привлекать большее внимание исследователей. В 1918 году Всероссийской реставрационной комиссией, позднее преобразованной в Центральные государственные реставрационные мастерские, были произведены внутри собора работы, имевшие целью открыть из-под позднейших штукатурки и стенописи древние фрески работы Андрея Руб-

¹ Там же, стр. 86.

лева. Но произведенная в ряде мест отбивка штукатурки показала лишь, что стены действительно были покрыты фресками по тонкой обмазке, которая потом была частью сбита, частью мелко иссечена под новую штукатурку¹.

Но самое здание собора и его архитектура продолжали оставаться неизученными и неизвестными науке до 1933 года. В 1933 году по поручению Центральных государственных реставрационных мастерских автором настоящей статьи, при участии архитекторов А. Р. Егоровой и Е. Б. Шереметевой, были произведены обмеры и обследования его. Целью обследования было установить, наконец, что сохранилось здесь от первоначальной постройки и следует ли собор Андроникова монастыря считать древним зданием, перестроенным потом, или позднейшей постройкой, возведенной на древнем основании².

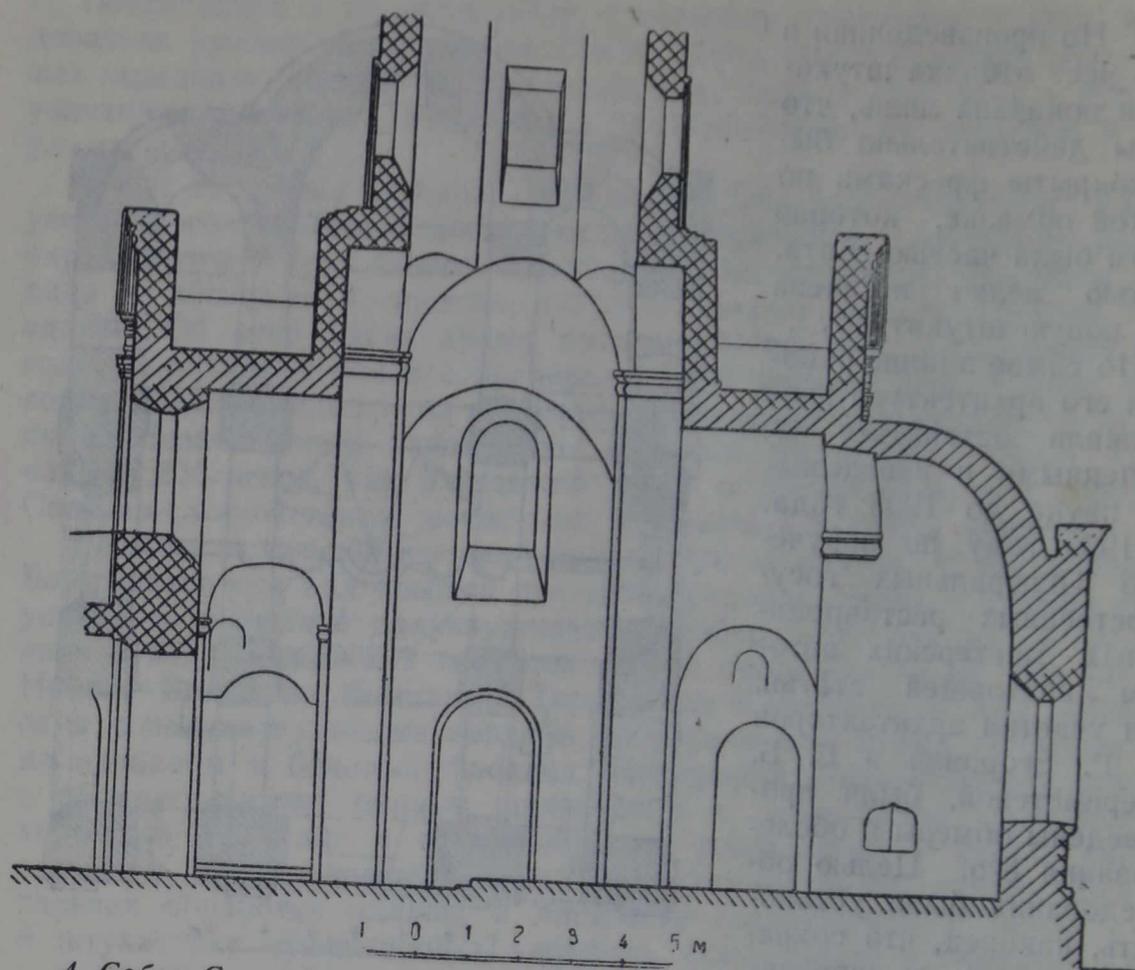
3. Собор Спасо-Андроникова монастыря. План собора

Обмеры арх. П. Максимова, А. Егоровой и Е. Шереметевой

Более темной штриховкой показана новая кладка, точечным пунктиром — второй ярус здания

¹ Грабарь И. Андрей Рублев. Вопросы реставрации. Сборник Центральных государственных реставрационных мастерских № 1. М. 1926, стр. 21.

² Результаты этого обследования заставили некоторых историков русского искусства изменить свое отношение к Андрониковскому собору. Так, А. И. Некрасов, в 1928 году датировавший его XVI веком (см. выше прим. 4), в своей книге «Очерки по истории древне-русского зодчества» (М. 1936) уже относит его постройку к 1357 году, но в описании его, сделанном на основании отчета автора настоящей статьи, представленного в 1933 году в Центральные государственные реставрационные мастерские, говорит о наличии у него боковых глав, о существовании которых можно лишь высказывать предположение, и даже трехлопастной обработки фасадов поста-мента, на котором стоит барабан с главой, что является ничем не обоснованным домыслом. Отсутствие указаний на первоисточник, на основании которого сделано это описание, лишает читателей возможности судить о степени его достоверности. Н. И. Брунов в статье «Ранне-Московская архитектура XIV—XV вв.» (Сообщения Кабинета истории и теории архитектуры Академии Архитектуры СССР, вып. 1. М. 1940) и Н. Н. Воронин в статье «У истоков русского национального зодчества» (Архитектура СССР, сборн. 5. М. 1944), приводя реконструкцию собора, сделанную на основании этого обследования, датируют его все же XIV веком.

4. Собор Спасо-Андроникова монастыря. Продольный разрез по среднему нефу
Обмеры арх. П. Максимова, А. Егоровой, Е. Шереметевой. Новый верх церкви не показан

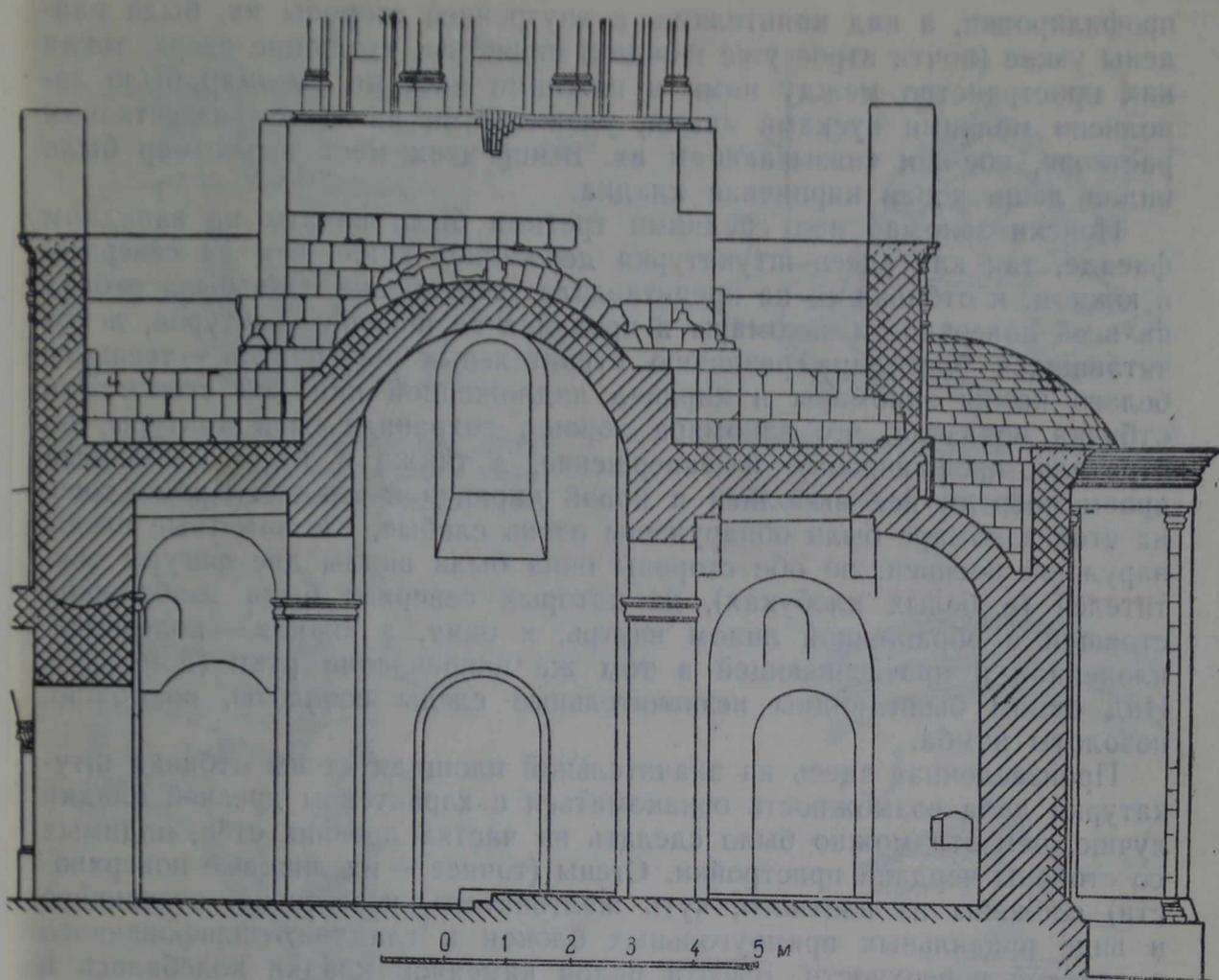
* * *

Обмеры памятников архитектуры являются не только средством их фиксации путём выполнения по ним чертежей, но и первым и неизбежным этапом в деле их исследования и раскрытия.

И здесь обмеры собора сразу же показали: 1) несоответствие между положением внутренних его пилястр и внешних, украшающих стены со стороны пристройки, 2) совпадение уровней его пола и цоколя алтарных абсид, 3) большую высоту чердака над самим зданием, 4) положение чердака пристройки на одном уровне со сводами угловых частей церкви и 5) различие внешней и внутренней высоты боковых абсид.

Все это заставило усомниться в древности наружных пилястр нижней части собора; позволило сразу, без предварительных поисков, открыть следы срубленной профилировки цоколя на его стенах непосредственно над полом пристройки и безошибочно определить те места (на чердаках пристройки и боковых абсид), где могут быть найдены остатки древних пилястр и боковых закомар.

Действительно, наружные пилястры нижней части собора оказались штукатурными и не имеющими каменной основы, а остатки древних

5. Собор Спасо-Андроникова монастыря. Продольный разрез по южному нефу
Обмеры арх. П. Максимова, А. Егоровой и Е. Шереметевой

пилястр — их верхние части с капителями — были найдены на чердаке пристройки почти против внутренних пилястр, причем капители тех и других находились на одинаковой высоте. Капители наружных пилястр, найденные на северной и южной стенах между средними и восточными третями фасадов, были сильно повреждены: северная, разрушенная с лицевой стороны, сохранила лишь свои боковые контуры, а от южной уцелел только один угол. Но сопоставление этих фрагментов дало возможность полностью реконструировать капитель, имевшую, вместе с абакой, высоту, равную двум рядам белокаменной кладки. Составлявшая половину этой высоты собственно капитель походила на колокол коринфской капители, правда, низкий и широкий, увенчанный массивной полочкой и отделенный от пилястры широким плоским поясом. Отвечавшая следующему ряду кладки абака имела тот же самый профиль утрированного, вытянутого вверх гуська, что и капители внутренних пилястр и полуколонны алтарных абсид (рис. 6, 8).

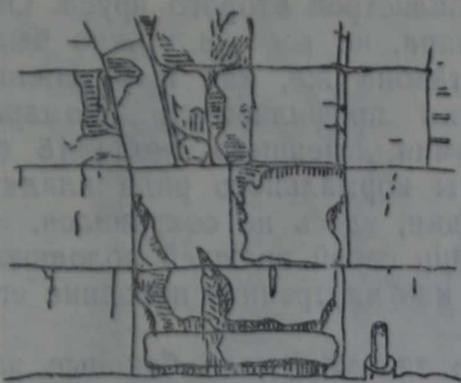
На этих же стенах, на восточных третях фасадов, были обнаружены и остатки закомар, не сохранивших лишь своих завершений и

профилировки, а над капителями, с внутренней стороны их, были найдены узкие (почти втрое уже нижних) пилястры, уходящие вверх, тогда как пространство между ними и нижними частями закомар было заполнено мелкими кусками камня, уложенными на тощем известковом растворе, кое-как связывающем их. Выше этих мест и закомар была видна лишь новая кирпичная кладка.

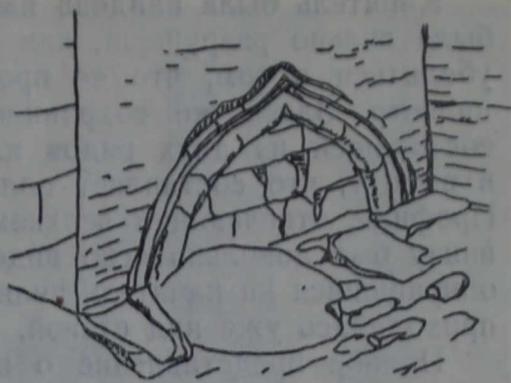
Поиски закомар над средними третями были начаты на западном фасаде, так как здесь штукатурка держалась хуже, чем на северном и южном, и отбивка ее не представляла затруднений. Она была отбита на всей поверхности закомары в пределах ее внешних контуров, легко читавшихся благодаря различию строительных материалов — тесаного белого камня закомары и кирпича надложенной над ней стены. Эта отбивка показала, что закомара хорошо сохранила свои контуры, но утратила профилировку и завершение, а также и то, что оконный проем посреди нее выполнен в новой кирпичной кладке. Кроме того, на этой закомаре были обнаружены очень слабые, еле заметные следы наружной росписи: по обе стороны окна были видны две фигуры святителей (в белых клобуках), из которых северная была изображена стоящей и обращенной лицом внутрь, к окну, а южная — коленопреклоненной и протягивающей в том же направлении руки (донатор?). Над окном были видны незначительные следы позолоты, возможно, позолоты нимба.

Произведенная здесь на значительной площади стены отбивка штукатурки дала возможность ознакомиться с характером древней кладки лучше, чем это можно было сделать на частях древних стен, видимых со стороны чердака пристройки. Стены (точнее — их лицевые поверхности) сложены из плотного, чуть желтоватого, известняка, отесанного в виде правильных прямоугольных блоков и гладко отшлифованного с лицевой поверхности. Высота рядов каменной кладки колебалась в пределах 32—33 см, но наиболее часто встречались ряды высотой в 35—36 см, в то время как длина камней не обладала даже и таким относительным единообразием. Степень сохранности камня различна. В то время как в одних местах (на средней закомаре западного фасада или северной — восточного фасада) он сохранился хорошо, в других (как хотя бы на средней и южной закомарах восточного фасада) его лицевая поверхность покрыта рядом трещин и от него местами отваливаются (отслаиваются) целые куски. Это явление проще всего объяснить тем, что в этих местах стены сильно пострадали когда-то от пожара: характер разрушения камня говорит скорее об этом, чем о действии влаги и мороза. Толщина камней видна лишь в немногих местах и колеблется в пределах 0,4—0,6 м, так что на долю внутренней забутки, при толщине стен около 1,5 м, приходится, в среднем, треть этой величины. Стены выведены на известковом растворе, довольно жирном, причем толщина швов здесь невелика и не превышает 0,5—0,6 см, но часто бывает и меньше этой величины.

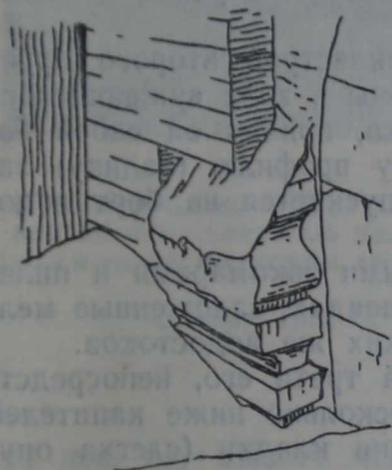
После этого на средних третях северного и южного фасадов были произведены лишь очень небольшие раскрытия, имевшие целью обнаружить то, что не сохранилось на западном, — завершение закомары и место ее примыкания к пилястрам. На южном фасаде было найдено завершение, имевшее килевидное очертание (рис. 9), а на северном —

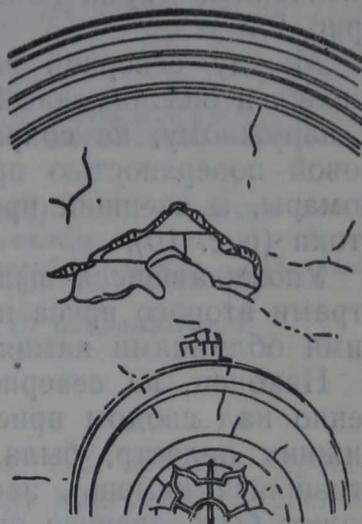
6. Собор Спасо-Андроникова монастыря. Остатки закомары и капители пилястры на северном фасаде

7. Собор Спасо-Андроникова монастыря. Северная закомара восточного фасада и остатки водостока

8. Собор Спасо-Андроникова монастыря. Остатки капители пилястры на южном фасаде

9. Собор Спасо-Андроникова монастыря. Завершение средней закомары, открытое на южном фасаде

узкие пилястры (нижние части которых были обнаружены еще на чердаке пристройки) с примыкающими к ним с внутренней стороны полупилястрами. Также обнаружена и граница между стенами четверика церкви и более тонкими стенами под закомарой. Но верхние части этих узких пилястр второго яруса, на которые, очевидно, опирались профили закомар, не сохранились и здесь, почему пришлось предпринять их поиски на восточном фасаде, где, судя по обмерным данным, эти детали, так же как и боковые закомары, должны были скрываться под крышами абсид.

И на восточном фасаде было обнаружено все то, чего не доставало для полной реконструкции закомар: капители пилястр второго яруса, места примыкания к ним средней закомары, профилировка закомар и водостоки.

Капитель была найдена над северной пилястрой второго яруса. Она была сильно разрушена, как и вся закомара, но все же можно было убедиться в том, что ее профилировка такова же, как и у нижних пилястр. Здесь же сохранились и остатки профилировки закомары, состоявшей из двух рядов кладки из камня, имевшего около 18 см в высоту, что составляет половину высоты нормального ряда кладки. Профиль, отвечающий верхнему ряду кладки, здесь не сохранился, но внизу был довольно ясно виден валик, лишь своей внешней половиной опирающийся на капитель пилястры, тогда как внутренняя половина его приходилась уже над стеной.

Полное представление о профилировке закомар дали боковые закомары восточного фасада, полностью сохранившиеся под крышами боковых алтарных абсид, которые первоначально были значительно ниже средней, но затем были надложены кирпичной кладкой вровень с нею. Верхний ряд кладки, которого не хватало на средней закомаре этого фасада, имел вид нависающей над нижним валиком выкружки, увенчанной двумя полочками — нижней маленькой и верхней большой (рис. 7).

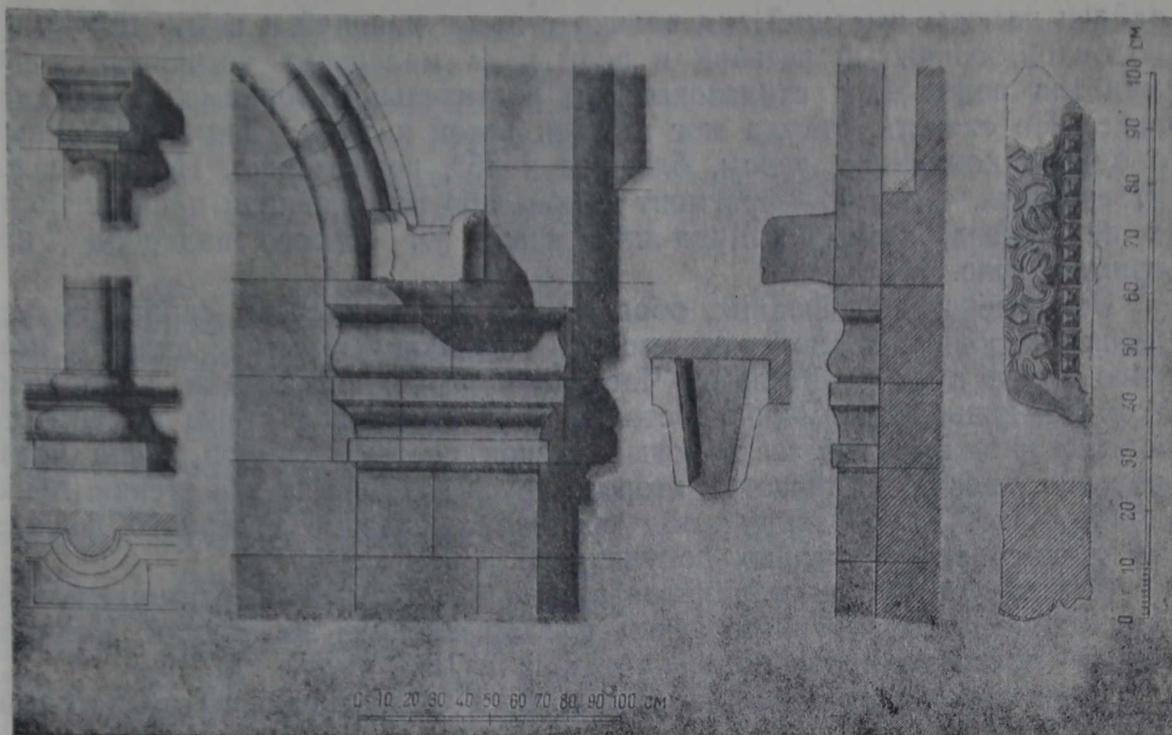
Между северной закомарой и северной пилястрой второго яруса уцелел и белокаменный водосток обычной формы в виде сужающегося к наружному, не сохранившемуся, концу лотка, причем он своей боковой поверхностью примыкает к внутреннему профилю (валику) закомары, а внешний профиль ее (выкружка) опускается на борт водостока (рис. 10).

Упомянувшиеся выше места между боковыми закомарами и пилястрами второго яруса на северном и южном фасадах, заложенные мелкими обломками камня, были гнездами от таких же водостоков.

Наконец, на северном фасаде, в восточной трети его, непосредственно над сводом пристройки, проходящим несколько ниже капителей нижних пилястр, была обнаружена деформация кладки (слегка опустившийся камень), заставившая предполагать, что под этим местом может быть древнее окно. Поиски его пришлось вести внутри церкви, так как снаружи это место было целиком закрыто новым сводом. Там, действительно, удалось найти заложенное окно, утратившее свою нижнюю часть, уничтоженную при устройстве новых арок, перекрывающих проемы, связывающие церковь с пристройкой. Окно сохранило свои откосы и сужающуюся конически внутрь покрывающую его арку. Такие же окна были затем обнаружены и на противоположной, восточной трети южной стены, и в западных третях обеих боковых стен, и в боковых третях западной.

Расположенные на оси закомар окна западных угловых частей внутри церкви, благодаря большой толщине стен, казались почти соприкасающимися своими откосами и образующими подобие одного углового окна.

Расположение этих окон на небольшой высоте служит достаточно убедительным доводом в пользу предположения о том, что этот храм никогда не имел хор. Другим доводом в пользу этого же предположения является отсутствие на западной стороне северо-западного столба каких-либо следов примыкания к нему в этом месте арки. Поверхность столба здесь совершенно гладкая и на ней сохранились

10. Собор Спасо-Андроникова монастыря. Детали собора. Полуколонна алтарной абсиды; капитель пилястры нижнего яруса с началом закомары, водосток и низом пилястры второго яруса; украшенный резьбой камень, найденный в кладке новой стены

Обмеры арх. П. Максимова, А. Егоровой и Е. Шереметевой

на всю эту высоту явные следы покрывавших его некогда фресок, насеченных под новую штукатурку и стертых при нанесении последней настолько, что невозможно судить даже о сюжетах изображений.

Обмеры средних закомар и сопоставление их чертежей с чертежами разрезов показали, что они должны были сильно возвышаться над примыкающими к ним сводами, наподобие парапетов, но еще больше возвышались над ними подпружные арки под куполом, так что даже их пяты и капители столбов, на которые они опирались, были выше, чем шельги сводов.

Щековые стены подпружных арок должны были, в силу этого, образовывать второй ярус закомар, создающий переход от основного четверика церкви к барабану купола. Этот второй ярус и предстояло найти на чердаке над древней частью здания.

При осмотре этого чердака было прежде всего обнаружено, что надстроенные над закомарами стены четверика церкви, казавшиеся снаружи сложенными целиком из нового полуторавершкового кирпича, включают в себя и значительное количество белого камня из разрушенных древних частей здания, в частности профилированного камня из закомар. Среди последних было несколько обрамлений завершений закомар, имевших вид двух валиков, сходящихся под прямым углом и высеченных из одного куска камня. В кладке западной стены был

найден камень, имевший вид валика с примыкающей к нему маленькой полочкой, покрытый резьбой в виде ряда маленьких усеченных пирамид (на полочке) и стилизованного растительного орнамента (на валике). Но сказать, откуда мог взяться такой камень, гладко срезанный с одного конца под углом, близким к 45° , невозможно. Нельзя даже утверждать, что это — фрагмент какой-либо разрушенной части собора, а не камень, взятый откуда-либо извне (от старого надгробия, например) (рис. 10).

Боковые стенки средних, образующих в плане крест, сводов сохранились хорошо на всю свою высоту, отвечающую высоте пилястр второго яруса с их капителями. Частичной разборкой кладки, надложенной над южной закомарой восточного фасада новой стены в месте ее примыкания к одной из боковых стенок средних сводов, было установлено, насколько пилястры второго яруса заходят на эти стенки. Было обнаружено, что пилястры под средней закомарой северного фасада не имеют дополнительных полупилястр.

Значительно хуже сохранился второй ярус храма — возвышающиеся над сводами подпружные арки и закрывающие их стенки, видимо, сильно пострадали при падении купола в 1812 году.

Углы этого квадратного в плане яруса были украшены пилястрами, которые сохранились на три ряда каменной кладки выше, чем боковые стенки средних сводов, но утратили свои капители. На северо-западном углу не сохранились даже и пилястры, так как он целиком сложен вновь из кирпича.

Самые же закомары, т. е. щековые стенки подпружных арок, не только не сохранили нигде своего внешнего контура, но даже не достигают высоты подпружных арок, будучи на большей части своей высоты сложены вновь из кирпича. Непосредственно над сводами, примыкая к остаткам южной и восточной щековых стенок подпружных арок, находятся подобия арок, сложенных в один камень и не сохранивших своих нижних частей¹. На юго-западном углу из-под кладки щековых стенок, имеющих один камень (около 0,6—0,7 м) в толщину, был виден, на высоту лишь одного ряда кладки, угол, к обеим сторонам которого они примыкали. Возможно, что этот угол, сложенный из гладко отесанного камня, является остатком квадратного в плане постамента, непосредственно на котором стоял уже барабан купола и стены которого в плане совпадали с подпружными арками. Но выше этот угол тоже сложен из кирпича, так как и самые подпружные арки переложены, если не целиком, то в большей части. Во всяком случае, разборка кирпичной верхней части щековой стенки южной подпружной арки показала, что верхняя часть последней сложена из нового кирпича. Невозможность разборки этих стенок на большем протяжении лишает возможности судить о том, много ли сохранилось от древних арок. Снаружи через окна барабана можно видеть, что нижние части подпружных арок над юго-восточным столбом отличаются от верхних тем, что образуют входящий угол, подобный

¹ Возможно, что эти подобия арок вместе с сильно возвышающимися над сводами средними закомарами служили опорами для крыш, имевших вид или настчла или второго свода, по которым была уложена кровля.

такому же углу столба и видимый на высоту 30—40 см над капителью, тогда как выше они сливаются с парусом непосредственно. Это говорит о том, что не только столбы с их капителями, но и нижние части по крайней мере двух подпружных арок — древние (рис. 11).

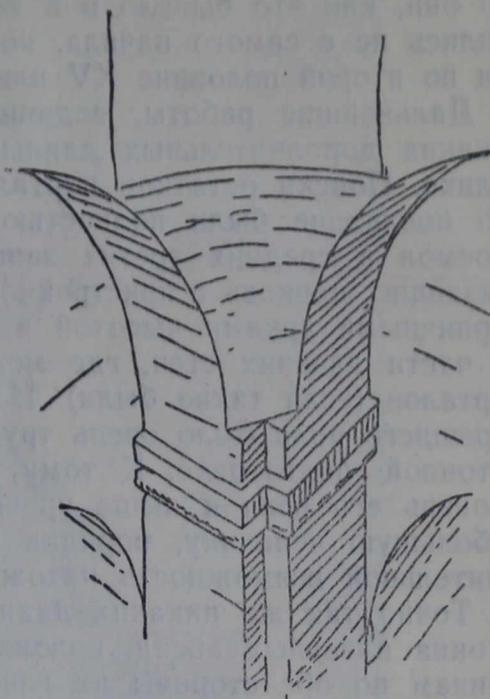
Стоящий на подпружных арках восьмигранный барабан, перекрытый таким же сомкнутым сводом, сверх которого устроена высокая шатровая крыша, — новый и никаких остатков старого барабана в себя не включает.

Своды церкви сложены из того же тесаного белого камня, что и ее стены, и имеют снаружи обмуровку из большемерного кирпича, который по своим размерам может быть отнесен к XVI или XVII векам, причем над угловыми коробовыми сводами этой обмуровке придан вид крестовых сводов, щечковыми стенами которых и являются боковые закомары двух смежных фасадов.

Дополнительные арочки-ступеньки, усиливающие коробовые своды над восточными угловыми частями церкви, позволяли предполагать, что они были сделаны для восприятия дополнительной нагрузки от боковых глав, стоявших здесь. Такое трехглавие соответствовало бы и изображениям рассматриваемого здания в упоминавшейся уже рукописи XVI века, но каких-либо остатков барабанов боковых глав на этих сводах не было видно. Быть может, при более тщательном изучении и удастся найти какие-либо их следы. Но если эти главы и существовали, то вряд ли они были световыми, открытыми внутрь здания.

И без того небольшое пространство, на котором могли быть расположены эти главы, еще уменьшено стоящими частично там же углами стен с пилястрами второго яруса здания. Это не только должно было уменьшить диаметры боковых глав, но и отодвинуть их ближе к углам, благодаря чему они стояли бы частично на стенах четверика церкви, а оси их оказывались бы не совпадающими с осями закомар, в особенности восточных закомар боковых фасадов.

Таким образом, легче предположить здесь существование глухих, декоративных глав на шеях небольшого диаметра, тем более, что и коробовая форма сводов над восточными углами церкви говорит в пользу этого предположения: если бы здесь были отверстия световых глав, заделанные позднее, то свод приобрел бы форму парусного, но никак не коробового. В этом случае боковые главы могли бы, пожалуй, рассматриваться как едва ли не наиболее ранний из известных нам примеров декоративных глав, но не исключена возможность и того,

11. Верх юго-восточного столба с парусом и остатками древних подпружных арок

что они, как это бывало и в некоторых других древних храмах¹, появились не с самого начала, но позднее, при одном из ремонтов здания во второй половине XV или в начале XVI века.

Дальнейшие работы, ведшиеся в нижней части церкви, не дали никаких дополнительных данных для суждения о ее первоначальном облике. Поиски остатков порталов были неудачны и показали только, что последние были полностью уничтожены при устройстве больших проемов в средних третях западного, северного и южного фасадов, связавших церковь с пристройкой. Эти проемы были перекрыты новыми кирпичными арками высотой в два кирпича, чем были уничтожены и те части древних стен, где могли быть килевидные завершения арок порталов (если такие были). Искать следы порталов ниже уровня теперешнего пола было очень трудно, так как этот пол — мозаичный, по бетонной подготовке. К тому же, как об этом упоминалось ранее, уровень его если и выше уровня первоначального, то лишь на очень небольшую величину, порядка 10—12 см, что делает еще более сомнительной возможность нахождения под ним остатков портала.

Точно так же никаких данных для реконструкции здания не дали и окна алтарных абсид, положение которых по отношению к полуколоннам по обе стороны их говорило о том, что если они и не были пробиты вновь, а являются результатом расширения более узких древних окон, то это расширение было произведено симметрично в обе стороны с уничтожением древних оконных откосов.

Напоследок были осмотрены и подвалы, образовавшиеся под зданием после того, как в 1865 году под его полы были подведены своды, часть которых, под пристройкой, доступна для осмотра. Но и здесь, ниже уровня пят сводов, опирающихся на стены самой церкви, виден был лишь ее фундамент, сложенный из такого же камня, как и стены, но грубо отесанного. Стены пристройки здесь были такими же новыми, как и выше уровня земли, и никаких следов стен или фундаментов более древних пристроек, примыкавших некогда к церкви, обнаружено не было.

* * *

Таким образом, обследование храма показало, что некоторые древние части его: купол, барабан, верхние части закомар второго яруса и порталы утрачены полностью или почти полностью, но, несмотря на это, и уцелевшие части древнего здания достаточно убедительно говорят о его своеобразии и позволяют дать хотя и неполную, но достоверную графическую реконструкцию этого здания (рис. 12).

На довольно высоком цоколе, верхняя часть которого была профилирована наподобие аттической базы, возвышался четверик храма, расчлененный с каждой стороны пилястрами на три части, увенчанные закомарами с килевидным завершением. Боковые части каждого фа-

¹ Например, в соборе московского Чудова монастыря 1501 года, который считали пятиглавым, но со снесенными во второй половине XVIII века боковыми главами. На самом деле, как показало его обследование, произведенное в 1929 году, боковые главы были добавлены позднее (судя по их строительному материалу — около второй половины XVI в.) и были не световыми, но декоративными.

12. Собор Спасо-Андроникова монастыря. Восточный фасад
Реконструкция арх. П. Максимова

сада значительно уже и ниже средних, а средние, поднимаясь почти в полтора раза выше боковых, образуют, вместе с венчающими их закомарами, крестообразный в плане объем, завершающий четверик храма. На пересечении ветвей этого креста возвышался, в свое время, второй ярус с барабаном и куполом.

Углы этого креста обработаны узкими пилястрами, опирающимися на внутренние края капителей средних пилястр четверика и, в свою очередь, служащими опорами для средних закомар каждого фасада. Лицевые стены этого креста несколько тоньше стен нижних частей храма, и обрез между ними проходит чуть выше верха капителей нижних пилястр, образуя единственное (если не считать профилировки цоколя), и то мало заметное, горизонтальное членение на фасаде.

В основном же, в обработке фасадов храма преобладают вертикальные членения — пилястры, — правда, довольно плоские и сливающиеся на углах четверика, креста и второго яруса в угловые пилястры. Большею устремленностью ввысь обладают углы креста, где с лицевого фасада к пилястрам, более узким и стройным, примыкают полупилястры и алтарные абсиды с их тонкими полуколоннами, тянущимися на всю их высоту. Килевидные завершения закомар и самое расположение их на разных высотах вместе с отвечающими этому различными высотами алтарных абсид способствуют в еще большей степени созданию такого впечатления, которое подчеркивается еще расположением окон на западном и боковых фасадах. Здесь высоко поднятые окна средних частей и низко опущенные — боковых частей образуют треугольники, подобные тем, в которые вписываются и верхние части фасадов.

Такое подчинение и объемной композиции здания и обработки его фасадов одному началу способствует единству и цельности его облика, что еще более усугубляется подчинением высот всех его деталей одному модулю, каким является высота ряда каменной кладки. Высота цоколя, капители полуколонны абсиды, капители пилястры, ее абаки равны этой величине, как и профилировка закомар, выполненная из двух рядов кладки из камня половинной высоты. Немногочисленность профилей этих деталей, где повторяются только выкружка, валик и утрированный вытянутый вверх гусек, также способствует большей архитектурной цельности всего здания собора. Наконец, самая фактура поверхности стены, где горизонтальные швы проходили через стены и пилястры, связывая их в одно целое, служила все той же цели.

Труднее представить себе, чем мог быть верх храма. Пилястры на углах его второго яруса не сохранили капителей, но остатки юго-западного угла пьедестала, бывшего под барабаном купола, уцелевшие на пять рядов кладки выше верхнего следа пилястр, позволяют с точностью до одного ряда кладки определить их местоположение. Их низы не могли быть ниже сохранившихся остатков пилястр, а верхи — выше их более чем на три ряда кладки, так как иначе опирающиеся на них закомары должны были бы закрыть угол пьедестала, гладкая, без следов раствора поверхность которого говорит о том, что он был открытым. Принимая для капителей этих пилястр ту же высоту, что и для одинаковых с ними по ширине пилястр четверика храма, т. е. в два ряда кладки, мы сможем поместить эти капители лишь на один ряд выше или ниже.

На приводимой здесь реконструкции (восточный фасад и аксонометрический разрез) эти капители помещены на одном уровне с капителями внутренних столбов, подобно тому как и в нижней части храма капители внешних и внутренних пилястр находятся точно на одном и том же уровне. Опирающимся на эти пилястры закомарам приданы на реконструкции та же профилировка, что и сохранившаяся на нижних закомарах, и очертания наиболее простые и отвечающие их назначению — служить щековыми стенами подпружных арок.

Купол, его барабан и пьедестал под последним показаны на этих чертежах уже не как реконструкция, но как восполнение утраченных частей, и сделаны возможно более простыми и не отвлекающими вни-

*13. Собор Спасо-Андроникова монастыря. Вид с юго-востока
Реконструкция арх. П. Максимова*

мание зрителя от того, что является не домыслом, но реконструкцией, основанной на бесспорных данных. Боковые главы на этих чертежах не показаны, так как нет достаточных данных не только для суждения об их размерах и архитектурной обработке, но и для подтверждения самого факта их существования. Порталы на этих чертежах нарисованы по образцу таких же в соборах в Звенигороде, Саввино-Сторо-

жевском монастыре, Троице-Сергиевой лавре и церкви Воскрешения Лазаря в Московском Кремле — зданиях, наиболее близких к рассматриваемому и по времени постройки и по детальной обработке.

На перспективном виде, также приводимом здесь (рис. 13), храм показан в процессе постройки, что дало возможность автору реконструкции показать лишь те части здания, которые можно восстановить на основе бесспорных натуральных данных, не прибегая ни к каким домыслам. Этот перспективный вид является подтверждением сказанного выше о том, что и уцелевшие древние части здания, не давая возможности составить точное представление о первоначальном облике храма в целом, говорят в то же время достаточно убедительно о его своеобразии и высоких художественных достоинствах.

★ ★ ★

Того, что собор Андроникова монастыря сохранил от своего первоначального облика, достаточно и для определения его места среди других памятников русской архитектуры — более ранних, более поздних и современных ему.

Время его постройки — конец периода, совпадающего с княжением Димитрия Донского и Юрия Звенигородского, который, подобно времени Ивана Калиты, был ознаменован строительством ряда каменных зданий в Москве и ближних городах. Но, в отличие от времени Ивана Калиты, от этого периода дошло до наших дней несколько зданий, дающих представление о московской архитектуре этого времени, уже начинающей приобретать свойственный ей характер, сохраняя еще многое, роднящее ее с владими́ро-суздальской архитектурой XII—XIII веков.

Церковь Воскрешения Лазаря в Московском Кремле (1395), соборы Саввина-Сторожевского монастыря (начало XV в.), Троице-Сергиевой лавры (1423) и Александровской слободы, ныне Успенского монастыря, в г. Александрове (1428—1434) напоминают владими́ро-суздальские прообразы и строительными материалами, и техникой, и общей композицией, повторяя тот тип кубической крестово-купольной церкви с одной главой, трехабсидным алтарем и расположенными на одном уровне закомарами, который уже в XII веке был представлен такими блестящими образцами, как церковь Покрова на Нерли (1165) или Дмитриевский собор во Владимире (около 1195 г.).

Плотный, отесанный в виде правильных прямоугольных блоков известняк и манера кладки стен, сводов и проемов в перечисленных выше постройках конца XIV — начала XV веков настолько близки к таким же во владими́ро-суздальских постройках XII—XIII веков, что невольно возникает мысль о том, что строителями каменных храмов Москвы и Звенигорода могли быть прежде всего владими́рцы, унаследовавшие определенные художественные и строительные навыки у своих предков, уже во второй половине XII века слывших, по свидетельству летописи, искусными каменщиками.

Таковы же, как и во владими́ро-суздальских постройках, и перспективные порталы, и отдельные детали, как профили цоколей наподобие аттической базы, и манера выполнять более мелкие детали, как колонки абсид и порталов, архивольты последних и профили за-

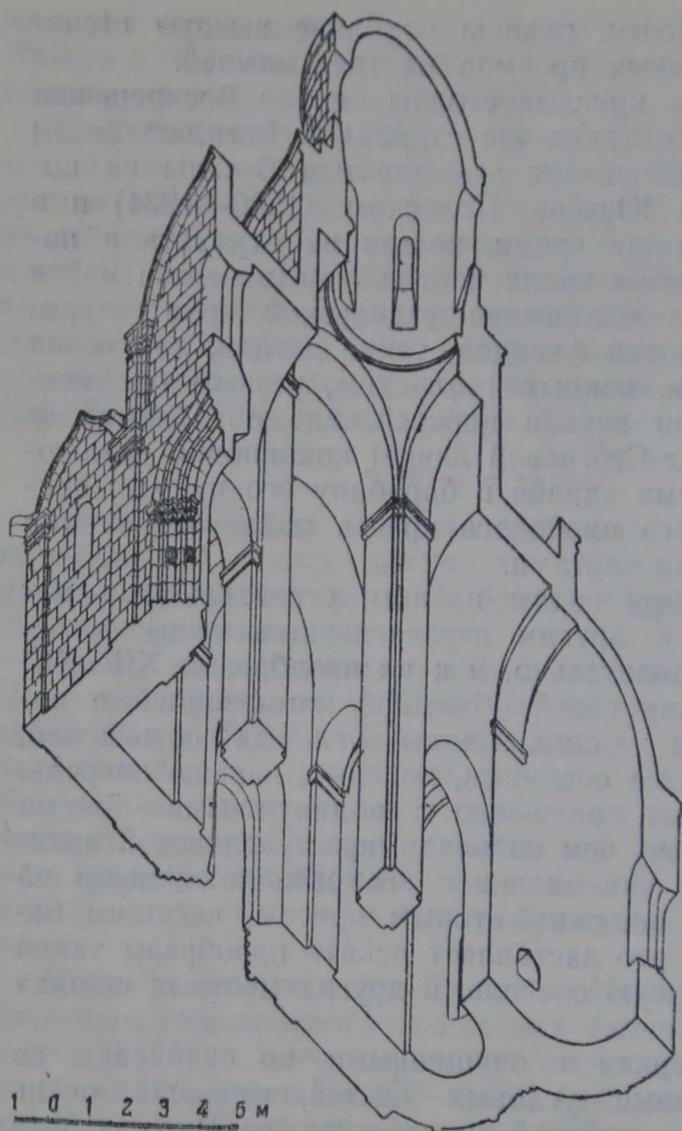
комар, из камня, имеющего высоту, равную половине высоты стенового, или выполнение арок оконных проемов из трех камней.

Даже такие особенности, как круглые столбы церкви Воскрешения Лазаря, имеют свои прообразы в таких же столбах в Боголюбовском соборе (1158), а килевидные завершения закомар или бусины на колоннах порталов — в соборах в Юрьеве Польском (1230—1234) и в Суздале (1222—1233). Но, в то же время, нельзя не отметить в постройках XIV—XV веков и наличия таких черт, которых нельзя найти в сохранившихся произведениях владими́ро-суздальской архитектуры. Простота и сдержанность обработки фасадов, такие детали, как пояса из трех рядов каменной кладки, покрытой плоским, резным орнаментом, более сложная композиция верхов церквей, где появляются (в соборах в Звенигороде и Троице-Сергиевой лавре) кокошники, создающие переход от основного объема здания к барабану его купола, поднятые выше сводов основного планового креста подпружные арки под куполом, и являются такими чертами.

Собор Андроникова монастыря своим планом, строительными материалами и техникой близок к другим перечисленным выше современным ему постройкам, а следовательно, и к их прообразам XII—XIII веков, но резко разнится от них своей объемной композицией и порождающим ее расположением сводов. Своды угловых помещений, низко опущенные по сравнению со средними, которые, в свою очередь, кажутся низко опущенными по сравнению с подпружными арками купола, создают совершенно иные, чем во владими́ро-суздальской архитектуре, внутренний и внешний вид здания с его расположенными на разных уровнях закомарами и широким вторым ярусом, несущим барабан с куполом (рис. 14). Все это заставляет искать прообразы такой композиции где-то еще и, в первую очередь, в других местных школах русской архитектуры.

Тип крестово-купольной церкви с опущенными, по сравнению со средними, сводами и закомарами угловых частей, имевший очень широкое распространение в византийской архитектуре, на Руси не был преобладающим, хотя примеры применения этого приема композиции дают уже такие древние здания, как Спасо-Преображенский собор в Чернигове (30 годы XI в.), Пятницкая церковь там же (первая половина XII в.), Михаило-Архангельская (Свирская) церковь в Смоленске (1191—1194 гг.) и собор Мирожского монастыря в Пскове (1152). Широкое распространение этот тип храма получает позднее — с XIII века в Новгороде и с XV — в Пскове.

Но здесь здания покрывались простой восьмискатной крышей, прямоскатной или криволинейного очертания, и фасады их завершались не тремя закомарами, но трехлопастной кривой (церкви Николая на Липне 1292 г., Успения на Волотовом поле 1352 г. и собор Сковородского монастыря 1355 г. близ Новгорода), или многолопастной кривой (новгородские церкви Спаса Преображения 1374 г., Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. и Власия 1407 г.), или, наконец, прямоскатными треугольными фронтонами (новгородские церкви Феодора Стратилата на Ручье 1361 г., Дмитрия Солунского 1383 и 1462 гг. и псковские церкви). Обычная для новгородских зодчих манера покрывать угловые части церквей половинами коробовых сводов отвечала восьмискатным

14. Собор Спасо-Андроникова монастыря. Изометрический разрез
Реконструкция арх. П. Максимова

и Саввина звенигородского монастыря, и сравнение сильного подъема подпружных арок последних со слабым, чуть заметным подъемом их в псковской церкви позволило другим исследователям (А. Некрасов, Н. Брунов) считать, что в московской архитектуре этот прием достиг полного развития и законченности раньше, чем в псковской.

Не считая этот вопрос решенным, отметим, что и в позднейших псковских церквях, где подъем подпружных арок стал значительно большим (никогда не достигая, однако, такой величины, как в Андрониковском соборе), и в таких средне-русских постройках, как собор Троицкой лавры, он оставался только внутренней формой, никак не отражаясь на композиции объема здания. В соборе Андроникова монастыря,

крышам в полной мере, хотя псковские церкви, при таких же крышах, имели покрытие угловых частей полными коробовыми сводами, не находящими, в отличие от Андрониковского собора, отражения на композиции фасадов.

Ступенчато-приподнятое расположение подпружных арок и сводов Андрониковского собора также заставляет вспомнить о Пскове, где подобного рода конструкции были широко распространены в XV и XVI веках. Некоторые исследователи (Ф. Горностаев, К. Романов), считая такое расположение сводов и подпружных арок специфически псковским, объясняли появление его в средне-русских, в частности в московских, постройках влиянием Пскова. Но наиболее ранняя из сохранившихся псковских церквей, где встречаются приподнятые подпружные арки, — Васильевская церковь с горки (1413) по времени постройки близка к соборам Троице-Сергиевой лавры

наоборот, вся композиция верха вытекает из расположения подпружных арок, и их подъем создает второй ярус, переходный от четверика храма к купольному барабану, подобных которому нет в псковской архитектуре (рис. 14). И вообще в русских постройках, современных Андрониковскому собору и более ранних, чем он, трудно найти такого рода вторые ярусы. Лишь в Софийском соборе в Киеве (первая половина XI в.) могло быть подобие второго яруса закомар, примыкавших с запада, севера и юга к среднему купольному барабану и создававшихся ступенчатым подъемом не подпружных арок (они в этой постройке опущенные), но самых коробовых сводов среднего нефа и трансепта. Другой пример подобия второго яруса, основанного уже на подпружных арках, еще не возвышающихся над сводами, дает собор Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке, построенный около 1160 года мастером Иоанном.

Но все это — единичные примеры зданий, и по композиции и по времени постройки далеких от Андрониковского собора¹.

Если обратиться к архитектуре зарубежных стран, то всего больше аналогий Андрониковскому собору можно найти в архитектуре Сербии; здесь можно видеть и расположение закомар на разных уровнях, отвечавшее расположению средних и угловых сводов, и подобие второго яруса закомар, и ступенчатое расположение если не подпружных арок, то сводов, близкое к тому, что можно видеть в восточной части среднего нефа Андрониковского собора.

В отличие от большинства близких по объемной композиции построек Греции и Малой Азии, где на фасадах были видны лишь закомары, отвечавшие средним коробовым сводам в то время, как угловые были скрыты за стенами, выполненными горизонтальными рядами кладки и не отражающими того, что скрыто за ними, сербские церкви, как правило, всегда имеют по три закомары на каждом фасаде — высокую, среднюю и низко опущенные боковые. Даже в небольших бесстолпных церквях XIV—XV веков три такие закомары, ставшие, видимо, традиционной, освященной обычаем формой, часто украшают боковые фасады их. Правда, почти во всех сербских церквях боковые закомары покрыты сверху крышей с горизонтальным карнизом, но, возможно, что в некоторых случаях это было результатом позднейших перестроек. Из сербских церквей наиболее близка к Андрониковскому собору церковь в Грачанице (в Старой Сербии близ Куманова), построенная в 1321 году. Здесь все закомары — и низкие боковые и высокие средние — открыты сверху, и в основании среднего купольного барабана есть второй ярус их; алтарные абсиды, в соответствии с расположением закомар на разных уровнях, имеют различную высоту.

Из более поздних и близких по времени к Андрониковскому собору сербских построек времени знаменитого «протомайстора» Боровика Радэ наибольшее внешнее сходство с ним имеют небольшие церкви

¹ Известный лишь по рисунку XVI века Троицкий собор в Пскове 1365—1367 годов также имел второй ярус в виде низенького, квадратного в плане постамента, на котором, окружая барабан купола, стояли восемь кокошников. Но рисунок еще не говорит о том, относится ли это к первоначальной постройке или было изменено позднее.

без внутренних столбов, подобные церквам в Калениче, Крушеваце, Нейпаре, где над расположенными на разных уровнях закомарами, венчающими фасады, возвышаются четыре закомары второго яруса, окружающие пьедестал под купольным барабаном.

Не следует, однако, переоценивать значение этого сходства между сербскими церквами и Андрониковским собором: во многом они и различаются между собой. Планы сербских церквей, сильно вытянутых по линии восток — запад, нередко не имеющих внутренних столбов и, в большинстве случаев, имеющих на боковых фасадах абсиды — «певницы», счень непохожи на его план и планы других современных ему русских церквей.

Подпружные арки сербских церквей чаще делались опущенными по сравнению с примыкающими к ним сводами, а не приподнятыми, как в интересующих нас русских постройках, и в обработке фасадов сербских и русских построек XIV—XV веков можно найти больше различия, чем сходства. Фасады русских построек более просты и строги, чем фасады сербских, где широко применялись и двухцветная кладка, сочетававшая цвета камня и кирпича, и тонкая резьба, каменным кружевом покрывающая архивольты закомар и обрамления оконных проемов. Правда, нельзя не отметить наличия некоторого сходства отдельных орнаментальных мотивов и техники выполнения этих деталей с украшающими фасады некоторых русских церквей того времени (соборы в Звенигороде, Саввином монастыре, Троице-Сергиевой лавре и Александровской слободе) поясами из трех рядов камня, покрытых резным орнаментом. Но это, так же как и необычные для русской архитектуры круглые окошки-розетки (в Звенигородском соборе и церкви Воскрешения Лазаря в Московском Кремле) или стрельчатая форма подпружных арок собора Троице-Сергиевой лавры, близкая к тому, что можно видеть в некоторых сербских церквах, как Великая церковь в Студеницкой лавре (около 1190 г.) или церковь в Арилье (до 1272 г.), говорит лишь о том, что культурные связи между Русью и южными славянами, особенно оживленные в XIV—XV веках, отразились и на некоторых частностях русской архитектуры, что уже отмечалось в литературе¹.

Другие детали, как капители пилястр и их абак или профилировка закомар, находят аналогии не только в сербской архитектуре, но и в готике.

Короче говоря, если можно указать на сходство между отдельными частностями собора Андроникова монастыря и такими же в ряде современных ему и более ранних построек на Руси и за рубежом, то нельзя найти среди них близкие аналогии этому зданию в целом.

Если обратиться к более поздним русским храмам, то и здесь можно отметить очень немного таких, которые имели бы значительное сходство с Андрониковским собором. Лишь соборы Рождественского монастыря в Москве (1501) и Успенского монастыря в Старице (30 годы XVI в.) имеют высокие, средние и низкие угловые своды и отвечающее

¹ Брунов Н. И. К вопросу о ранне-московском зодчестве. Труды Секции археологии Института Археологии и Искусствознания РАНИОН, т. IV, стр. 103—104, М. 1928.

этому расположение закомар на разных уровнях. Видимо, и позднее этот прием композиции здания, несмотря на свою красоту, не пользовался широким распространением.

Причину этому можно искать в трудности отвода атмосферных осадков от углов второго яруса и боковых стенок креста, образуемого средними сводами. Затруднения с этим были и в соборе Андроникова монастыря, где первые переделки крыш имели место именно на углах: на юго-западном углу второго яруса и на примыкающих к нему стенках креста видны борозды и пятна краски (желтого тона) над ними — следы железной крыши, устроенной над первоначальными посподными покрытиями угловых частей храма еще тогда, когда боковые стенки средних сводов были открытыми, а не выходили, как сейчас, на чердак.

Нужно думать, что строители сербских храмов, близких по композиции к Андрониковскому собору, также испытывали затруднения с перекрытиями этих мест, судя по тому, что едва ли не одна только церковь в Грачанице имеет в наши дни все свои закомары открытыми сверху, тогда как у остальных зданий этого рода поверх угловых закомар надложены стенки, заканчивающиеся горизонтальными карнизами, и сделаны прямоскатные крыши.

Если так было в Сербии, то в нашей стране, с ее более суровым климатом, вопрос о сохранении крыш и сводов должен был заботить строителей в еще большей степени, и понятно, почему у нас получили широкое распространение лишь те крестово-купольные церкви с низкими угловыми частями, у которых и угловые и средние своды были покрыты общей восьмискатной (прямо- или криволинейной) крышей, непосредственно над которой, без промежуточного второго яруса, возвышался барабан купола.

* * *

Подводя итоги всему сказанному выше, приходится сделать вывод, что собор Андроникова монастыря, несмотря на его типичные для московской архитектуры того времени план, строительные материалы, технику и детали, стоит несколько особняком среди других ее произведений, благодаря своей объемной композиции.

Наиболее близкие аналогии собору Андроникова монастыря можно указать не среди современных ему, но среди более поздних (первая половина XVI в.) русских или среди более ранних (первая половина XIV в.) сербских храмов. И нельзя ли объяснить его обособленное положение среди других русских храмов тем, что он мог в какой-то мере отразить южно-славянские влияния, столь понятные в то время, когда завоевание Балканского полуострова турками вынудило эмигрировать на Русь ряд видных южно-славянских церковных деятелей и когда такие представители их, как митрополит Киприан и Пахомий Логофет, своими трудами оказали сильное влияние на русскую письменность XIV—XV веков.

С другой стороны, можно объяснить происхождение форм Андрониковского собора и без привлечения к этому иноземных влияний — соединением в нем новгородской объемной композиции со средне-русской трактовкой фасадов, в частности их верхов. Возможно также, что особое положение собора Андроникова монастыря кажется нам таким

лишь по причине отсутствия у нас должных сведений о его предшественниках. Нам неизвестно, какими были каменные храмы Ивана Калиты, так же как неизвестны и верхи поздних владими́ро-суздальских построек — соборов в Суздале и Юрьеве-Польском. Может быть, в них уже были какие-то намеки на ярусность, развивавшие то подобие второго яруса закомар, которое, пусть несколько случайно, но появилось уже в Успенском соборе во Владимире при его обстройке в 1185—1189 годах и могло вместе с такими деталями, как бусины на колоннах порталов и килевидные завершения закомар, а также вместе со всей строительной техникой, быть перенесенным в Москву. Ведь и в области живописи Москва XIV—XV веков, как это доказал И. Грабарь в своей статье о Андрее Рублеве, была, прежде всего, преемницей суздальской школы¹.

Наконец, можно предположить, что автор собора Андроникова монастыря был зодчим, искавшим новых путей в искусстве, стремившимся самостоятельно решать стоявшие перед ним задачи и не склонным итти по проторенным дорожкам, зодчим, в котором художник явно преобладал над строителем.

Анализируя приведенный выше текст Пахомия Логофета о постройке каменного собора в Андрониковом монастыре, невольно обращаешь внимание на то, что писатель, упомянув после игумена Александра и Андрея Рублева «прочих многих», далее ставит местоимения, прилагательные и глаголы, относящиеся к постройке обители и каменной церкви не во множественном, но в двойственном числе — «сима», «строящими», «создаста» вместо «сими», «строющими», «создаша», заставляя тем самым считать создателями церкви лишь двоих — игумена и Андрея Рублева. И если игумен мог быть создателем церкви как инициатор и организатор ее постройки, то не мог ли Андрей Рублев — величайший художник древней Руси — быть ее автором? О том, что он украсил ее «подписанием чудным своим рукама», Пахомий сообщает дальше, после того, как он назвал его создателем церкви, и это позволяет предполагать, что Рублев мог быть автором не только ее фресок, но и ее проекта — какого-то изображения, по которому опытные владимирские каменщики и построили это здание, в одно и то же время и похожее и непохожее на все то, что строилось в одно время с ним.

Может быть, дальнейшие дополнительные исследования самого здания собора и какие-нибудь случайные открытия неизвестных доселе древних изображений и описаний его прольют дополнительный свет на вопросы не только о его первоначальных формах, но и о его авторе, хотя и сейчас это здание говорит о многом.

Оно говорит не только о своем древнем облике, о своем своеобразии и о своем месте среди других произведений русской архитектуры. Оно говорит также и о том, что Москва начала XV века, все более и более становившаяся центром, объединявшим вокруг себя русское государство, была уже крупным художественным центром, который, не порывая связи с прошлым и с зарубежными странами, выражал идеи своего времени на языке создаваемых им новых архитектурных форм.

¹ Грабарь И. Андрей Рублев. Вопросы реставрации № 1.

ЦЕРКОВЬ ТРИФОНА В НАПРУДНОМ

Арх. Л. А. Давид

Церковь Трифона в Напрудном с давних пор привлекала к себе внимание исследователей древне-русского зодчества. Павлинов, Суслов, Красовский, Горностаев, Некрасов, Романов и другие в качестве одного из образцов определенного периода развития русской архитектуры обычно приводят в своих трудах Трифоновскую церковь, но ни в одном из этих трудов не сделано сколько-нибудь серьезной попытки датировать памятник или документально восстановить его первоначальный облик.

В 1920-х годах профессор Д. П. Сухов при одном из обследований обнаружил ряд древних элементов храма, позволяющих говорить о возможности полной реставрации одного из древнейших памятников Москвы. В 1927 году памятник обследовал архитектор П. Д. Барановский. Вскоре затем к его изучению приступил профессор С. А. Торопов, сделавший предварительную графическую реконструкцию и даже приступивший к реставрации в натуре цокольной части южного фасада. К сожалению, эта интереснейшая работа была прервана, а реставрация прекращена в начальной стадии.

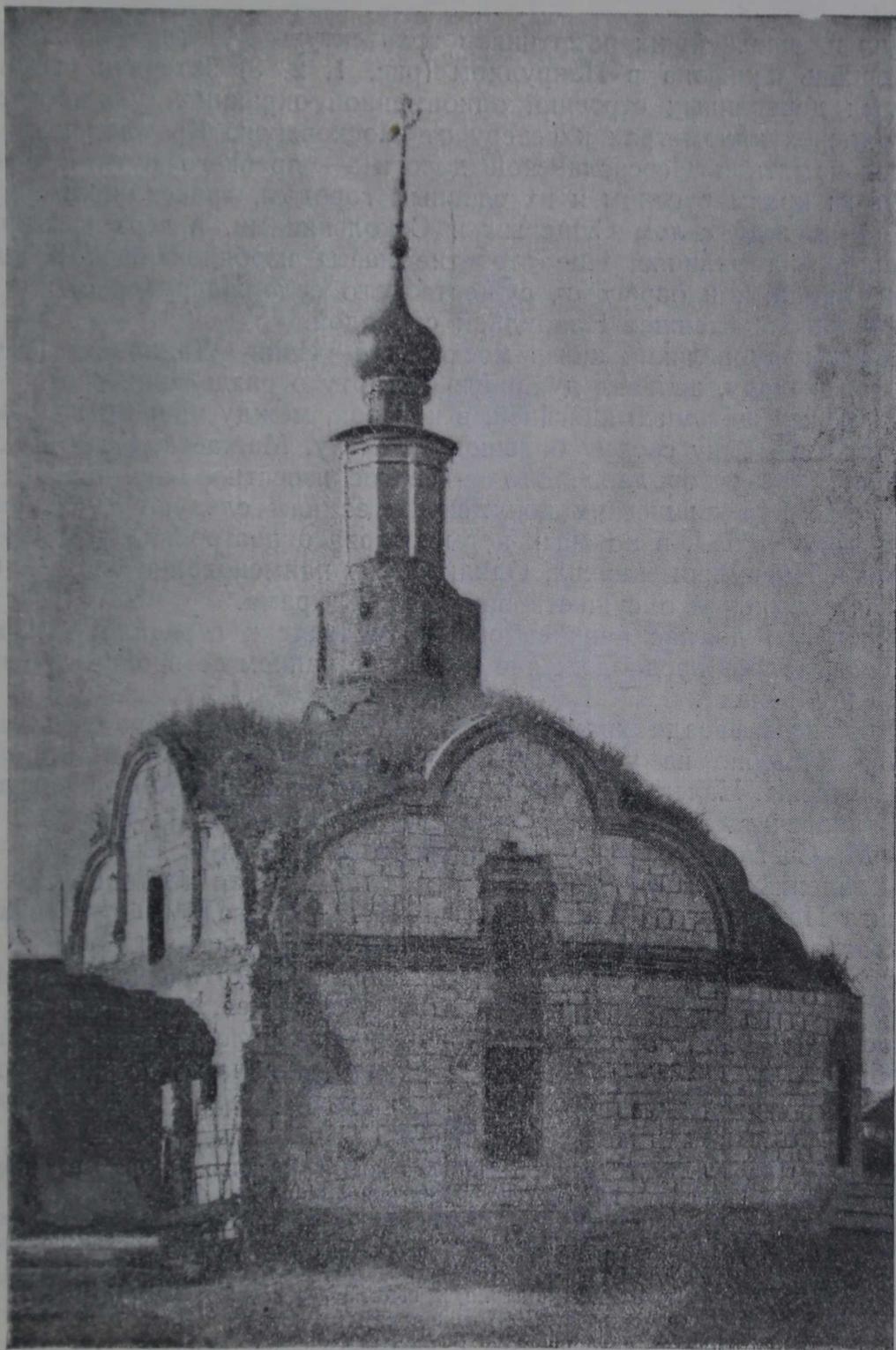
В 1934 году автором настоящей статьи, по заданию Государственного Исторического музея, производилось обследование сооружения и разрабатывался проект перенесения его в село Коломенское. Эта работа была продолжена в 1936 году под руководством архитектора П. Д. Барановского; тогда была удалена позднейшая, искажавшая памятник, четырехскатная кровля, разобраны надложенные в конце XVII века верхние угловые части здания и произведено исследование покрытия.

Позже работа перешла в ведение Музея Академии Архитектуры, произведшего окончательное удаление новой штукатурки внутри и снаружи здания, но не завершившего работ профилактической консервацией «раскрытого» памятника.

Осенью 1941 года Комиссия по охране памятников архитектуры Академии Архитектуры СССР, руководимая профессором Д. П. Суховым, в дни памятных тяжелых испытаний решила произвести защитный обмер и изучение древнего храма. Честь выполнения этой работы выпала на долю автора, который считает своим долгом выразить здесь самую искреннюю благодарность Д. П. Сухову, П. Д. Барановскому и С. А. Торопову, внимательность и глубокие знания которых оказали неоценимое содействие в выполнении всей работы, производившейся в крайне тяжелых условиях.

1. Церковь Трифона в Напрудном. Вид с северо-запада
Фото Г. Н. Сошальского

2. Церковь Трифона в Напрудном. Вид с юго-запада
Фото Г. Н. Сошальского

Один из древнейших памятников архитектуры Москвы — белокаменная церковь Трифона в Напрудном (рис. 1, 2, 3) затеряна среди невзрачных деревянных строений одноименной окраинной улицы города.

В четырех километрах к северу от Московского Кремля, недалеко от достопамятной Переяславской дороги — древнего пути к северо-восточным краям русским и их славным городам, «рассадникам искусства», — между селом Сущевым и Сокольниками, в верховьях речки Неглинной, на равнине, еще столетие назад изобиловавшей мокрыми лугами, прудами и оврагами, существовало село Напрудское, или Напрудное, позже ставшее Напрудной слободой.

В 1328 году великий князь московский Иван Данилович Калита, съезжая в Орду, написал духовную грамоту о разделении своего имущества между детьми и княгиней, в которой, между прочим, говорится: «...се дал есть сыну своему большому Семену, Мажаеск, Каломну... село Напрудское у города...». Это — первое известное упоминание села Напрудного в исторических документах; за ним следуют упоминания 1426 и 1505 годов¹, в которых нет ни слова о построении или существовании в Напрудном церкви. Однако само наименование его селом не оставляет сомнений о существовании здесь храма.

Дошедшую до нас церковь обычно относят к середине XVI века, но высказывалось предположение и о более раннем ее происхождении — в XIV—XV веках².

На южном фасаде храма, на белокаменном поле западной трети фасада, примерно на уровне человеческого глаза, высечена надпись: «Лета 3 пре...». Начертание букв, по мнению специалистов палеографов, не противоречит обозначенной дате «лета 7000», т. е. 1492 года³.

И. М. Снегирев сообщал о надгробных камнях с надписями 1570 года, найденных в самой церкви⁴. Эти камни до нас не дошли.

Книга Патриаршего приказа под 1625 и 1628 годами упоминает о существовании «церкви Вмч (великомученика) Трифона, в селе Напрудном»⁵, а в той же книге под 154 годом (1646) впервые говорится о каменной церкви⁶. Это свидетельство, разумеется, не исключает возможности существования каменной церкви и в более ранний период.

Событие, относящееся к 1703 году, — выдача в церковь нового антими́нса⁷, возможно, было связано с новым значительным периодом

¹ В 1426 г. в духовной грамоте великого князя Василия Васильевича Темного записано: «а из московских сел даю своей княгине Напрудное село у города с дворы городскими, что к нему потягло». О дальнейшем росте поселения свидетельствует духовная грамота Ивана III от 1505 г.: «а сыну Дмитрию даю на Москве сельцо Напрудное с дворы городскими и пасадными».

² Изв. имп. археол. ком., прибавление к вып. 37, стр. 56, СПб, 1910.

³ Надпись обнаружена арх. П. Д. Барановским в 1936 г.

⁴ «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города». Изд. А. Мартынова, текст Снегирева. Т. I. М. 1865, стр. 6.

⁵ «Материалы для истории археологии и статистики г. Москвы» И. Забелина. Ч. I, стр. 723.

⁶ «154 г. Дворцовое Напрудное село, за Сретенскими воротами, на Переяславль-ской дороге, подле Москвы, а в селе церковь Трифона каменная».

⁷ «1703 г. Октябрь 18, выдан антими́нс в церковь Вмч Трифона, что в Напрудной, вместо ветхого; взял поп Василий Стефанов».

3. Церковь Трифона в Напрудном. Вид с северо-востока
Фото Г. Н. Сошальского

в истории сооружения. В документах говорится не о Напрудном, а о Напрудной, повидимому, уже слободе¹.

Ряд сведений, относящихся к XVIII столетию, показывает, что значение селения и самой церкви постепенно падает. Возникал вопрос об упразднении церкви. Возможно, это было связано с переездом двора в северную столицу и упадком значения пригородного дворцового села, как было с Коломенским и другими старыми подмосковными.

На протяжении XIX столетия памятник претерпевает значительные изменения: в 1825 году пристраивается южный Никольский придел; в 1839 году сооружается колокольня, в 1860 году — северный придел Филарета Милостивого; в 1890—1895 годах, по проекту архитектора П. П. Зыкова, с запада возводится обширный храм, к счастью, разобраный уже в наше время.

Этими скудными сведениями, в сущности, и исчерпываются известные исторические свидетельства, относящиеся к Трифоновской церкви.

Не лишена интереса сложившаяся вокруг памятника народная легенда, связывающая возникновение церкви с чудесным избавлением от царского гнева Ивана Васильевича Грозного одного из его сокольничьих — некоего боярина Патрикеева.

Следует отметить, что луга и леса, расположенные близ дворцового села Напрудного, издавна были одним из излюбленных мест для великокняжеской, позже царской соколиной охоты².

В связи с этим известный интерес представляет до сих пор обстоятельно не истолкованное изображение св. Трифона на фреске, украшавшей алтарную абсиду³. Перед нами равнина, справа — белая одноглавая церковь, слева — группа деревянных изб, в середине, на фоне голубого неба, на белом коне едет юноша с нимбом вокруг головы; за его спиной развевается пурпурный плащ, на поднятой правой руке сидит кречет с распростертыми крыльями (рис. 4).

В житии Трифона из Фригии, которому посвящен храм, нет ни слова о соколах или соколиной охоте, так же как нет и эпизода, дающего повод изображать святого на коне с соколом; его каноническое изображение — фигура, стоящая в рост, с крестом в руке.

Вернемся к легенде. Внимание останавливает имя героя легенды — Патрикеев. Патрикеевы — известная боярская фамилия. При великом

¹ Об этом говорит и более ранняя запись Ружной разметной книги: «Церкви мученика Трифона в Напрудной... А у той церкви в приходе дворов: государев, воловой, разных слобод 26 дворов тяглецов, нищих и вдов 8 дворов, загородных: 2 боярских, 6 стольничьих, 2 дьяческих, 1 подьячий, 1 певческого дьяка, итого 46 дворов».

² От более позднего времени, годов царствования Алексея Михайловича, до нас дошли письма царя — любителя соколиной охоты, привести которые довольно интересно для характеристики местности, окружавшей Трифоновскую церковь еще в XVII веке.

11 апреля 1657 года, в письме к стольнику Матюшкину, царь писал: «...так я поехал к Сущеву, да наехал прыск, водою налил, меж Сущева и Напруднова; так отпустили сокола Мадина и он хорошо полетел, да не слез, а утки многие, свияжи и шилохвости и чирята». 12 июля 1657 года, в письме к ловчому, царь пишет: «...без нас, великого государя, добыл красный кречет Гамаюн Каршака промеж Сущева и рощи, что к Напрудному; при стольнике нашем князь Рамадановском». И. Забелин. Опыты изучения русских древностей. Ч. I, М. 1872, стр. 296, 298.

³ Фреска относится к концу XVI — началу XVII века. В 1930-х годах фреска снята и перенесена в Гос. Третьяковскую галерею.

4. Изображение на северо-восточной стороне алтарной абсиды. Фреска XVI—XVII веков¹

Фото Музея Академии Архитектуры СССР

князе Иване III крупную роль играл князь Иван Юрьевич Патрикеев, правнук Ольгерда Литовского, племянник Василия Темного, человек, по происхождению и по сану близкий к великому князю. Известно, что князь Иван Патрикеев подвергся опале великого князя, был приговорен к казни и только благодаря заступничеству московского духовенства получил помилование с пострижением в Троице-Сергиев монастырь, дорога к которому пролегает мимо села Напрудного¹.

В «Полном собрании государственных грамот и договоров» опубликована духовная грамота князя Ивана Юрьевича Патрикеева, относящаяся к 1498 году. Вместе с текстом грамоты воспроизведены семь привешенных к ней восковых печатей. На одной из них изображен всадник с птицей, распростершей крылья на поднятой руке².

¹ И. Ю. Патрикеев скончался в 1499 году.

² Изображение всадника с птицей на руке встречается также и на великокняжеских монетах — см. А. Лакиер «Русская геральдика». СПб. 1855.

Тождественность необычного изображения на алтарной абсиде церкви и изображения на печати грамоты князя Патрикеева, приговоренного к смерти и «чудесно» оставшегося в живых, наконец память о соколиных охотах у села Напрудного, стоявшего на «соколином пути», могли породить в более позднее время известную версию легенды, в которой переплелись правда и вымысел, а событие оказалось отнесенным к царствованию столь популярного в народной памяти Ивана IV. Во всяком случае, нам кажется пока мало основательным привлечение легенды для определения даты сооружения храма, как это делали некоторые исследователи Трифоновской церкви.

2

Перейдем к рассмотрению данных, полученных в результате произведенного раскрытия и исследования памятника.

В 1933—1936 годах около церкви был устроен карьер для добычи песка, обнаживший на всю, почти двухметровую глубину заложения фундамент здания. Он сложен из больших валунов — «голышей» на глине, покрытых двумя рядами тесаных камней известняка¹.

Стены храма возведены из двух параллельных, вертикальных, не имеющих перевязи, облицовочных стенок; пустоты между ними заполнены обломками бута на известковом растворе. На высоте 3,25 м от цоколя наружные поверхности стен перебиты многорядным горизонтальным кирпичным поясом. Внутри здания на этом же уровне расположены пяты угловых частей свода. С этой отметки наружная облицовка продолжает оставаться белокаменной, а внутренняя выложена из маломерного кирпича² (рис. 5).

Белокаменная кладка выполнена из гладко отесанных с лицевой поверхности квадров, не имеющих между собой регулярной перевязи и значительно разнящихся по размерам³.

Собственно церковь, близкая в плане к квадрату, перекрыта так называемым крещатым сводом с отчетливо выраженным стрельчатым очертанием кривых, имеющих в зоне распалубок прямолинейные участки. Для перехода от квадратного в плане перекрестья распалубок к круговому плану барабана в его углах устроены треугольные сферические паруса. Полуциркулярная алтарная абсида перекрыта сводом, близким по форме к полусфере (рис. 5, 6).

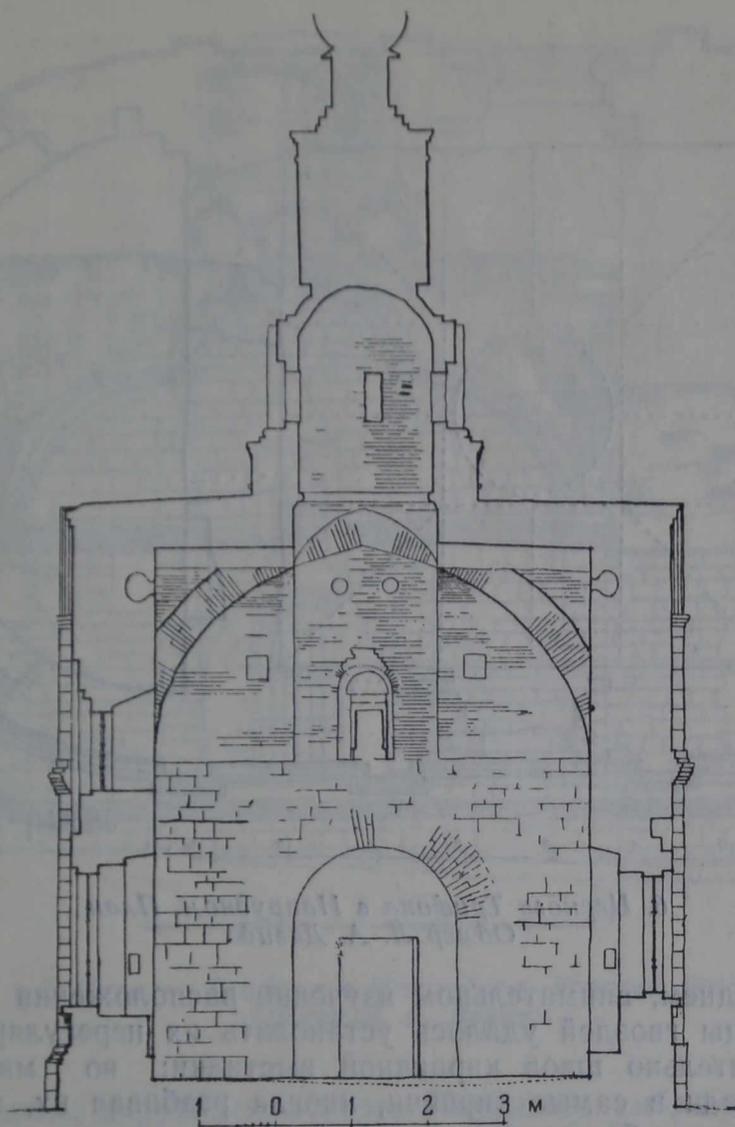
Все своды сложены из кирпича размером $45 \times 110 \times 224$ мм, при толщине алтарного свода — в один кирпич, а системы сводов и зрок, перекрывающих собственно церковь, в два кирпича⁴.

¹ Есть основания предполагать, что фундамент сделан сплошным под всей площадью здания. На это имеется указание в брошюре И. Приклонского «Историческая запись о Московской Трифоновской, что в Напрудной (слободе), церкви». М. 1884.

² Размер кирпича — $45 \times 110 \times 224$ мм; система кладки — «крестиком»: чередование «тычков» и «ложков» с затиркой швов при их толщине в 10—15 мм.

³ Средняя высота ряда 18—25 см, длина квадров 29—40 см, толщина горизонтальных швов 6—25 мм, вертикальных 6—20 мм.

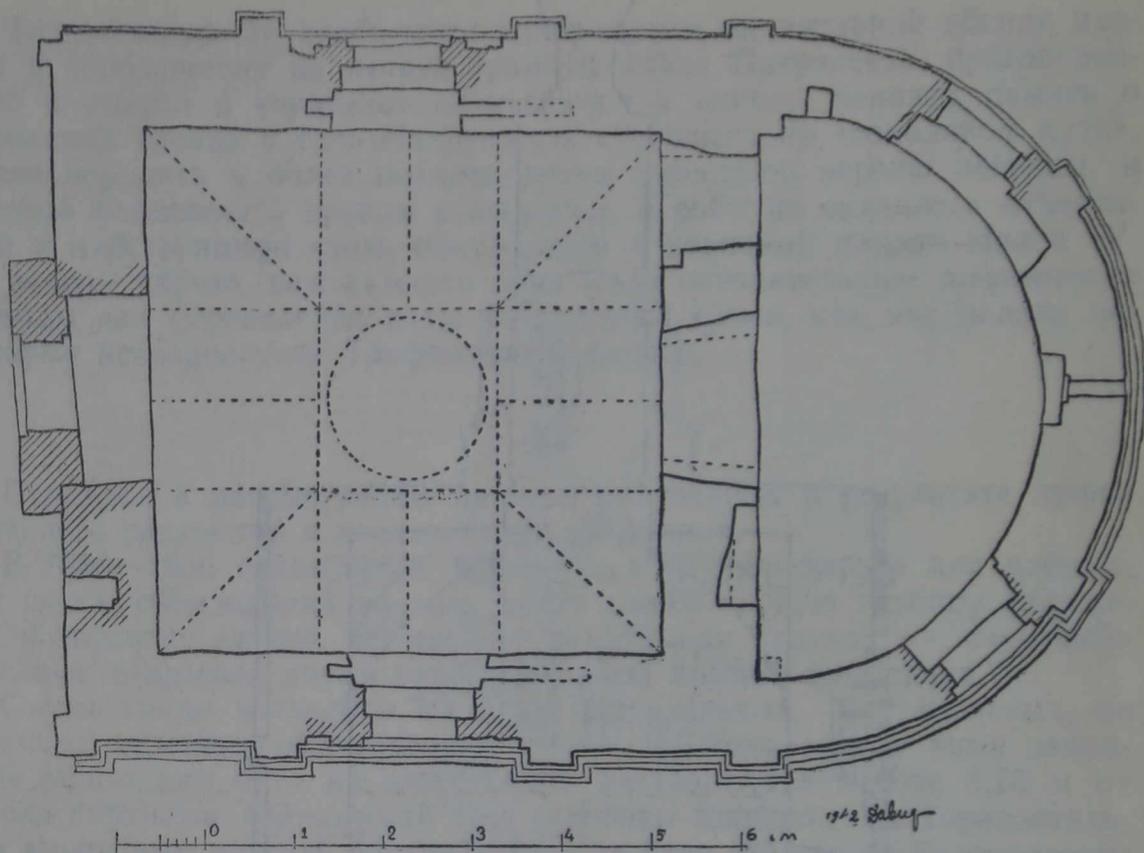
⁴ В памятнике обнаружены кирпичи следующих размеров: $45 \times 110 \times 224$ мм — материал, примененный при возведении; $80 \times 140 \times 280$ мм — включения XVII века; $62 \times 120 \times 250$ мм — включения начала XIX века; $65 \times 120 \times 260$ мм — искажения конца XIX века.

5. Церковь Трифона в Напрудном. Разрез по линии север—юг
Обмер Л. А. Давида

До осени 1936 года церковь стояла покрытой четырехскатной железной кровлей. При исследовании 1928 года проф. Тороповым в швах кладки сводов были обнаружены кованые гвозди. Было высказано предположение о первоначальном покрытии церкви черепицей или лемехом. В 1936 году, при очистке пазух сводов от мусора, мне удалось найти древнюю черепицу из хорошо обожженной глины. В месте разлома она серого цвета, по наружной поверхности покрыта блестящим черным составом, напоминающим по своей фактуре античные греческие лаки. В продольном сечении черепица имеет слегка изогнутую форму, позволяющую плотнее укладывать ее по кривым поверхностям сводов.

В настоящее время своды сохранили покрытие в виде выстилки по забутке положенным «на постель» маломерным кирпичом. Забутка, слей которой доходит до 20 см, служит переходом от формы крещатых сводов к трехлопастному завершению фасадов.

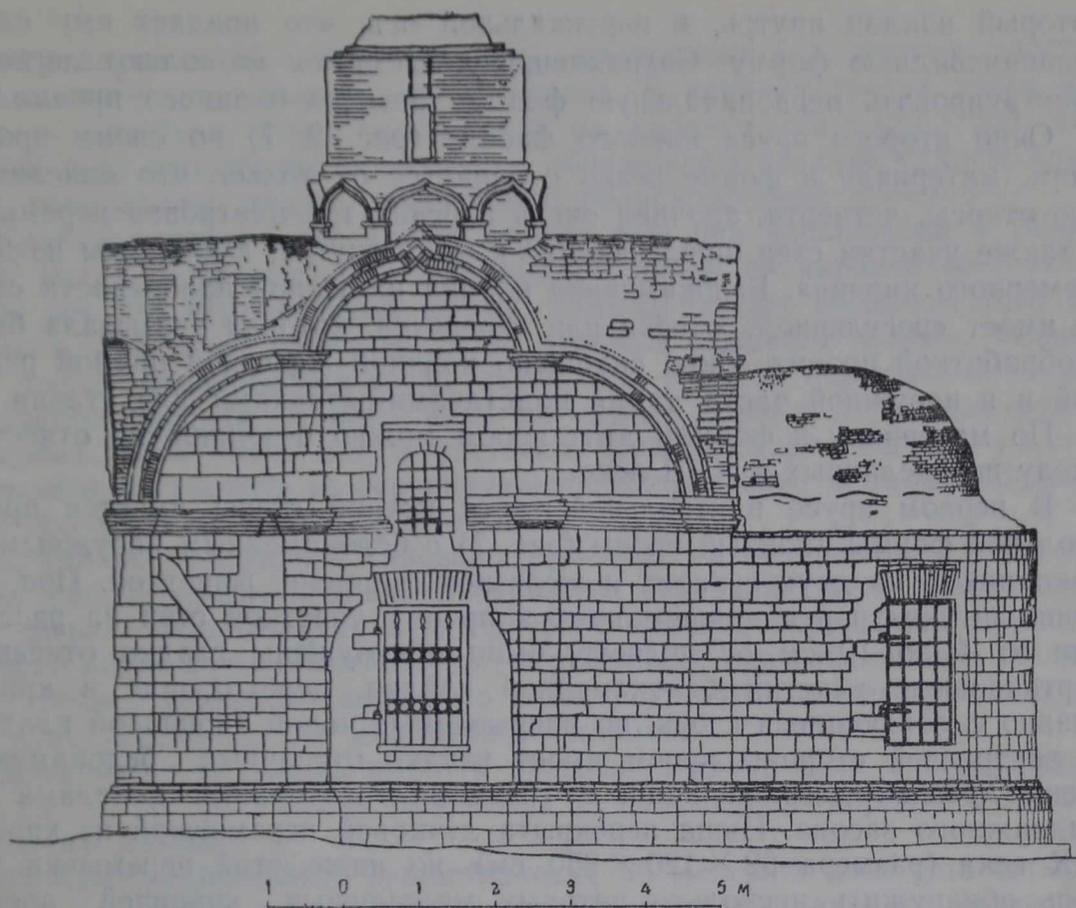

6. Церковь Трифона в Напрудном. План
Обмер Л. А. Давида

При последнем, внимательном изучении расположения сохранившихся от черепицы гвоздей удалось установить их нерегулярное расположение относительно швов кирпичной выстилки; во многих случаях гвозди попадали в самые кирпичи, иногда разбивая их, иногда сгибаясь. Под черепицу была сделана известковая подливка, служившая дополнительным пластическим связующим элементом.

Церковь имеет в настоящее время десять оконных и три дверных проема. Три проема имеются в цилиндрической шее главы; они — прямоугольной формы с параллельными вертикальными щечками, имеющими рваную поверхность. Эти проемы не выложены, а прорублены в древней кладке. На наружной поверхности барабана над каждым окном имеются выложенные из цельного маломерного кирпича ниши, нормально перевязанные с кладкой барабана. Вертикальные плоскости их щек идут по радиусам к центру барабана. На восточной стороне барабана оконного проема нет, а имеется ниша, идущая от полувала на всю существующую сейчас высоту барабана. Размеры и характер этой ниши вполне соответствуют трем сохранившимся фрагментам ниш на других сторонах барабана. Таким образом, с достаточной основательностью устанавливается отсутствие первоначально световых отверстий, по меньшей мере на сохранившуюся высоту трибуны, и можно лишь предположить их наличие в его утраченной верхней части.

Окно второго яруса западного фасада до осени 1936 года было скрыто кирпичной закладкой и слоем штукатурки; оно расположено сра-

7. Церковь Трифона в Напрудном. Южный фасад
Обмер Л. А. Давида

зу над средним наружным поясом. Наружная амбразура имеет белокаменные щеки и арочную перемычку из маломерного кирпича. Замком служит горизонтально положенный с клиновидно-обсеченными краями большемерный кирпич.

В плане проем имеет две трапециевидных амбразуры, обращенные друг к другу малыми основаниями и отделенные друг от друга прямоугольными выступами «плечиков» толщиной в один маломерный кирпич. В настоящее время сохранились только два нижних ряда кладки из маломерного кирпича; выше идет кладка XVII века из большемерного кирпича ($80 \times 140 \times 300$ мм), а на высоте 63—65 см положена белокаменная перекрывающая проем плита с положенным на нее рядом из большемерного кирпича. Создается впечатление своеобразного каменного переплета. Внутренняя амбатура выложена из маломерного кирпича, перевязанного с прилегающими участками кладки стены; в щеках амбразуры сохранились гнезда для убираемого в толщину стены засова, державшего оконницу. Внутренняя арочная перемычка также в значительной степени утрачена, за исключением нескольких маломерных кирпичей в ее пятовых частях. Сохранившийся внутренний подоконник по высоте совпадает с горизонтальной линией пят угловых частей свода. Наружные откосы проема не вертикальны, а имеют не-

который наклон внутрь, к вертикальной оси, что придает ему слегка трапециевидную форму. Сохранившиеся элементы позволяют легко реконструировать первоначальную форму древнего оконного проема.

Окно второго яруса южного фасада (рис. 2, 7) по своим пропорциям, материалу и форме резко отличается от только что описанного. Его откосы, четверти, арочная очень плоская трехцентровая перемычка, а также участки стен, прилегающие к нему внутри, выполнены из большегомерного кирпича. Белокаменная кладка наружной поверхности стены не имеет «регулярной» отески или перевязки, которая связывала бы ее с обработкой проема. Окно снабжено кованой железной прямой решеткой и в наружной части двумя подставками-пятниками для ставни.

По материалу и формам этот проем можно безошибочно отнести к числу переделанных в XVII веке.

В первом ярусе центральной трети южной стены имеется прямоугольной формы оконный проем (рис. 7) с белокаменным наружным подоконником на двух сухарях и железной ампирной решеткой. При удалении штукатурки с прилегающих к проему участков стен на расстоянии от 4 до 10 см от пилястр, были обнаружены гладко отесанные вертикальные участки белокаменной кладки, переходящие в кривые, плавно склоняющиеся к оси, но прерываемые новой кирпичной кладкой. С внутренней стороны проем имеет гладко отесанные белокаменные щеки древней дверной ниши с гнездами — глубокими каналами для выдвижного засова. Ниша перекрыта лучковой перемычкой из кирпича XIX века (размера $62 \times 120 \times 250$ см), но ниже этой перемычки удалось обнаружить несколько пятовых маломерных кирпичей древней перемычки.

Следов других проемов ни на внутренней, ни на наружной поверхностях стен первого яруса южного фасада не обнаружено.

В южной части алтарной абсиды имеется оконный проем (рис. 4 и 7), по форме, размерам и материалу аналогичный рассмотренному. При обследовании щек внутренней ниши этого окна также удалось несколько ниже существующей перемычки найти на восточном откосе маломерные кирпичи, сохранившиеся от первоначальной арочной.

В стене восточной трети абсиды сохранился первоначальный узкий (153×980 мм) щелевидный проем с параллельными щеками, перекрытый одним крупным квадром, наружная фасадная поверхность которого обработана высеченными уменьшающимися килевидными арочками.

Оконный проем северной части абсиды подобен по своим основным размерам, материалу и форме проему южной трети абсиды, и его появление относится к XIX веку.

Проем средней трети северного фасада (рис. 1) вполне тождествен такому же описанному выше проему южного фасада. При обивке штукатурки (в 1928 г.) удалось обнаружить сохранившееся килевидной формы очертание утраченных тяг, обрамлявших древний портал.

Дверной проем западного фасада устроен из случайного набора строительных материалов — кирпича различных размеров и известкового камня; он размещен в габарите заложенного значительного по размерам прохода с арочной перемычкой толщиной в два кирпича

(размер кирпича $65 \times 120 \times 260$ мм); прилегающие к проему участки стен выложены из такого же материала. В крайних третях этого фасада, в участках стены, сложенной из кирпича ($62 \times 120 \times 250$ мм), в 1936 году при обивке штукатурки обнаружены гладкие откосы крупных, повидимому, также позднейшего происхождения, проемов¹.

Проход царских врат внутри церкви был при расширении в 1890—1891 годах перекрыт полуциркульной аркой из кирпича $65 \times 120 \times 250$ мм. На вертикальных щеках, подлицованных кирпичом того же размера, отчетливо заметны следы растески древнего проема. «Северные двери» иконостасной стены перекрыты арочной перемышкой из маломерного кирпича. Кривая арки по форме близка к трехцентровой. Северная щека имеет следы растески, однако сохранившиеся участки позволяют установить ее первоначальное направление и, таким образом, этот проем легко реконструируется.

Кроме перечисленных сквозных проемов, на внутренних стенах абсиды (рис. 6) имеются ниши (печуры): на северной стене, около северной двери— небольшая древняя печура с арочной перемышкой из маломерного кирпича; крупная печура (жертвенник), примыкающая к восточному откосу северного алтарного окна, сохранила восточную щеку и частично перемышку из маломерного кирпича.

Древняя часть церкви имеет в настоящее время семь многопрофильных тяг, из которых шесть выполнены из маломерного кирпича и одна — из белого камня.

Можно предположить существование по меньшей мере еще четырех тяг, в настоящее время утраченных: завершение барабана, покрытие звонницы, импосты звонницы, импосты порталов, но нет серьезных оснований полагать, что набор профилей этих деталей существенно отличался от сохранившихся.

Набор обломов, которым оперировал зодчий, крайне ограничен: это — полка, полочка, полувал, валик и четвертной валик, — ни одного сложного профиля. Различными комбинациями этих простых элементов зодчий обработал фасады, логически варьируя тяги в зависимости от их расположения и назначения.

Исключение представляет цокольная тяга, которая вытесана из белого камня и состоит из следующих чередующихся простых профилей: плинта, четвертного валика и полувала. Однако следует отметить, что этим профилям приданы размеры, близкие к толщине маломерного кирпича, из которого выполнены все остальные тяги.

Тяге, горизонтально членящей фасады, придана форма своеобразного пояса, а не трехчастного антаблемента, который встречается у всех однотипных памятников XVI века. Но зато сочетанию обломов обрамлений арочных завершений стен придан характер классических архивольтов.

Внутри здания профилированная обработка встречается только в одном случае — полувал в основании главы над парусами.

Внимательное изучение кирпичей, характера кривых обломов и их поверхности заставляет предположить существование двух типов профилированных кирпичей: лекальных — крупные полувалы, имеющие

¹ В настоящее время нами предпринято дополнительное обследование этих проемов.

на поверхности как бы вдавленные при формовке и обжиге участки, и тесаных — малые профили, имеющие значительные прямолинейные участки и только как бы скругленные отеской ребра кирпича.

Весьма знаменательна мудрость зодчего, применявшего мелкий, удобный для работы над деталью или кривой формой кладки материал — кирпич, при крупном стеновом материале — тесаном камне.

Связующим материалом кладки является известь, которая встречается двух видов: 1) очень белая, с незначительным количеством примеси песка. На этом растворе сложены основные массы белокаменных стен и все элементы памятника из маломерного кирпича, имеющие регулярную перевязь с коренными стенами; на таком же растворе сделана забутка; 2) желтоватая, со значительной примесью песка; на этом растворе сложены все части здания из кирпичей крупных размеров.

При строительстве храма была применена керамика в виде покрытия храма черепицей и в виде глиняных обожженных кувшинов-голосников, заложенных попарно в верхних частях «лбов» каждой распалубки.

Железо удалось обнаружить в древних частях здания только в швах свода в виде кованых гвоздей длиной около 10 см, при помощи которых укреплялась черепица. В карнизе абсиды, выложенном из кирпича размером 80 × 140 × 280 мм в XVII веке, была обнаружена металлическая связь того же времени. Прямая решетка окна южного фасада также относится к XVII веку.

В толще стены западного фасада, в месте, где утрачена древняя перемычка окна второго яруса, обнаружен идущий вдоль стены и расположенный немного ближе к ее внутренней поверхности деревянный прямоугольного сечения полуистлевший брус. В сводах, перекрывающих угловые пространства церкви, в сводах абсиды и ее стенах имеются гнезда, близкие по сечению к найденному в западной стене брусу (рис. 5) (размеры последнего легко удалось установить по застывшей известковой форме, образовавшейся при укладке и заливке бруса).

На абсиде после удаления карниза XVII века и в местах разрушенной кладки обнаружилась полуистлевшая деревянная обвязка из рубленых «в лапу» брусьев связей.

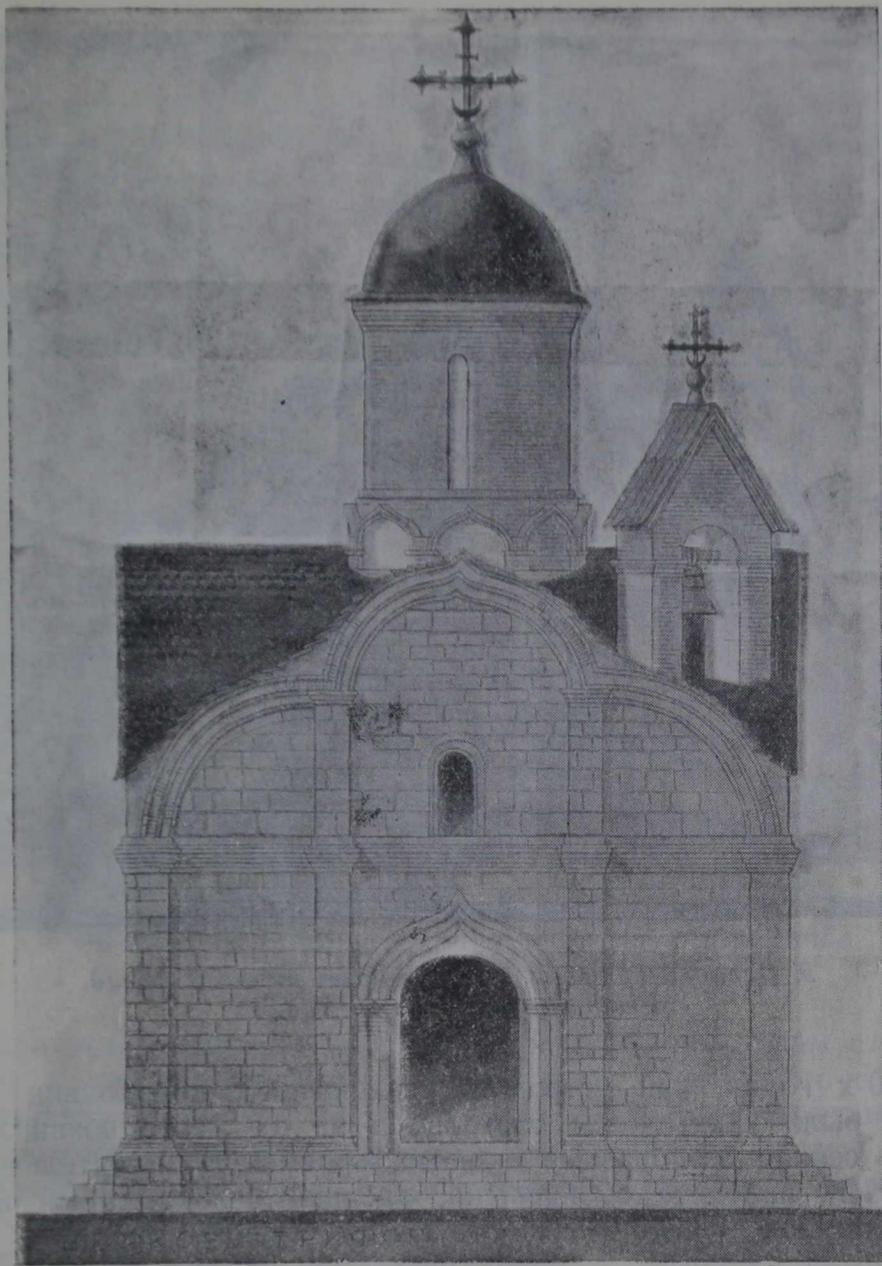
* * *

Проделанный анализ позволяет с известной основательностью установить первоначальный облик сооружения.

Прежде всего необходимо отметить позднейшие, искажающие памятник элементы. Эта задача в значительной мере облегчена резким отличием материалов, примененных при возведении храма, от материалов, употреблявшихся при последующих перестройках. В тех случаях, когда позднейшие изменения форм памятника производились без применения новых строительных материалов, их легко определить по травматическим нарушениям древней кладки.

Надо полагать, что к концу XVII столетия храм сильно обветшал. Вероятно, сильно пострадало хрупкое черепичное покрытие, обопрели карнизы и цоколь.

Выдача в 1703 году нового антиминос, по всей вероятности, свидетельствует об окончании больших обновительных работ, во время

8. Церковь Трифона в Напрудном. Западный фасад
Реконструкция Л. А. Давида

которых возникли, связанные с применением большемерного кирпича и носящие черты, типичные для архитектуры конца XVII века, двухъярусная восьмигранная шея с луковичной главкой, кладка над угловыми частями храма и четырехскатная кровля¹, новый, устроенный взамен обветшавшего, карниз абсиды с железными связями, перекладка «плечиков» западного окна, растесанное, а возможно даже пробитое вновь окно южного фасада над порталом. Несомненно, до устройства четырехскатной кровли с трех сторон древнего барабана были пробиты оконные проемы.

¹ Удалены в 1936 году.

9. Церковь Трифона в Напрудном. Южный фасад
Реконструкция Л. А. Давида

В 1820-х годах, при устройстве трапезной¹, колокольни и новых приделов, были уничтожены порталы, и на их месте возникли существующие сейчас безобразные оконные проемы. В значительной части был заменен, наверное обопревший, древний белокаменный цоколь с профилированной тягой — существующим сейчас простым высоким плитом².

К 1890-м годам относится устройство большого арочного прохода в западной стене, хотя значительные искажения этого фасада — частичное уничтожение лопаток, цокольной тяги, пробивка боковых проемов — вероятно, были произведены в более ранний период возникновения трапезной.

Отбрасывая, таким образом, позднейшие наслоения и реконструируя по сохранившимся элементам древние формы, мы можем с известной степенью достоверности восстановить первоначальный облик сооружения (рис. 8, 9 и 10).

¹ Не дошедшая до нас трапезная могла быть пристроена первоначально в более ранние времена.

² Фрагменты древнего цоколя сохранились с северо-восточной стороны абсиды и у крайних пилястр западного фасада. Цоколь южного фасада и, частично, алтарной абсиды восстановлен в 1928 г. (в зоне южного портала ошибочно).

10. Церковь Трифона в Напрудном. Вид с юго-запада
Реконструкция Л. А. Давида

Квадратный в плане, с полуциркульной абсидой, храм стоял на невысоком холме, окруженном со всех сторон водой¹. Его фасады членятся лопатками, на три части каждый. Подножье отмечено высоким профилированным цоколем. Средние компартименты южного, северного и западного фасадов украшали килевидного очертания порталы. Собственно храм первоначально, вероятно, освещался только двумя оконными проемами, высоко расположенными в тимпанах распалубок². С востока примыкает полуциркульная в плане алтарная абсида, имеющая трехчастное членение лопатками, отдаленно напоминающее троечастие алтарей ранне-московских храмов. Полностью сохранился щелевидный бойницеобразный проем средней трети абсиды. Фрагменты внутренней ниши, найденные у существующего сейчас позднейшего южного окна абсиды, позволяют сделать предположение о втором щелевидном проеме, освещавшем интерьер алтаря.

Выше многорядного кирпичного пояса, объединяющего абсиду и храм, фасады имели сохранившиеся до наших дней трехлопастные завершения. Над юго-западным углом храма в диагональном направле-

¹ См. мичуринский план 1739 года и ряд более поздних.

² О первоначальном существовании окна южного фасада пока следует говорить с известной осторожностью, так же как и о проемах барабана. Рассматривать впадины первого яруса западного фасада как следы древних окон пока нет серьезных оснований.

нии стояла двухстолпная звонница, от которой до нас дошли лишь нижние части пилонов. Волнистые очертания покрытия храма были защищены черной блестящей черепицей. Приземистый цилиндрический трибун с восемью килевидными кокошниками в основании, поставленный над перекрестьем распалубок, завершал композицию.

Перед нами возникает сооружение, отличающееся, несмотря на свои незначительные размеры, чертами большого монументализма, обладающее приземистыми пропорциями, с гладью белокаменных стен, лаконически оформленных простыми, выразительными деталями.

Алтарные окна-бойницы, отсутствие световых отверстий в нижней части самого храма, наличие гнезд для крепких засовов во внутренних нишах дверных проемов, позволявших надежно запереться внутри храма, и первоначальное расположение сооружения на острове делают его своеобразным «донжоном» в загородном великокняжеском селе.

★ ★ ★

Подведем некоторые итоги.

Система кладки стен храма характерна для памятников владимиро-суздальской эпохи и ранней Москвы. Сочетание белого камня (основной стеновой материал) и кирпича (своды, барабан, арочные перекрытия и детали) роднит его с Успенским собором Фиораванти, давшего первый известный образец подобного строительного приема в Москве¹. Отсутствие металлических связей, вошедших в употребление в московской строительной практике также после творения Фиораванти, относит его к очень ранней эпохе.

Горизонтальная тяга фасада, отделяющая трехлопастные завершения от низа стен и состоящая из ряда простых обломов, представляет собой своеобразный пояс, близкий по идее поясам ранне-московских храмов, а не трехчастным после-алевизовским антаблемам, имеющимся у всех однотипных храмов XVI века. Повидимому, алевизовская композиция или вовсе не была знакома зодчему Трифоновской церкви, или еще не была им достаточно усвоена.

Если к этим датирующим моментам присоединить наличие надписи на южном фасаде с датой 1492 года, то нам представляется возможным предположительно отнести сооружение храма ко времени между годом завершения Успенского собора (1479) и 1492 годом — годом надписи на стене храма².

Таким образом, исторические свидетельства — данные архитектурного и археологического анализов — позволяют нам с большей или меньшей долей вероятности отнести возникновение храма к концу XV столетия.

Это — эпоха величайших сдвигов и достижений в экономической, политической и культурной жизни Москвы, — эпоха сложения русского национального государства.

¹ Аналогичный прием сочетания камня и кирпича встречается в более ранних постройках Новгорода, в частности в церкви Николы-на-Липне.

² Разумеется, ни один из приведенных датирующих моментов, взятый отдельно, не может быть признан достаточным основанием для определения даты возведения храма, и только при их сопоставлении можно сделать указанное предположение.

Одним из характернейших явлений этого периода было необычайно энергичное развитие и строительство московских городов.

Конец XV и начало XVI столетий отмечены активным участием русского государства в международной жизни. Начинаются оживленные сношения с Венецианской республикой и странами юго-востока — среднеазиатскими государствами, Персией и Кавказом.

О знакомстве с Востоком свидетельствует хотя бы «Хождение за три моря Афанасия Никитина» (1467—1472). В 1475 году венецианский посол Контарини видит в Тавризе московского посла Марко Россо (или Руффо) и т. д.

Москва в самых широких масштабах привлекает иноземных специалистов различных областей человеческой деятельности и знаний.

В эту эпоху создаются величественные сооружения, знаменующие собой необычайный взлет русского строительного гения, и если в их создании принимают участие и иноземные силы, то местный творческий императив был столь силен, что об архитектуре эпохи хочется сказать словами Эмиля Верхарна, высказанными им в другой великой связи: «То немного, чем она обязана другим, она ассимилирует так глубоко, что оно становится ее собственностью».

К этому времени относится возникновение храмов трифонового типа (назовем их так условно), и применительно к ним определение Верхарна звучит особенно справедливо.

Эти храмы возводились на посадах, в великокняжеских селах и боярских вотчинах.

Все они имеют почти квадратные планы, обладают незначительными по площади размерами, не имеют внутренних несущих перекрытий свободно стоящих опор, перекрыты крещатыми сводами, их фасады в большинстве случаев завершены трехлопастными кривыми, отделенными от низа стен горизонтальными тягами.

Мы знаем многочисленные близкие им по типу аналоги, которые или существуют по сей день, или утрачены в недавнее время, но об их облике дают представление имеющиеся описания и изображения. Некоторые из них обладают чертами Трифоновской церкви, иные имеют известные отличия в решении той или иной части здания, но общим для них является наличие крещатого свода. Таковы церкви: Никола-Красный Звон, Благовещение в Старом Ваганькове¹, Гребневской Богоматери, Троицы в Полях, Николы в Мясниках², Зачатия Анны в Китайгороде, Никиты за Яузой, Антипия в Антипьевском переулке, церковь в Городище под Коломной, церковь Ризположенского монастыря в Суздале (ее свод имеет дополнительные распалубки в углах), церковь села Юркино, церковь Исидора в Ростове Великом, придел Покровского собора — Василия Блаженного, старый собор Донского монастыря и ряд других. Этот перечень памятников XV—XVI веков дополняется репликами XVII столетия: церковью Покрова в Рубцове и ростовскими храмами: Спаса на Сенях, Иоанна Богослова, Григория Богослова и церковью Белогостицкого монастыря.

¹ Разобраны в XIX веке, сохранились зарисовки Мартынова.

² Разобраны в недавнее время.

Если принять во внимание неизбежную бесследную утрату таких храмов в более ранний период, — а мы имеем известные основания сделать такое предположение¹, — то мы со всей основательностью можем говорить об их былом необычайно широком и устойчивом распространении.

Довольно четко определяется зона распространения храмов с крещатыми сводами. Это — области средней полосы России, ставшие зависимыми от Москвы к концу XV и началу XVI веков. Но подавляющее большинство их расположено в самой Москве, на долю провинции приходится лишь единицы.

Одним из препятствий на пути исследования сущности этих памятников и выяснения истории их возникновения является вопрос датировки ранних образцов. Разрешение этой проблемы осложняется почти полным умалчиванием летописей о возведении отдельных храмов. Незначительные по своим масштабам и назначению, эти памятники, конечно, не могли соперничать с такими явлениями общегосударственного значения, как создание московских соборов или стен и башен Кремля, — они выпадали из сферы внимания летописца.

В этом отношении в нашем распоряжении имеется пока еще весьма несовершенный и зыбкий путь археологического и архитектурного анализов.

Еще менее выясненной следует считать проблему генезиса формы и особенно конструкции крещатого свода. Нет никакой надобности пускаться в далекий путь зарубежных исканий прообразов с трехлопастными формами завершения фасадов. Эта форма давно бытовала в нашем зодчестве, живописи и прикладном искусстве. Мы найдем ее в Киеве XI века — в церкви Спаса на Берестове, в Полоцке XII века — в Спасской церкви Спасского монастыря, в Смоленске XII века — в Свирской церкви, в Новгороде и Пскове более поздних эпох. Эта форма прочно вошла в наше искусство в качестве декоративного элемента обрамлений или архитектурных аксессуаров станковой и монументальной живописи, в качестве украшения миниатюр и памятников прикладного искусства.

Даже то обстоятельство, что церковь Благовещения в Старом Ваганькове, имевшая трехлопастные кривые вверху фасадов, была возведена Алевизом Новым, на родине которого, как и в соседней Далмации, находившейся в тот период под воздействием Венеции, приобрело широчайшее распространение строительство церквей с буквально такими же торцовыми фасадами, не может увлечь нас в наших поисках в эти далекие страны. Там это, в значительной мере, только декоративное оформление фасада, за которым развивается протяженный базиликальный организм² иного сечения.

Рассматривая вопрос о возникновении конструкции крещатого свода, академик В. В. Суслов в свое время высказал предположение о простом удалении столбов новгородских храмов, имеющих коробовые своды в перекрытии рукавов креста и четверти сомкнутых сводов над

¹ Этим основанием могут являться анализ так называемого Сигизмундова плана и указание на строительство Алевизом Новым 11 храмов в Москве на Посаде.

² Церкви Захария в Венеции, Сан Джовани ин Монто в Болонье, церкви в Далмации.

угловыми компартиментами, и в слиянии этих сводчатых форм в единую систему свода московских церквей трифонового типа.

Подобное разрешение проблемы представляется нам упрощенным, механическим и мало правдоподобным. Кроме того, в самом Новгороде мы не находим таких решений, и не Новгороду, переживавшему в этот период жесточайший кризис, принадлежала роль создателя новых форм.

Высказывалось предположение, особенно защищавшееся покойным знатоком московского зодчества М. И. Александровским, о псковском происхождении конструкции перекрытия типа, примененного у Николы Каменноградского, — в виде одного коробового свода с одной меридионально расположенной распалубкой. Подобное решение действительно нашло применение в построенной псковичами в Москве церкви Сретения на поле 1482 года и Никоновском приделе Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, сооруженном в 1548 году.

Приходится отметить, что в Пскове в эту эпоху действительно имелись живые творческие силы, привлекавшиеся Москвой. Кроме того, псковичи еще в конце XIV века строили бесстолпные храмы и достигли в этой области известных положительных результатов. Однако найденное ими решение бесконечно далеко от центрического характера крещатого свода, и их прием, занесенный в готовом виде в Москву конца XV века, без существенной эволюции почти через столетие повторился в Никоновском приделе Троице-Сергиевой лавры. Это скорее свидетельствует о его обособленном статичном существовании на московской почве без воздействия на создание конструкции интересующих нас сводов.

Тем не менее, появление в московском строительстве крещатого свода в готовой и притом очень зрелой форме, без наличия на московской почве более ранних его прообразов, как будто свидетельствует о не местном его происхождении.

Отчетливо выраженные стрельчатые очертания кривых крещатого свода и наличие прямолинейных участков в зоне распалубок носят ярко выраженный восточный мусульманский характер.

Памятуя об интенсивных сношениях Москвы именно в это время (в конце XV и начале XVI вв.) с Кавказом и Средней Азией, невольно хочется направить поиски происхождения конструкции именно в эти страны, где применялась необычайно близкая по принципу и пространственной форме система перекрещивающихся арок. В этом отношении поразительное сходство представляют знаменитые перекрытия джаматунов более ранних армянских памятников¹ и основанные на этом же принципе перекрытия среднеазиатских построек XV века. Однако недостаток материала и недостаточная изученность вопроса пока позволяют говорить лишь о постановке проблемы юго-восточного происхождения крещатых сводов московских церквей.

Но во всяком случае в сочетании с экстерьером применение крещатых сводов в Москве XV—XVI веков следует признать вполне ори-

¹ Типа перекрытий Санаина, Ахпата, пещерного храма Гегарда (в последнем случае система имеет чисто изобразительный характер, будучи вытесанной из единого монолита) и др.

гинальным и не знающим иноземных аналогов. Это — одно из величайших достижений московских зодчих на пути к решению новых строительных проблем, в данном случае решение небольшого объема каменного храма местного, приходского типа, с освобождением его от загромождающих внутреннее пространство столбов, при сохранении идеи крестообразности интерьера четырехстолпных храмов.

Сделаем некоторые обобщения. Характерным для нашего памятника, прежде всего, является с необычайной последовательностью и полнотой достигнутое единство в решении всего образа сооружения, и в этом его величайшее достоинство.

Перед нами центрическое сооружение. Его фасады завершены трехлопастными кривыми, при помощи которых осуществлена абсолютная «неделимость» каждого фасада на составляющие их компоненты. Горизонтальная тяга, отделяя завершения от низа стен, одновременно отмечает зону пят перекрывающего объем свода. Короба средних закомар выражают в экстерьере идею крестообразного перекрытия храма. Единая глава на их перекрестье завершает всю композицию. Примыкающая с востока алтарная абсида определяет традиционную для православного храма ориентацию с востока на запад. Конструкция крещатого свода логически согласована с покрытием храма и завершениями фасадов: боковые полузакомары и расположенные за ними угловые части свода погашают распор коробовых сводов распалубок. Полузакомары одновременно являются элементом, погашающим распор угловых частей свода. Забутка пазух и волнообразное покрытие создают благоприятные условия для защиты свода от атмосферных осадков.

Фасады обработаны с предельным лаконизмом при минимальной затрате элементов декорации. Этим достигаются тектоническая ясность и выразительность всего объема в целом и его структуры. Удачно найденные отношения части и целого — детали и фасады — отчетливо выявляют масштаб здания и, несмотря на его крайне скромные размеры, создают образ, выражающий идею монументализма, приличествующую сооружению общественного назначения.

Трехлопастные фасады и волнистое покрытие, придающее храму своеобразную пирамидальность, прекрасно связывают его с природой — с землей и небом — бесконечностью.

Церковь Трифона и подобные ей, давая новую трактовку форм и конструктивных решений, глубоко национальны по образу, и поиски их истоков уводят нас к древнейшим отечественным памятникам и традициям.

Композиционные и конструктивные приемы, нашедшие свое воплощение в одном из древнейших памятников Москвы, ставят его в ряд творений, знаменующих величайшие достижения русского архитектурного гения.

СОБОР МОСКОВСКОГО РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Арх. А. С. Фурфаев

В тяжелые годы Великой Отечественной войны Комиссия по охране и восстановлению архитектурных памятников Академии Архитектуры СССР не только проводила фиксацию разрушений, причиненных вандализмом фашистских армий, но и занималась научной работой по изучению и реставрации памятников архитектуры.

После освобождения Красной Армией г. Старицы Калининской обл., Комиссией была произведена фиксация наиболее ценных архитектурных памятников этого города, разрушенных немецкими оккупантами.

Одним из таких памятников, поврежденных фашистами, оказался собор старицкого Успенского монастыря¹ — редчайший и особо оригинальный памятник XVI века.

Этот мало изученный памятник архитектуры, едва ли не завершающий собой ряд крестово-купольных храмов с пониженными закрестовьями, в последующие годы подвергся внимательному исследованию.

При изучении этого типа зданий нельзя было не исследовать ближайший к Старицкому собору по архитектурным формам памятник русского национального зодчества — собор московского Рождественского монастыря (рис. 1).

В капитальном труде И. Э. Грабаря «История русского искусства»² оба эти памятника приведены, но, к сожалению, за малой известностью их в то время, им отведено лишь несколько строк.

Сектор фиксации и методики реставрации памятников архитектуры, в который была преобразована Комиссия по охране и восстановлению архитектурных памятников, по окончании Великой Отечественной войны включил в план своих работ обмеры, раскрытие и изучение собора московского Рождественского монастыря. Эта работа сделала возможным к юбилейной дате 800-летия Москвы дать предварительный эскиз реконструкции этого трудного по выявлению памятника архитектуры.

В дальнейшем автором подготавливается обстоятельное исследование вышеупомянутых двух соборов, быть может, завершающих собой развитие и эволюцию крестово-купольных храмов с пониженными закрестовьями древней Руси. Нужно оговориться, что решение вопросов, связанных с архитектурой и конструкциями данных памятников, во многом зависит от изысканий других исследователей, работающих над изуче-

¹ Памятники зодчества, разрушенные или поврежденные немецкими захватчиками. Вып. 2, стр. 24 и сл. Изд-во Академии Архитектуры СССР, М. 1944.

² Т. II, стр. 105 и 110. Статья Ф. Горностаева.

нием более древних аналогичных памятников, и в данный момент не может быть закончено.

Московский Рождественский монастырь имеет длинную историю.

И. Токмаков¹ приводит варианты наименования монастыря по древним документам: «Рождества Пречистые Богородицы, девичь, что за Пушечным двором»²; «Рождества Пречистые Богородицы, девичь, что на Москве, за Неглинною у Трубы»³; «Рождественский девичь, что на Москве, на Рождественской улице»⁴.

В «Истории российской иерархии»⁵ монастырь назван «Рождественский, или Рождественский московский 2-го класса девичий монастырь на Трубе в Белом городе близ Трубы и реки Неглинной на Большой Рождественской улице». Эти наименования хорошо характеризуют местоположение монастыря в древней Москве.

Место для постройки монастыря было выбрано во второй половине XIV века, при создании его, т. е. около 1386 года⁶.

В русской летописи по Никоновскому списку⁷ указывается, что монастырь основан в 1386 году женою князя Андрея Ивановича Серпуховского (сын Калиты) Марией Кестутовною. Летописец своим образным и лаконичным языком отмечает год смерти княгини Марии: «В лето 6897 (1389) месяца декабря в 5 (день) представися княгиня Ондреева Мария, мать княжч Владимирова, нареченная в мнишеском чину Марфа, и положена бысть в монастыри ея у Рождества на рве, ея же сама создаша»⁸. По всей вероятности, в монастыре были уже возведены деревянные постройки и храм Рождества Богородицы.

Следующее упоминание о монастыре мы встречаем под 1452 годом, когда жена князя Владимира Андреевича княгиня Елена (в инокинях Евпраксия), дочь Ольгерда Литовского, завещала похоронить себя «здесь же», т. е. в Рождественском монастыре»⁹. По своему монастырскому уставу строгого общежития «эта обитель — вторая из числа трех первых женских обителей в России» (первая — Алексеевская, третья — Вознесенская).

В 1500 году монастырь сгорел. В летописи, сообщающей об этом, находим: «Того же лета, месяца августа 17, в понедельник на осьмом часу дня, загореся на Москве у Бобра на Большом посаде и погоре от Москвы реки до Ниглимны и пушечные избы и Рожественный мона-

¹ Токмаков И. Краткий исторический очерк Московского Рождественского монастыря. М. 1881, стр. 3.

² Писцовые книги Московского уезда. Письма и меры Лаврентия Кологривова и подьячего дружины Сукорина 1632 и 1633 гг.

³ Писцовые Дмитровские книги письма и меры Андрея Загряжского и подьячего Гаврилы Володимирова 1627 и 1628 гг.

⁴ Писцовые книги Московского уезда письма и меры Федора Пушкина и дьяка Строева 1627 и 1628 гг.

⁵ Ч. 5, стр. 689. М. 1813.

⁶ «Полный месяцеслов». СПб. 1848, стр. 257. Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях. М. 1852, стр. 257; Денисов Л. И. Православные монастыри. М. 1908, стр. 505.

⁷ Изд. Имп. Академии Наук, часть IV (до 1407 г.). СПб. 1788, стр. 192.

⁸ ПСРЛ. Т. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку.

⁹ Токмаков И., указ. соч., стр. 4; Ратшин А., указ. соч. стр. 257.

*1. Собор Рождественского монастыря. Западный фасад
Фото Г. Н. Сошальского*

стырь»¹. После пожара монастырь восстанавливается Иваном III, и строится кирпичный собор. М. А. Ильин и П. Б. Юргенсон следующим образом датируют постройку собора: «Ввиду смерти последнего (Ива-

¹ ПСРЛ. Т. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку, стр. 140; Токмаков И., указ. соч., стр. 9 (Токмаков указывает день пожара не 17 августа, как Воскресенская летопись, а 31 августа).

на III) в 1505 году собор датируется 1501—1505 годами»¹. М. Александровский датирует постройку 1502 годом². К сожалению, авторы не указывают, чем обоснованы эти датировки. Исследование храма в натуре позволяет согласиться, что собор был построен в первых годах XVI века. Если это так, то собор был построен без влияния итальянского мастера Алевиза и является произведением русских каменщиков-зодчих. В списках 10 церквей, которые «повеле заложить и делать церкви каменные и кирпичные на Москве»³ вел. кн. Василий Иванович в 1514 году, церковь Рождественского монастыря не упомянута.

«В 1547 году означенная обитель также горела»⁴. После этого монастырь был восстановлен, и в соборе был сделан второй придел Иваном Грозным и царицей Анастасией Романовной. Исследование собора показало, что у южной алтарной абсиды внутри стена была стесана для расширения придела, крестовые же своды не были затронуты. Под крышей позднейшей пристройки обнаружено основание барабана (см. совмещенный план, рис. 2), что служит доказательством того, что над приделом была вторая маленькая глава, поставленная на существовавшие до этого своды. По сообщению И. Токмакова⁵, в трапезе соборной церкви были надписи о захоронении здесь в 1701 и 1733 годах; теперь этих надписей уже нет.

По генеральному плану монастыря 1781 года видно, что пристройки к собору существовали уже в это время. Их можно отнести к XVIII веку, что подтверждается и клеймами на кирпичах. И. Токмаков сообщает, что левый придел построен «усердием генерал-майорши А. Ф. Салтыковой и освящен в 1814 году», а правый «усердием купца Д. С. Лепешкина в 1820 году»⁶. Это «усердие» длилось, пока здание не было окончательно обезображено пристройкой трапезы (на западной стороне) в 1859 году и проломами проходов в стенах⁷. К счастью, эти пристройки были сделаны только до половины основного четверика, и, таким образом, под позднейшей штукатуркой сохранилась вся первоначальная декоративная обработка фасадов, послужившая примером для многих памятников XVII века. В 1879 году, по сообщению того же И. Токмакова⁸, в живопись собора и его приделов была введена позолота, а «стены всего храма окрашены масляной краской снаружи и внутри». Позднее храм еще раз был оштукатурен, и этим были окончательно закрыты все его детали.

Какие деревянные здания в монастыре были возведены в XVI веке — до сих пор остается неизвестным. Несомненно, однако, что, по примеру других монастырей той эпохи, Рождественский монастырь был окружен деревянными стенами, расположенными, повидимому, на месте частично сохранившихся стен конца XVII века.

¹ «Материалы по истории русского искусства». МГУ. М. 1928, стр. 5.

² Александровский М. Картотека памятников архитектуры (краткие паспорта). Составлена в 1942 г. для Комиссии по охране и восстановлению памятников архитектуры Академии Архитектуры СССР.

³ ПСРЛ. Т. VII, стр. 254.

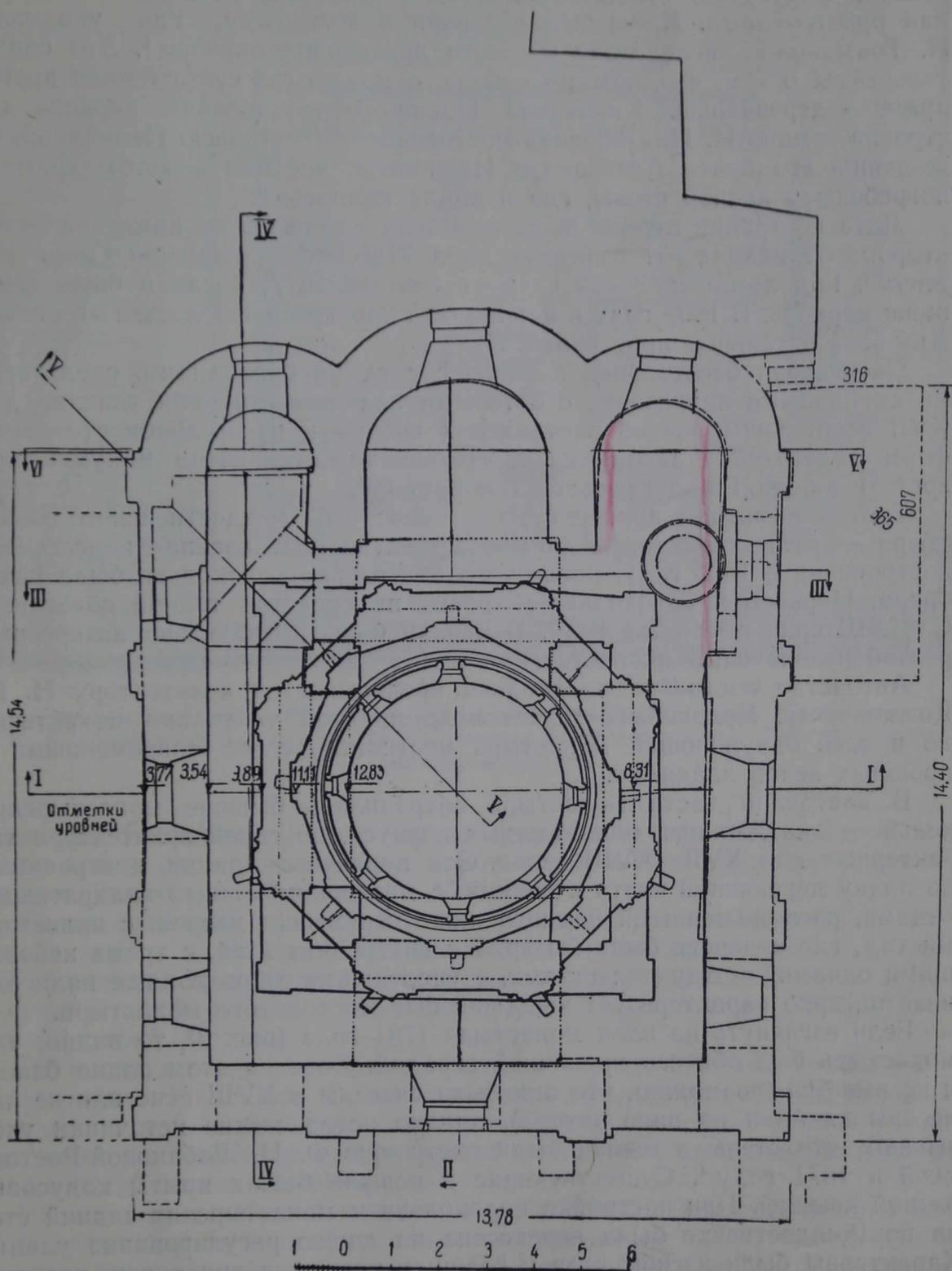
⁴ Токмаков И., указ. соч., стр. 9.

⁵ Токмаков И., указ. соч., стр. 13.

⁷ Ильин М. А. и Юргенсон П. Б., указ. раб., стр. 5.

⁶ Токмаков И., указ. соч., стр. 11.

⁸ Токмаков И., указ. соч., стр. 15.

2. Собор Рождественского монастыря. Совмещенные планы на разных уровнях ватерпасных линий
Обмер арх. А. С. Фуфаева

С южной стороны собора, параллельно ему, расположена церковь Иоанна Златоуста, существующая до сих пор и несколько искаженная пристройками. Храм был построен в 1676 году, как указывает И. Токмаков — «вследствие ветхости деревянной церкви»¹. Это свидетельствует о том, что, помимо собора, в монастыре существовал другой храм — деревянный. Кирпичная Иоанно-Златоустовская церковь построена женою И. И. Лобанова-Ростовского — Фетиньею Ивановной, по желанию его брата Александра Ивановича, все они в «этом храме и погребены у южной стены, где и видна надпись»².

Дата постройки церкви была отмечена надписью на камне на левой стороне от входа: «от создания мира 7185, от воплощения Слова Божия»³. Год летоисчисления следует считать 1677, когда и была освящена церковь. В 1869 году к церкви был пристроен придел, а в 90-х годах XIX века остальные пристройки.

Пятиглавая бесстолпная церковь с глухими барабанами, с развитыми кирпичными карнизами, с богатыми наличниками окон типична для XVII века. Храм близко поставлен к собору и из-за дробности своих форм и деталей в значительной степени теряется перед монументальностью собора Рождественского монастыря.

Третий памятник архитектуры московского Рождественского монастыря — существующая и донныне эффектно поставленная колокольня, построенная в 1835 году, после того как старая колокольня была разобрана. Церковь в колокольне устроена на средства тайной советницы С. И. Штерич в том же году. В церкви был замечательно интересный резной и золоченый иконостас.

Авторство постройки колокольни приписывается архитектору Н. И. Козловскому. Колокольня является доминантой не только монастыря, но и всей окружающей монастырь местности, с ее современными и прошлых веков зданиями.

В восточной части монастыря сохранились бывшие монастырские кельи — два длинных одноэтажных корпуса, по своей архитектуре характерных для XVII—XVIII веков. Эти кирпичные здания, построенные по плану деревянной клетки с сенями, с маленькими, почти квадратными скнами, расположенными немного ниже перемычки дверей, с пилястрами там, где в дереве была бы врубка внутренних стен, с тремя небольшими окнами между пилястрами, с уцелевшими лишь кое-где палисадниками, ярко характеризует ушедший быт московского монастыря.

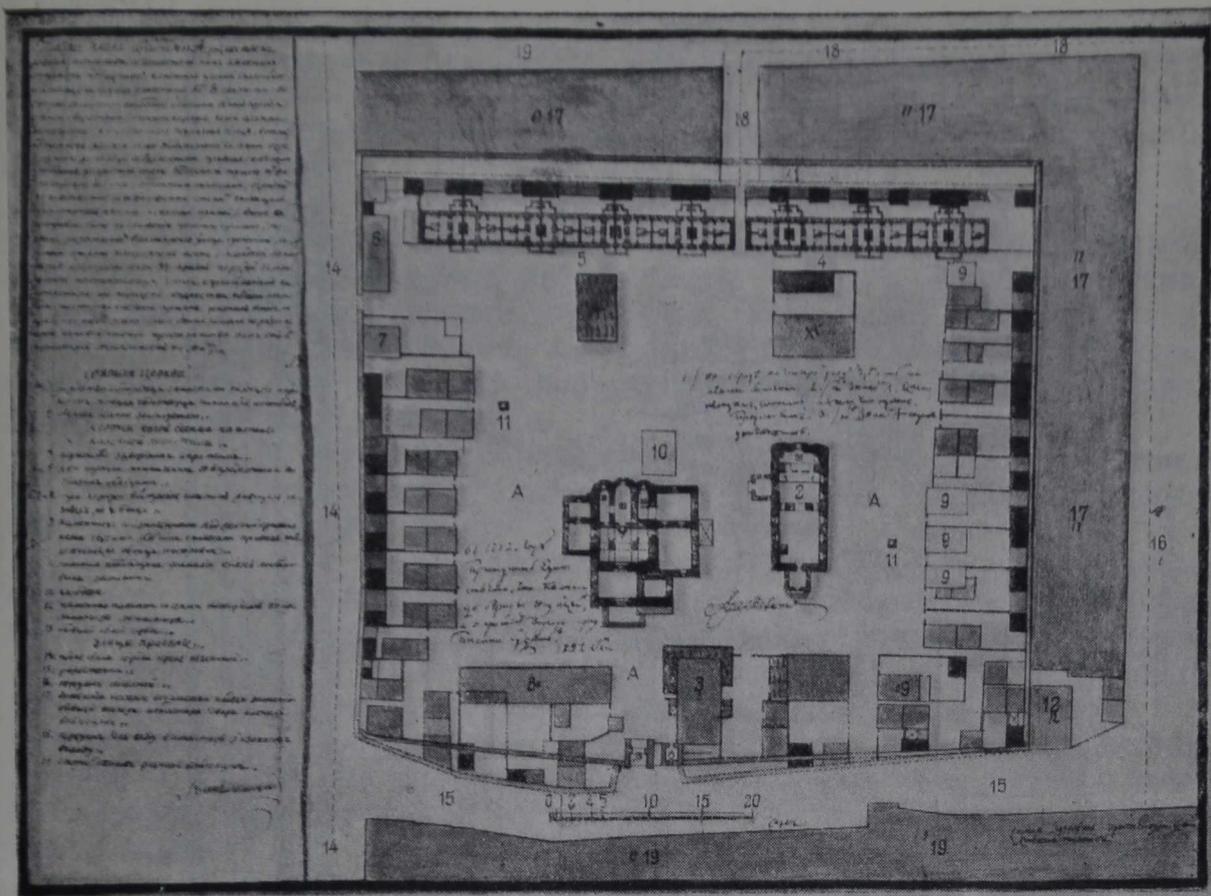
Если взглянуть на план монастыря 1781 года (рис. 3), то видно, что монастырь был обнесен кирпичной оградой. Хотя на этом плане башен и не имеется (возможно, что они были снесены в XVIII веке или не нанесены на план по вине автора), однако исторические источники указывают, что стены и башни были построены Ф. И. Лобановой-Ростовской в 1671 году⁴. Существующие и поныне башни крыты конусообразной крышей. При постройке колокольни и монастырских зданий стена по Рождественке была перенесена на линию регулирования улицы. Характерны были изгибы стен у главных монастырских ворот, которые

¹ Токмаков И., указ. соч., стр. 10.

² Там же.

³ «История российской иерархии», ч. 5. М. 1813, стр. 689.

⁴ «История российской иерархии», ч. 5, стр. 689.

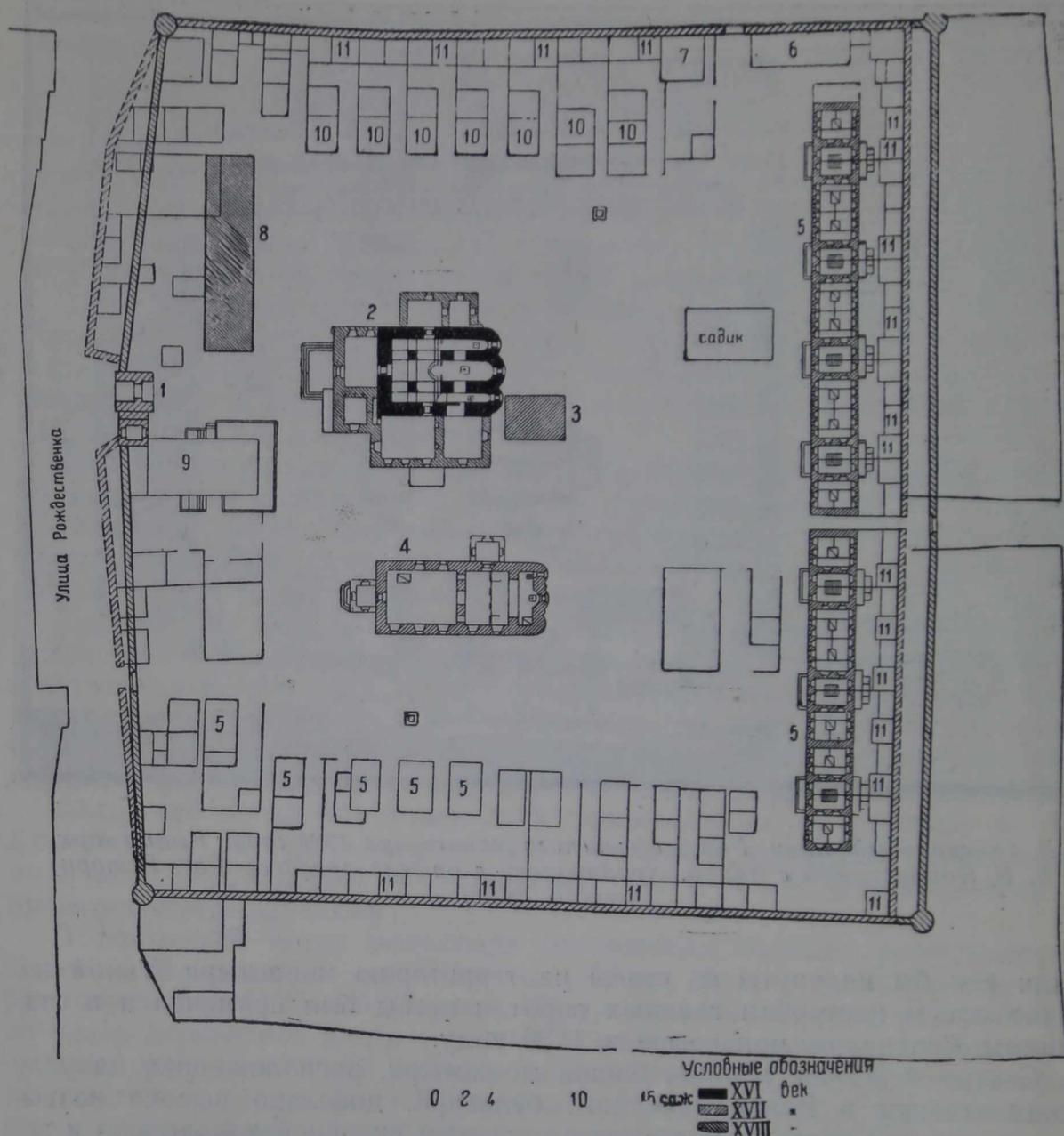
3. Генеральный план Рождественского монастыря 1781 года. Копия арх. Е. Б. Кондрашевой с плана, хранящегося в отделе графики Гос. Исторического музея

были как бы вдвинуты из стены на территорию монастыря. Такой же точно прием постройки главных ворот и стены был применен и в старом Успенском монастыре в 1530 году.

Северо-западная угловая башня монастыря, расположенная на углу Рождественки и Рождественского бульвара, довольно высоко возвышающаяся над тротуаром, рядом с силуэтом стройной колокольни и золоченой главой собора, представляет собой живописный уголок уходящей старой Москвы.

На копии генерального плана, снятой с чертежей, находящихся в отделе графики ГИМ (рис. 4), мною введены обозначения зданий, показывающие разной штриховкой сохранившиеся и снесенные здания прошлых веков на основании литературных источников, приведенных в исторических описаниях монастыря.

Из всех памятников архитектуры московского Рождественского монастыря наибольший интерес для исследования по своей значимости в истории русской архитектуры представляет собор в честь Рождества Богородицы. Здание этого собора не раз привлекало внимание искусствоведов, но начатые Сектором фиксации и реставрации глубокое исследование, точные обмеры и раскрытия, можно полагать, проводятся впервые.

4. Генеральный план Рождественского монастыря 1781 года. Копия с чертежей, хранящихся в отделе графики Гос. Исторического музея, с добавленными обозначениями зданий по векам

На рис. 5 приведены обмеры планов собора в существующем виде и его реконструкция. Необходимо указать, что некоторые чертежи обмеров собора, выполненные без раскрытий, имеются в Музее архитектуры Академии Архитектуры.

Частичное исследование собора с его реконструкцией было напечатано в работе М. А. Ильина¹ и указано А. И. Некрасовым.

Работа над этим памятником, поставленная шире и глубже, дала возможность во многом по-новому понять его архитектурный образ.

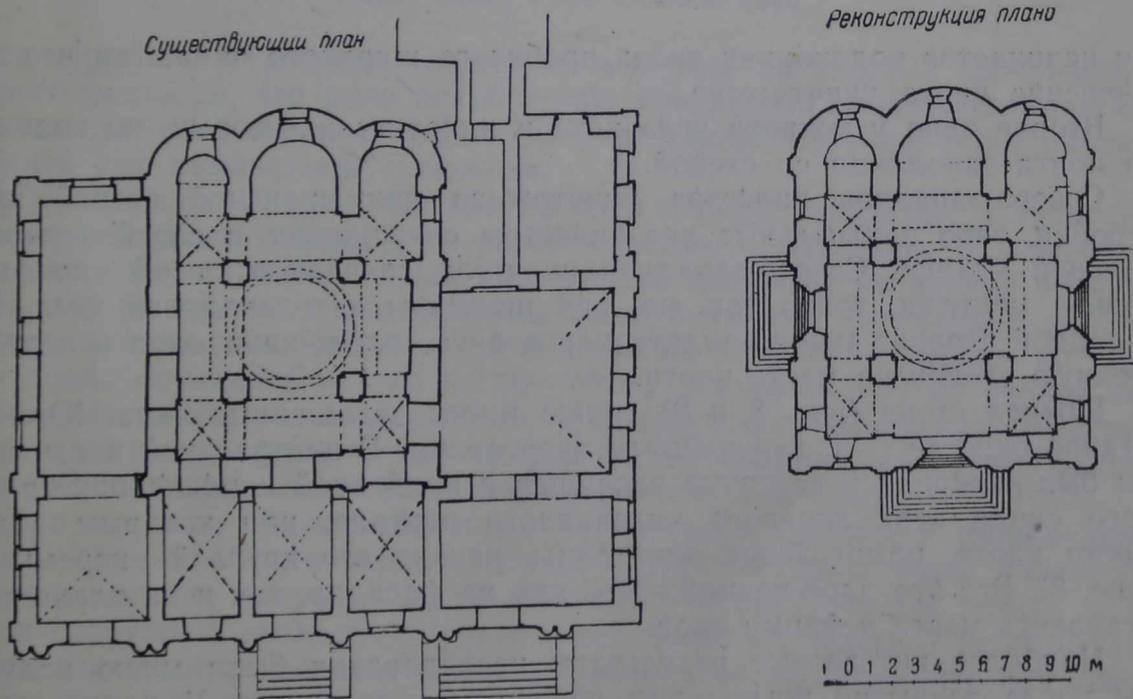
¹ Материалы по истории русского искусства, вып. I, стр. 5 и табл. 1.

В древней своей части собор сохранил еще свои первоначальные стены, хотя во время последней перестройки в XIX веке в стенах были вновь пробиты 4 арки и расширены 3 портала, а в настоящее время внутри собора устроен второй этаж с деревянными перекрытиями (рис. 2 и 5).

План собора представляет собой почти квадрат; алтарь — трехабсидный. Внутренность здания носит характер более древних приемов планировки храмов: боковые нефы — более узкие, а средний — значительно шире. Четыре квадратных столба в плане имеют крестовое очертание; на стенах им отвечают мало выступающие пилястры. Решение плана является каноническим типом, заимствованным Москвою из владими́ро-суздальской архитектуры.

Под крышей позднейших одноэтажных пристроек, как указывает М. А. Ильин, сохранились «заложенные окна», «остатки килевидного портала и киотцев над ними».

Привожу более детальное обследование этой части. На северной стене (рис. 6 и 7) в восточной части под крышей сохранилось полностью небольшое окно с полуциркульной перемычкой, с почти прямыми откосами, очень простое и без каких-либо наличников. Такое решение окна характерно для древне-русского зодчества. Место рамы заложено новым кирпичом. В центральной части имеется низ киота, обрамленного профилем; киот имеет углубление, в котором обнаружены остатки древней фрески. Как определил по представленным мною образцам доктор архитектуры С. А. Торопов, фреска по своему материалу относится к XVI веку. К сожалению, на стене сохранились только куски фрески, так как киот почти пополам перерезан крышей, над которой сейчас

5. Собор Рождественского монастыря. Существующий и реконструированный планы
Обмер арх. А. С. Фуфаева

6. Собор Рождественского монастыря. Общий вид с северо-западной стороны
 Фото Г. Н. Сошальского

же начинается подоконник вновь пробитого широкого окна, так что завершение киота уничтожено.

Второе окно у южного угла хотя и имеет ту же форму, но заложено почти заподлицо со стеной.

Северо-западная пилястра уничтожена примыкающей стеной пристройки, зато центральные две пилястры сохранились в своей первоначальной кладке. Северо-западная пилястра сохранила свой профиль только местами, точно так же, как пилястры юго-западного угла. На западной стороне можно видеть места двух заложённых окон и переложённую стенку на месте киота.

Южная стена (рис. 8 и 9) также имеет заложённые окна. Юго-западное окно ее — с нарушенным очертанием. В центральной части стены был раскопан и частично расчищен с подбивкой кирпича пристроенного свода верх лицевого килевидного портала, над которым видно место киота, помогающее определить начало его круглой перемычки (рис. 8). Все это дает возможность как на фасадах, так и на плане восстановить места и форму окон.

Наиболее интересные результаты исследования были мною получены после вскрытия крыши над основным четвериком. У центральных закомар верхние части сбиты почти на половину свода. Над центральным сводом покоится четверик, служащий основанием для первого ряда кокошников. У примыкания свода к основанию четверика сохрани-

7. Собор Рождественского монастыря. Общий вид с северо-восточной стороны. Фото Г. Н. Сошальского

лась черепица XVII века, уложенная в 2 ряда на толстый слой известкового раствора, что дало возможность проследить приемы укладки черепицы даже на вершине свода. Найдена также черепица более ранняя, формы, так называемой «утюжок».

От вершины центральных сводов идет плавное покрытие, оканчивающееся небольшой ендовой на углах основного четверика. В северо-западном и юго-западном углах это плавное покрытие по кривой обвалилось внутрь в местах, где должны были быть так называемые пазухи между центральным сводом и заниженными покрытиями углов, но кирпич свода опустился только на 50—70 см. Казалось, что от сводов заниженных покрытий, закрестовьев, к центральным сводчатым перекрытиям идет свод, закрывающий пазухи между сводами; так это и оказалось, но подозрительной была небольшая глубина пазух.

При зондаже стенки закомары на северном фасаде у примыкания ее к алтарной абсиде через пробитое отверстие высыпались гнилушки и мусор; возник вопрос: откуда это могло быть? Промеры внутри здания и снаружи в этом месте показывали большую толщину перекрытия, но следов в натуре не оказывалось. Тщательное обследование при освещении так называемой «первобытной копилкой» и ощупывание свода руками помогли обнаружить наполовину разрушенный кирпич. Несмотря на возможность провала кирпича внутрь помещения, было приступлено к пробивке его, причем кирпич упал не во внутреннее помещение, а в какое-то темное пространство, что позволило выбить соседние

8. Собор Рождественского монастыря. Южный фасад
Обмер арх. А. С. Фуфаева

кирпичи. Таким образом, было обнаружено новое пространство над сводом закрестовья. Это открытие дало возможность установить интересную конструкцию перекрытия всего собора (рис. 2 и 10).

Вопрос о том, как строители древней Руси добивались, чтобы атмосферные осадки не задерживались в пазах — ендовах, при позакомарных покрытиях, а особенно в системе крестово-купольных одноглавых храмов с пониженными закрестовьями, остается в целом открытым.

Надо отметить, что почти в каждом древнем памятнике русской архитектуры до появления железных крыш покрытие указанных сводов делалось индивидуально, по смекалке и опыту зодчего-каменщика, в зависимости от его изобретательности и смелости выдумки — качеств, присущих русскому народу.

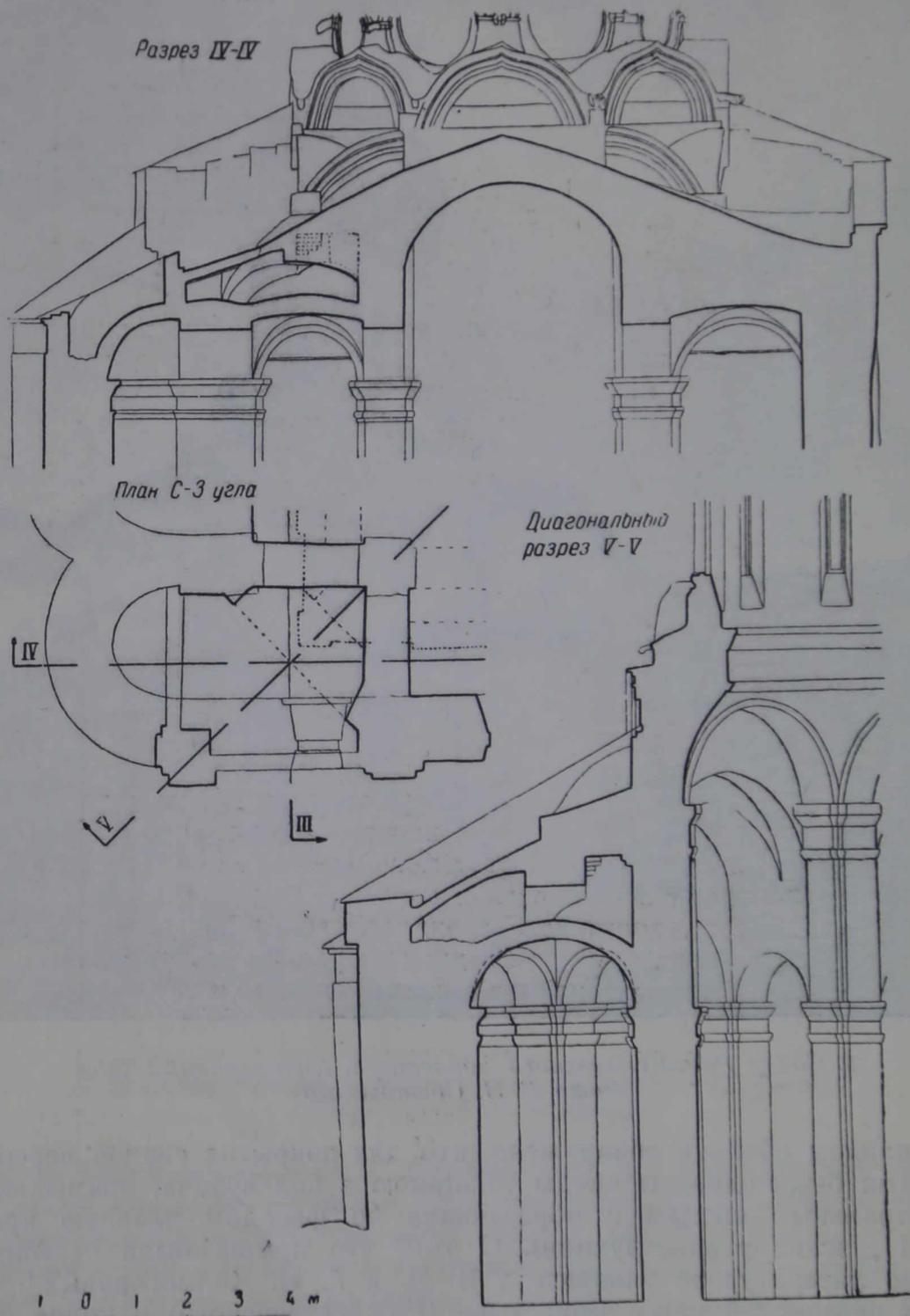
9. Собор Рождественского монастыря. Юго-западный угол
 Фото Г. Н. Сошальского

В данном объекте обнаружено, что для покрытия сводов черепицей над ними были сделаны своды толщиной в полкирпича, примыкающие к центральным сводам и образующие по фасадам плавную кривую (рис. 11, эскиз реконструкции). О том, что крыша была черепичной, найдено литературное указание у В. И. и Г. И. Холмогоровых¹: «год 1701 в переписной книге монастыря (Рождественского) в конце описи значится... «Соборная церковь и придел и колокольня крыты черепицею».

*в каком
 время?*

В пространстве над северо-восточным угловым сводом вполне четко видна система конструкций в заниженных углах здания (рис. 10). Центральные коробовые своды опираются своими пятами на возвы-

¹ Холмогоровы В. И. и Г. И. Материалы для истории, археологии и статистики Московских церквей. М. 1884, столбец 554.

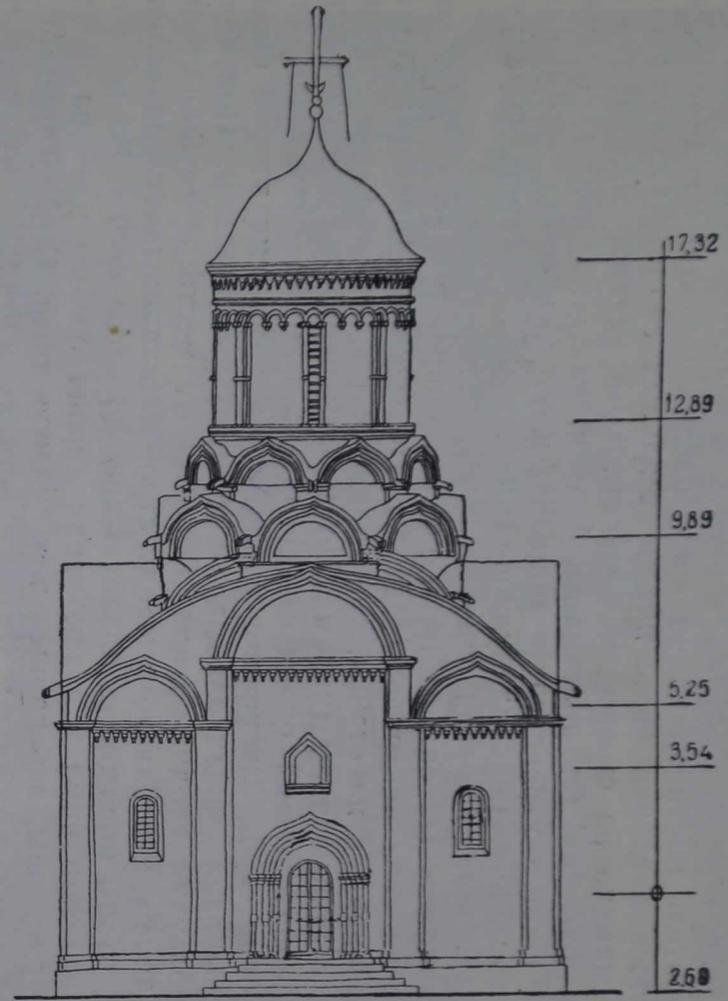
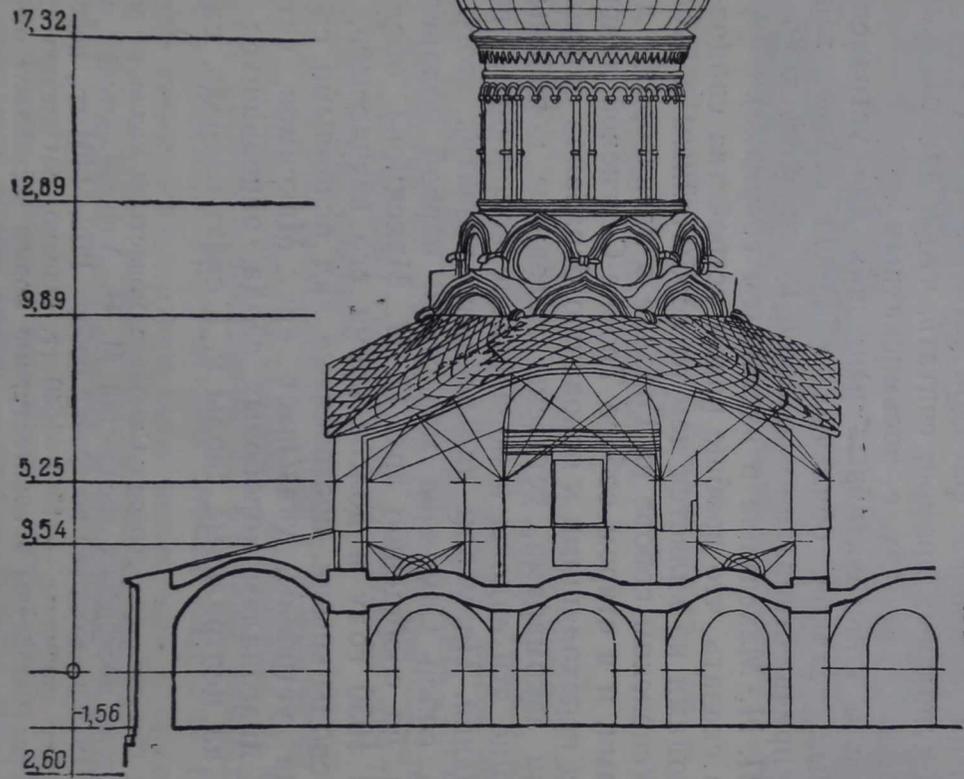
10. Собор Рождественского монастыря. Северо-западный угол. Разрезы IV—IV и V—V. Обмер арх. А. С. Фуфаева

шающиеся стенки. Переход от центральных сводов, расположенных в плане крестом, к центральному барабану осуществляется ступенчато расположенными двумя ярусами кокошников, как бы надвинутых на эти своды. Нижний ряд кокошников поставлен на четырехугольное ос-

Обмер

Предварительный эскиз реконструкции.

[69]

11. Собор Рождественского монастыря. Западный фасад
Обмер и эскиз реконструкции арх. А. С. Фуфаева

нование, углы которого остаются висеть в воздухе. Чтобы их поддерживать, строитель поставил их на арку, расположенную по диагонали и опирающуюся в стенки ниже пят центральных сводов. Стенки — чистые, без намека на смазку их известковым раствором, как это делалось на фасадах. От диагональной арки, ниже которой расположен крестовый свод внутреннего помещения, идут два свода, в смыкании которых по линии, перпендикулярной диагональной арке, образуется ендова, выходящая на угол основного четверика.

Противоположные ендове пяты сводов опираются на стенки, которые несут на себе центральные своды. По фасадам (рис. 12) эти два сводика опираются на стенки, трактованные по фасадам как угловые закомары с повышением (килем). Но между центральными сводами и верхними заниженными сводиками угловых закомар опять образуется пазуха. Тогда строитель решает сделать над ними еще второй сводик, от вершины заниженных закомар к центральным сводам. Получается как бы ползучий сводик-кровля. Переход от места примыкания пяты этого сводика к центральному своду строитель заделывает подтесанным кирпичом, чтобы образовать плавную кривую всего свода. Во всех сводах, стенках под ними и в закомарах кирпич одного размера. Взятые отовсюду растворы, переданные для анализа проф. С. А. Торопову, по его заключению — одного и того же состава и однородной извести и песка. Это подтверждает изложенные выше соображения и позволяет, несмотря на завершение фасадов четверика, несколько непривычное для крестово-купольных храмов, считать, что в данном памятнике оно было действительно таким, т. е. восьмискатным.

Вопрос о конструктивных решениях для устранения задержки атмосферных осадков, обильных в нашей стране, занимал строителей зданий, предшествовавших собору Рождественского монастыря. (См. статью П. Н. Максимова в настоящем сборнике).

Надо сказать, что вообще прием устройства сводов-крыш над основными сводами не является чем-то необычным в русской архитектуре. Уже в Успенском соборе на Городке в Звенигороде, датируемом XIV—XV веками, и в старом соборе Троице-Сергиевой лавры постройки 1422 года над переходящими к основанию барабанов ендовами, образуемыми угловыми закомарами, устроены маленькие коробовые сводики, перекрывающие эти ендовы и образующие кокошники, ориентированные на углы здания. Примером дальнейшего развития этого приема может служить собор Симонова монастыря первой половины XVI века¹, в котором, по сообщению арх. П. Н. Максимова, обследовавшего этот собор в 1930 году и долгое время его изучавшего, сохранились полностью своды-крыши, построенные над основными сводами. Здесь также были устроены, указывает арх. Максимов, четыре расположенных по диагоналям коробовых свода, опиравшихся пятами непосредственно на центральные своды и, в свою очередь, служивших опорами

¹ Год строительства собора Симонова монастыря точно не установлен. Известный исследователь московских древностей М. И. Александровский в паспорте, составленном им в 1942 г., датирует постройку собора 1379—1404 гг., перестройку верха 1477 г. и пристройку звонницы — 1543—1549 гг. Однако, по мнению арх. П. Н. Максимова, строительные материалы и архитектурные формы заставляют отнести время постройки и самого собора к последней из указанных дат, т. е. к сороковым годам XVI века.

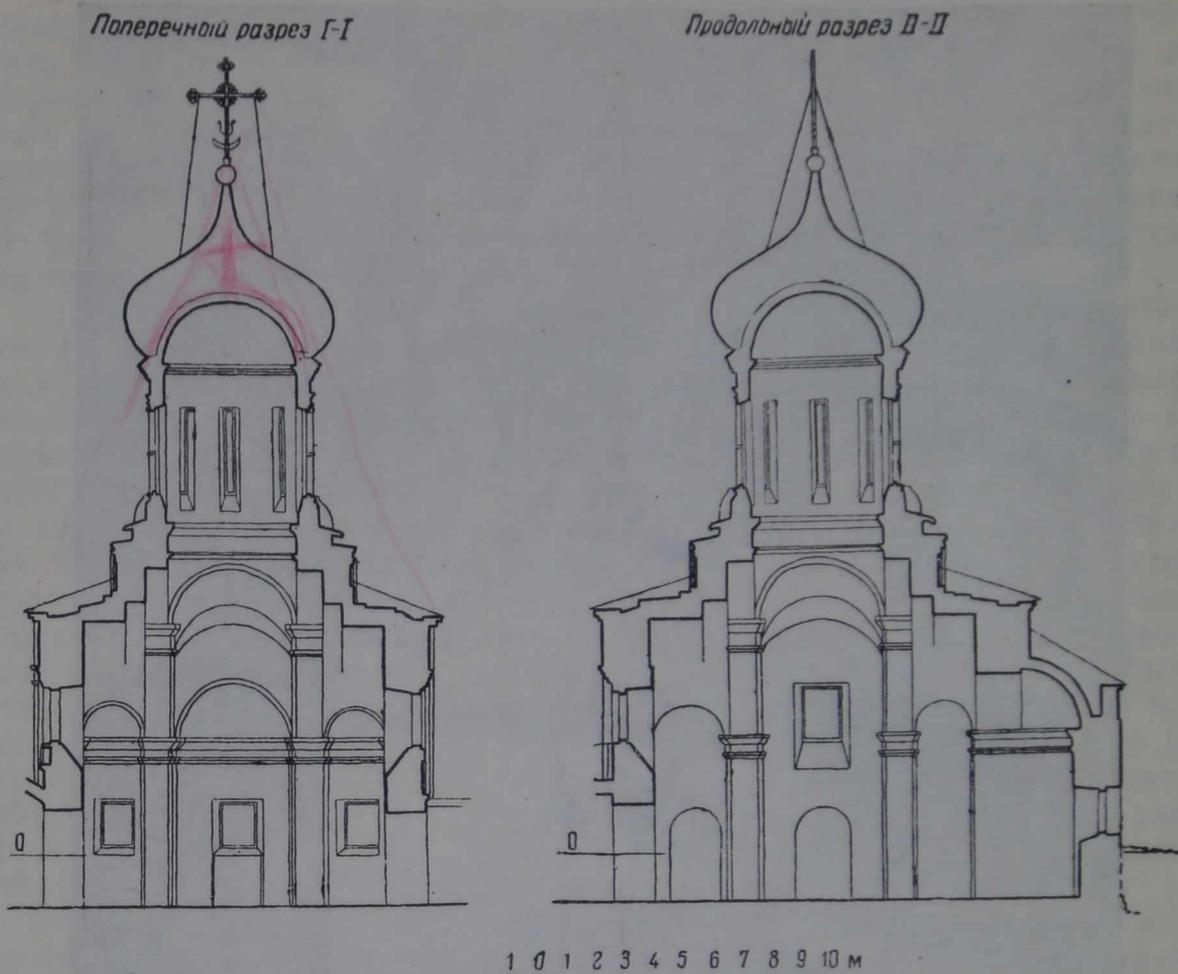
12. Собор Рождественского монастыря. Южный фасад. Деталь пояса и закомары
Фото Г. Н. Сошальского

для сводов третьего яруса, имевших уже декоративное значение. Строители Рождественского собора применили более радикальное решение перекрытия — устройство общего свода-крыши. Известным примером последующих таких сводов-крыш может служить уникальный памятник русского зодчества — московский Покровский собор (собор Василия Блаженного), где вторыми сводами было покрыто пространство между отдельными башнями-церквами.

Над сводами-крышами Рождественского собора возвышается два ряда кокошников, поставленных, можно сказать, вперемежку, т. е. верхний ряд их опирается своими основаниями на вершины нижних.

Ф. Горностаев¹ в описании Покровского собора (Василия Блаженного) указывает, что собор Рождественского монастыря послужил, вероятно, оригиналом для малых угловых столпов Покровского собора, где воспроизведена подобная же система кокошников «вперемежку».

¹ Путеводитель по Москве, изданный Московским архитектурным обществом М. 1913. Статья Ф. Горностаева. Очерк древнего зодчества Москвы, стр. LX — LXII

13. Собор Рождественского монастыря. Поперечный и продольный разрезы
Обмер арх. А. С. Фуфаева

В примечании Ф. Горностаев описывает собор Рождественского монастыря и его кокошники, говоря про них, что «это первый известный случай устройства в Москве кокошников «вперебежку». Если добавить к этому слова: «в одноглавых храмах», то с его определением можно согласиться.

Для угловых столбов Покровского собора взята не только система кокошников собора Рождественского монастыря, но и аттическая база барабана. Надо только отметить, что верха кокошников в соборе Рождественского монастыря врезаются в эту базу, что подтверждает одновременность постройки базы барабана и кокошника. В Покровском же соборе базы барабана поставлены выше верха кокошников.

Над двумя рядами описанных кокошников собора Рождественского монастыря возвышается массивный световой барабан, завершенный развитым кирпичным карнизом и рядом арок, опирающихся на колонки и подвески-кронштейны. По своему рисунку они схожи с такими же деталями московского Благовещенского собора: те же колонки и подвески, но подвески, расставленные иначе, в чем опять видна рука талантливой зодчего, поместившего между колонками окон не по одной, а по две подвески.

Между колонками барабана размещено 8 узких, щелевидных окон. В конструктивном решении окна принят простой и оригинальный прием решения рамы и оформления внешнего оконного откоса: продолжение полуколонки служит наружным откосом, другой торец кирпича является четвертью для оконной рамы. Можно предположить, что подобное решение окна является единичным.

Приведенные детали окон, колонок, карнизов и пр. характеризуют изобретательного и опытного строителя, имя которого нам неизвестно.

Решение внутреннего пространства частично уже указано. Останемся на конструкциях перекрытий собора. Они очень логичны и строго согласуются с архитектурной формой (см. рис. 13). Широкий световой барабан покоится на подпружных арках, сильно приподнятых по сравнению с центральными коробовыми сводами. Между этими сводами и подпружными арками введена еще арочная ступень, и все это на фасаде находит отражение в двух рядах кокошников. Коробовым центральным сводам и сводам угловых частей храма отвечают на фасаде закомары основного четверика, причем расположение их на разных уровнях соответствует такому же положению сводов.

Следует отметить, что здесь все эти двенадцать закомар являются конструктивными, так как угловые части храма покрыты не коробовыми сводами, как обычно, но редкими для русской архитектуры того времени — крестовыми. Такая система устройства перекрытий с приподнятыми подпружными арками в крестово-купольных храмах была известна Москве и ранее, например в соборе Андроникова монастыря (20 годы XV в.), в Благовещенском соборе Московского Кремля (1484—1490), в соборе Троице-Сергиевой лавры (1422), в соборе Саввина монастыря (нач. XV в.), в соборе Чудова монастыря (1501—1503) — ровеснике собора Рождественского монастыря.

Все существующие внутри здания штукатурные карнизы, капители и пояски имеют сложную профилировку, выполненную в XIX веке «под правило». Под этим слоем штукатурки, местами доходящим до 10 см, обнаружены все профили первоначальных карнизов, состоящих из несложного рисунка фасонного тесаного кирпича, уложенного торцом и на ребро. Базы столбов пока не обнаружены.

Архитектурный облик собора Рождественского монастыря складывается из уже известных конструктивных и архитектурных элементов древнего зодчества. Эволюция типа крестово-купольных храмов проходила через многие века и страны: крестово-купольные здания древнего Рима, церкви ранне-христианского периода, Византии (Афон, Константинополь, Равенна), Сербии, Армении, Грузии, Молдавии, Валахии и др. Появление типа крестово-купольных храмов в древней Руси связано со строительством Киевской Софии и Киево-Печерской лавры. Наиболее близкими к данному объекту являются Спасо-Преображенский собор в Чернигове (около 1035 г.), Пятницкая церковь в том же городе, собор Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке, Михайловская (Свирская) церковь в Смоленске и ближайший предшественник собора Рождественского монастыря — собор московского Андроникова монастыря (около 1420 г.). Собор Рождества Богородицы в московском Рождественском монастыре несколько выпадает из привычных для нас архитектурных форм, конструкций, перекрытий и деталей.

*14. Собор Рождественского монастыря
Эскиз реконструкции арх. А. С. Фуфаева*

Анализ форм древнего памятника без его раскрытия не откроет ничего нового и не даст ответа ни на одно «почему?». А без этого «почему?» нельзя осмыслить конструктивно-архитектурную сущность здания и можно только систематизировать формы, а не понимать процесс зодчества.

При подходе к памятнику архитектуры с критерием, выработанным на основе изучения других памятников и ставшим как бы привычным,

нередко упускают из виду самобытность памятника, творческий процесс его создания и те задачи, которые ставил себе его создатель.

Вот почему и данный памятник — собор Рождественского монастыря — по своим конструкциям и формам многим покажется непривычным.

Приведенные выше результаты исследования этого здания дают возможность уже сейчас предложить эскиз реконструкции собора (рис. 14). Хотя почти все точные данные для проекта реставрации и имеются, но для более глубокого изучения и раскрытия деталей этого памятника требуются капитальные работы, выполнение которых потребовало бы значительных средств, рабочей силы и материалов.

Однако полная реставрация собора Рождественского монастыря, этого редкого памятника седой старины, находящегося в центре Москвы, безусловно способствовала бы сохранению этого интересного, самобытного произведения архитектуры и обогатила бы золотой фонд русского народного зодчества.

АНСАМБЛЬ ПАЛАТ АВЕРКИЯ КИРИЛЛОВА

Д. В. Разов

1

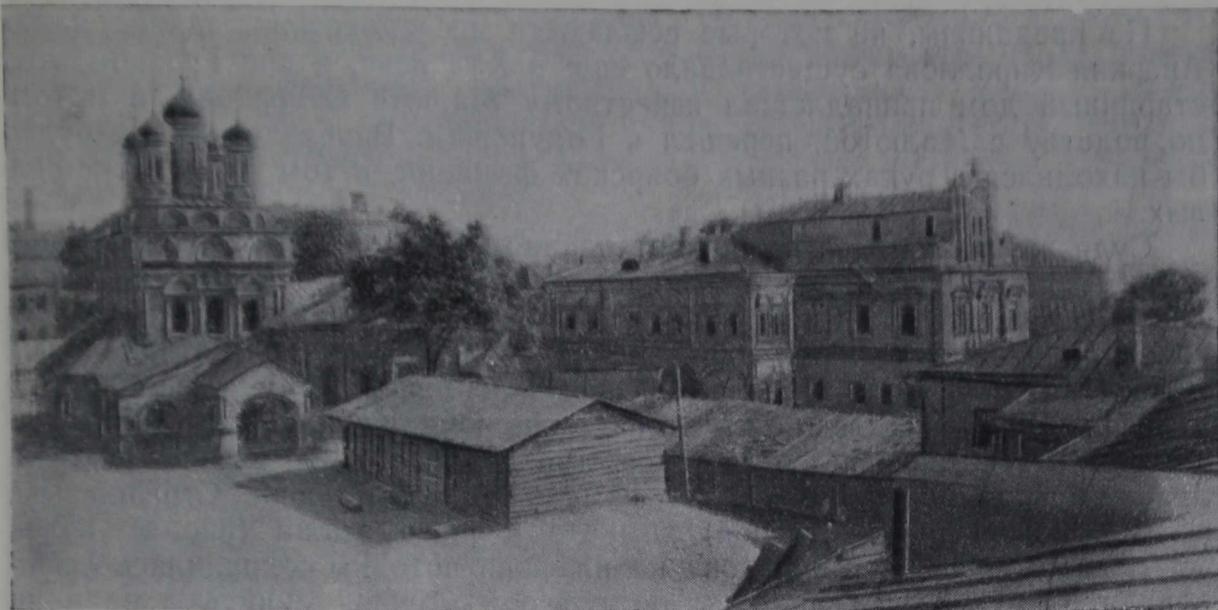
Палаты Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной, построенные в середине XVII века, — один из наилучших сохранившихся боярских домов в Москве и один из наиболее живописных древних жилых архитектурных ансамблей столицы, со всеми его своеобразными особенностями: «красным» крыльцом, домовою церковью, жилыми палатами, теремом, подклетами и т. п. (рис. 1).

С другой стороны, этот комплекс интересен как яркий и характерный образец архитектурного искусства своего времени, в котором талантливые мастера претворили в камне приемы и основной характер русского народного деревянного строительства хором.

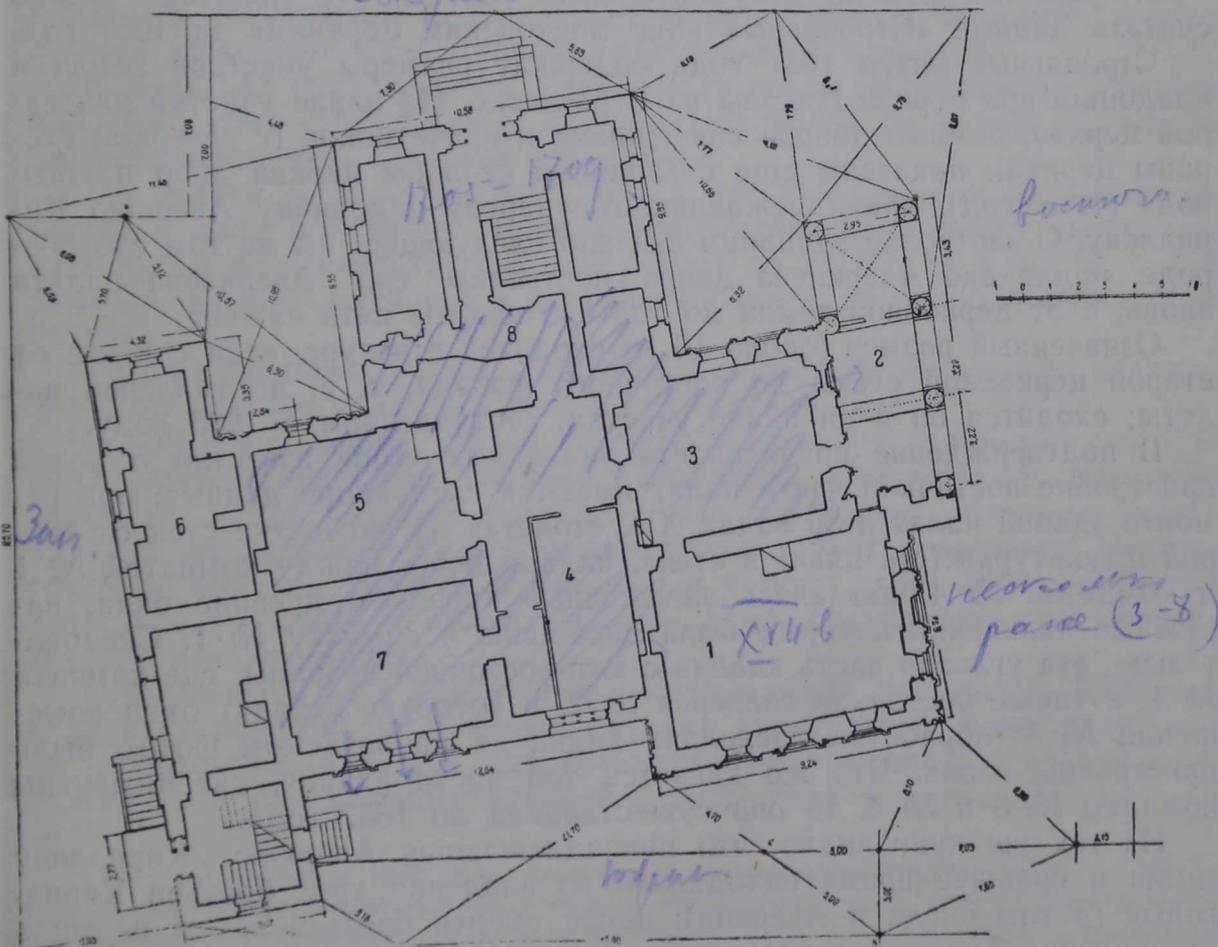
В историческом отношении об этом интереснейшем русском ансамбле можно привести следующие данные.

Местность, где находится ансамбль палат Аверкия Кириллова, уже в XV веке была заселена Стрелецкой слободой, а в начале XVI столетия летописи упоминают о доме боярина Берсеня Беклемишева, бывшего приближенным боярином у великого князя Ивана III и впавшего в немилость и казненного при Василии Ивановиче в 1525 году. Существует предположение, что здесь ему был отведен двор взамен отобранного при постигшей его опале двора в Кремле. Архивными данными это предположение не подтверждается: ни в одном из сохранившихся древних документов нет указания на существование в этой местности двора Берсеня. Зато сохранилось известие, что здесь была Берсенева решетка¹, — одна из тех решеток (или ворот с решетчатыми затворами), которыми Иван III, из соображений общественной безопасности, приказал разделить эту часть Москвы на участки. На ночь решетки запирались и к ним приставлялся караул. Охрана участка «от огня и всякого воровства» была в ведении особого объездного головы, назначавшегося из числа почетных, заслуженных бояр. Объездной голова ведал и решетками, а также решетчатыми приказчиками своего участка. Должность объездного головы участка, соседнего с Кремлем, была особенно почетна, и вполне правдоподобно, что первым объездным головой в этой части города был Берсень, пользовавшийся большим доверием у великого князя Ивана III.

¹ Водяные ворота у Каменного моста также носили название «Берсенеvских», а южная башня Кремля слыла под названием «Беклемишевской». Поэтому можно думать, что и нынешняя «Берсенеvская набережная», или просто «Берсенеvка» (как вообще называли этот участок города в XVII и XVIII столетиях), получила название по имени боярина Берсеня Беклемишева.

1. Палаты Аверкия Кириллова и церковь Николая на Берсеневке. Общий вид
 Фото Н. Я. Епанечникова

2. Палаты Аверкия Кириллова. План первого этажа
 Обмер арх. Д. В. Разова

3-8 - древние помещения [77]

По преданиям, на которые ссылаются исследователи, здание палат Аверкия Кириллова существовало еще в XVI веке, и при Грозном этот старинный дом принадлежал известному Малюте Скуратову, а потом, по родству с Малютой, перешел к Годуновым. Впоследствии он будто бы находился в руках разных боярских фамилий, в том числе Стрешневых.

Судя же по надписи на пожертвованном Ириной Семеновной (женой сына Аверкия Кириллова — Якова) 200-пудовом колоколе: «по муже своем Иакове Аверкиевиче и по родителях ево Аверкии убиенном и Евфимии и их сродниках, при сей церкви лежащих», род Кирилловых давно жил в приходе Николо-Берсеневской церкви, при которой они и погребались. Принадлежность этой земли роду Кирилловых уже в начале XVII века явно не согласуется с преданием, будто бы она некогда принадлежала разным боярским фамилиям, в том числе Стрешневым.

В угловой (юго-восточной) комнате первого этажа (рис. 2, комн. № 4) палат Аверкия Кириллова на плафоне потолка сохранилась высеченная вокруг креста надпись, по которой можно судить о времени перестройки этих палат: «Написан сей святой и животворящей крест в лето 7765 году; того же лета и палата посправлена»¹. Это — первый документ, указывающий дату возобновления палат — 1657 год.

Вторым по времени документальным известием о палатах можно считать данные «Строильных книг московским церквам» за 1657 год.

Строильные книги 1657 года содержат размеры участков земли и кладбища при церкви Николы на Берсеневке. На плане участка названной церкви, помимо дворов священника и причетников (с северной стороны церкви), показаны еще с западной стороны церкви двор и «огород» (т. е. сад), принадлежавшие государеву садовнику Аверкию Кириллову. О застройке зданиями сказано следующее: «А на том ево огороде, подле ево Аверкиева двора, построена ево Аверкиева палата вновь, а от церковной земли до той ево палаты пять сажень».

Означенный размер (около 10 м) сходится в натуре, если считать от старой церковной стены до восточного фасада, т. е. до галлерей палаты; сходится он и на плане участка, составленном в 1805 году.

В подтверждение правильности указанных выше известий о новой пристройке восточной части палат имеются следующие данные: при ремонте зданий палат в 80 годах XIX столетия по расчистке стен от старой штукатурки (см. план) в стене, находящейся между комнатой № 1 и комнатой № 4, оказались заложенные кирпичом древние окна, наружные наличники которых были обращены в комнату № 1. Следовательно, эта угловая часть здания с юго-восточной стороны, где комната № 1, а также восточная галлерей № 2, в которую выходят окна помещения № 3 (обработка последних видна на прилагаемом фото), были пристроены вновь. Что же касается той части здания, где помечены комнаты № 3 и № 4, то она существовала до 1657 года.

Из тех же книг видно, что принадлежавшая Аверкию Кириллову земля в прежнее время находилась во владении трех братьев Кирилловых (в том числе и Аверкия); после смерти братьев земля перешла во владение Аверкия, а последним, еще до 1657 года, частью была по-

¹ Некоторые исследователи читают: «поставлена».

жертвована под церковное кладбище¹. Из этого можно заключить, что означенная земля перешла к Кирилловым по наследству от их родителей. Аверкий Кириллов, получивший в начале XVII века в наследство эту землю с находившимся на ней старинным домом, увеличил последний пристройкой новой палаты с большим каменным крыльцом, теперь обращенным в галлерею.

Кем и когда была возведена более древняя часть здания палат (рис. 2, комнаты №№ 3—8) — самим ли Кирилловым или его предками — неизвестно, но уцелевшие наличники окон на стене комнаты № 3 с наружной стороны, выходящей в галлерею, а также часть отделки нижних наружных окон комнаты № 7 и комнаты № 3 и внутренней отделки дверей комнаты № 4 по своему архитектурному характеру очень сходны с отделкой той части дома, где размещена комната № 1. Это ясно показывает, что по крайней мере эта часть дома построена также не слишком задолго до сооружения основной части палат (комнаты №№ 3—8) и ни в каком случае не раньше XVII века.

В документах 1667 года Аверкий Кириллов упоминается в звании московского гостя, позднее (с 1677 г.) — в звании думного дьяка, что говорит о знатности и богатстве его. О богатстве и почетном положении его в обществе наглядно свидетельствует также и самый дом, принадлежавший ему и обстроенный им с большими верхними и нижними палатами, обширными подвальными помещениями в подклете, великолепным крыльцом и богатейшей архитектурной отделкой.

В мае 1682 года Аверкий Кириллов (в числе сторонников Нарышкиных) был убит стрельцами в Кремле. Похоронен он в церкви Николы на Берсеневке под северной папертью.

По смерти А. С. Кириллова дом и все его большое состояние перешли к сыну его Якову (тоже имевшему звание думного дьяка); потом домом по наследству владела с 1694 до 1711 года жена Я. А. Кириллова, Ирина Семеновна Кириллова (позднее, по второму мужу, Курбатова).

Таковы сведения о двух поколениях старейших по времени владельцев этих древних палат, живших в них более полувека².

В XVIII веке здание палат перешло в казенное ведомство; до 1762 года здесь помещались Кормчие канцелярия и контора. В 1762 году сюда, на место Кормчей конторы, была переведена Межевая канцелярия. При переводе Межевой канцелярии архитектор Петр Никитин составил смету и проектные данные на ремонт палат (были представлены планы первого и второго этажей дома, где помещались Кормчие контора и канцелярия).

При сличении их с нынешними планами видно, что «после 1762 года в палатах не было произведено никаких капитальных перестроек, кроме небольшой пристройки над юго-западным крыльцом и уничтожения полукруглой части, существующей с 1762 года у наружного выступа

¹ При раскрытии в 1946 году Академией Архитектуры СССР нижних частей алтарных стен (северо-восточный угол храма) это подтвердилось: при раскопках найдены две большие каменные плиты захоронения — одна, сохранившаяся с трещинами, и другая, обнаруженная только частично.

² В ревизских сказках и делах Коллегии экономии палаты числились за фамилией Курбатовых (потомками Ирины Семеновны Кирилловой-Курбатовой) до 1739 г.

с южной стороны. Внутреннее расположение палат вверху и внизу почти то же самое, какое представляют планы 1762 года¹».

Во второй половине XVIII века в здании палат помещался ряд правительственных учреждений.

Московская межевая канцелярия пользовалась этим зданием два раза (1762—1764 и 1766—1770 гг.).

Канцелярия конфискаций помещалась здесь с 1764 по 1766 годы.

В 1771 году сюда был переведен Разрядный архив (иначе — Сенатский архив). За время пребывания здесь Разрядного архива имеются подлинные документы о ремонте палат; а также подробная опись (составлена в 1793 г.) всех его комнат в трех этажах и подвале², а также размеры занимаемого им участка. Последнее относится к моменту передачи палат в Московскую казенную палату.

В 1806 году после ремонта палат (смета на 2383 руб. 54¹/₂ коп.) сюда въехала Сенатская курьерская команда, и дом стал называться «курьерским».

Во время большого московского пожара 1812 года обгорела только церковь Николы на Берсеневке. Здание палат не пострадало.

В 1868 году здание палат было отдано Московскому археологическому обществу.

После Октябрьской революции здесь помещались Реставрационные художественные мастерские (до 1932 г.) и, наконец, после постройки рядом с палатами (на месте Соляных складов) корпусов большого жилого комбината Дома Правительства здание палат вместе с церковью Николы и так называемым домом Богаделок по линии набережной было передано Дому Правительства. В настоящее время оно заселено сотрудниками управления указанного дома.

* * *

Дом русского боярина XVII века всегда располагался на середине строительного участка. На улицу выходили службы, т. е. «людские», поварни, конюшни и другие постройки, чередовавшиеся с частоколом, заборами, огородами и решетками. Подобные комплексы были по-своему живописны.

Так же был распланирован и комплекс палат Аверкия Кириллова.

По записям «Строильной» книги, двор усадьбы Кирилловых был весьма обширным. Палаты стояли в глубине усадьбы, за ними находился большой огород; о служебных постройках ничего не известно, хотя, вне всякого сомнения, они существовали, как это показывают другие примеры боярских дворов в Москве, хотя бы дом князя Юсупова в Большом Харитоньевском переулке.

Этот строительный комплекс в настоящее время останется единственным цельным комплексом боярских палат XVII столетия не только в Москве, но и во всем Союзе.

¹ Румянцев В. Е. Дом Московского археологического общества на Берсеневке. «Древности», т. V, М. 1885.

² Взято из ст. Калачева Н. В. «Дом Малюты Скуратова», Археологический вестник, 267.

Памятник интересен также как образец претворения талантливыми русскими мастерами в камне приемов и основ русского народного деревянного строительства хором.

*Очень
деревянный*

В настоящее время здание палат имеет три этажа, из которых нижний, цокольный этаж (подклет), скрыт под землю (вследствие поднятия уровня земли всей окружающей местности на протяжении прошедших трехсот лет). Фасады здания имеют разнообразную, типичную для XVII века обработку из кирпичных профилей, колонн, пилястр, карнизов и т. п., особенно живописную и богатую со стороны Кремля, откуда был подход к зданию.

Вообще здание палат представляет собой ряд исторических наслоений с начала XVI по XVIII век.

Впадина северного фасада, расположенная к востоку от центрального выступа (рис. 2), имеет три окна в первом этаже и два — во втором, обрамленных кирпичными наличниками, характерными для XVII века; впадина, расположенная к западу между центральным и северо-западным выступами, частично переделана (вероятно, надстроена в XVIII в.); нижнее же окно и пилястры в углах — XVII-века.

*См. рисунок
и проект
реставрации*

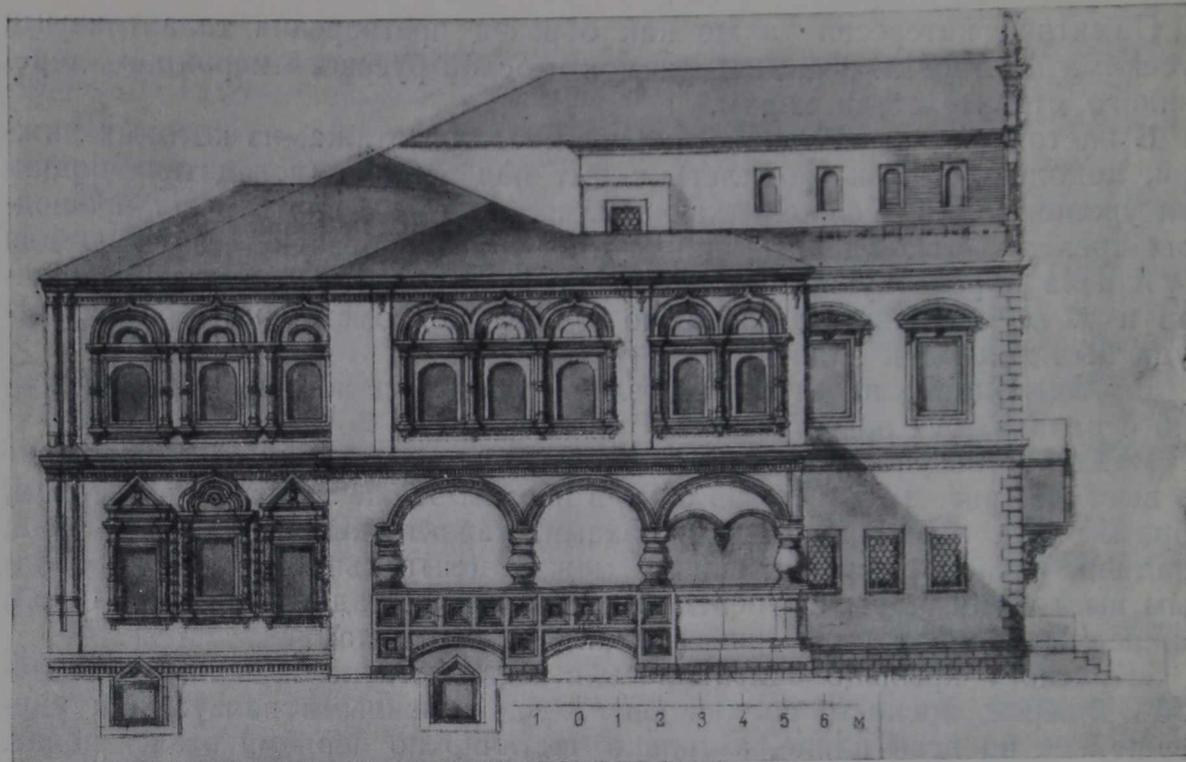
«Красное» крыльцо сохранилось в виде остатка живописной арочной галлерей, когда-то соединявшей храм с жилыми палатами и уцелевшей не по всей длине, а только частично по первому этажу палат. Это — красивый фрагмент обработки «красного» крыльца, простой и в то же время характерный по сочному рельефу обработки кирпичом и камнем, типичному для середины XVII века.

Изразцы, которыми декорирована нижняя часть палат и крыльца храма, представляют собой первый пример применения цветных изразцов в синих тонах по белому фону в московской архитектуре. В этом отношении памятник особенно важен для истории русского зодчества, как начало применения красочных майоликовых декораций в зданиях русской архитектуры.

Несравненная ценность этих майоликовых декораций, связанных в целую художественную композицию, будет очевидна, если сравнить их с различными разрозненными обломками изразцов, хранящимися в наших музеях.

Проследим плановое расположение помещений палат в связи с объемом здания и его этажностью. Как было указано выше, здание трехэтажное. Особенно интересны нижний и верхний этажи. Прежде нижний подклетный этаж, несомненно, был весь над землей, о чем свидетельствуют обрамление нижних окон подклета и пояс (кирпичный поребрик), в настоящее время находящийся на уровне земли по восточному и частью по южному фасадам. О том, что это был подклетный, или служебный этаж, можно судить по простоте оконных обрамлений и по малым размерам нижних арочных окон, а также по внутренним сводам с распалубками, характерными для XVI и XVII веков. Пол — частью земляной, покрытый досками, частью кирпичный (вероятно, позднейший).

Через «красное» крыльцо на кубышчатых колоннах, но совершенно другой композиции и иначе декорированное, чем крыльцо церкви, можно было пройти в обширную галлерею, служившую входом в первый этаж палат и связующим звеном с домовою церковью (рис. 3).

3. Палаты Аверкия Кириллова. Восточный фасад
Обмер арх. Д. В. Разова

Плановое расположение комнат по первому этажу и по теремам характерно для древне-русского боярского жилища.

Характер перекрытий по сводам с красивыми распалубками точно указывает на XVII век, не говоря уже о крестовых сводах галлерей. Заслуживают также внимания сомкнутые своды с распалубками парадных помещений первого этажа и, особенно, «крестовой» палаты; в замке свода последней заделан камень с надписью 1657 года, датирующей постройку (или перестройку) здания палат, что должно быть отмечено как единичный пример фиксации года постройки на камне в русской гражданской архитектуре.

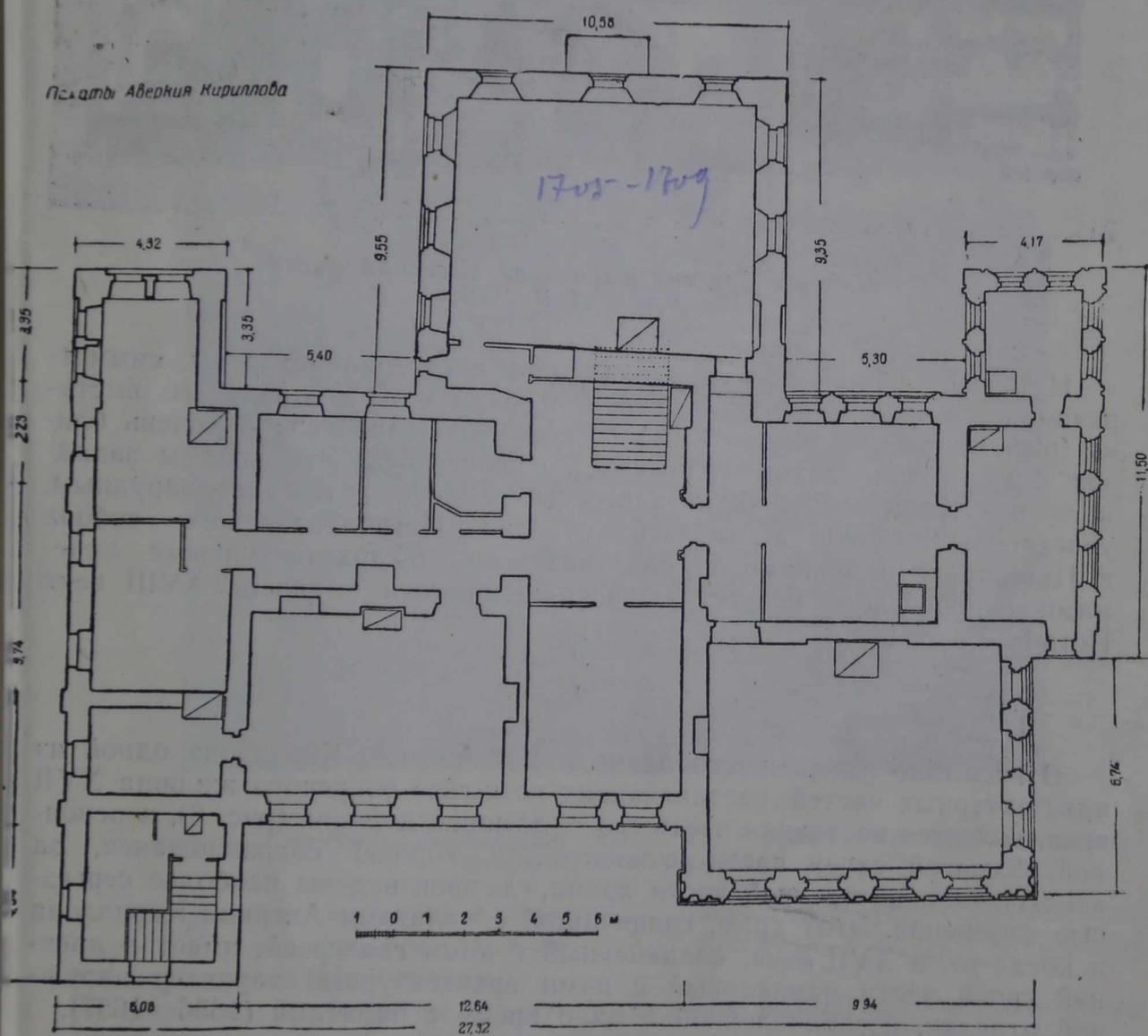
В верхнем, теремном этаже (рис. 4) сохранились две комнаты, резко отличающиеся от остальных видом и конструкцией своих сводов, которые совершенно тождественны со сводами первого парадного этажа. По старым планам видно, что эти комнаты обслуживались внутренней, идущей в толще стен, лестницей; назначение их, вероятно, было теремное. На обмерных чертежах 1942 года видна большая толщина стены между комнатами № 4 и № 5; здесь, очевидно, помещалась указанная лестница.

Остальные комнаты верхнего этажа, несомненно, надложены в XVIII столетии; на это указывают формы полуциркульных вспарушенных сводов, пяты которых подняты выше окон. Эти своды сложены без распалубок, что характерно для сводов XVIII века. Второе доказательство — большой обрез выше карниза второго этажа.

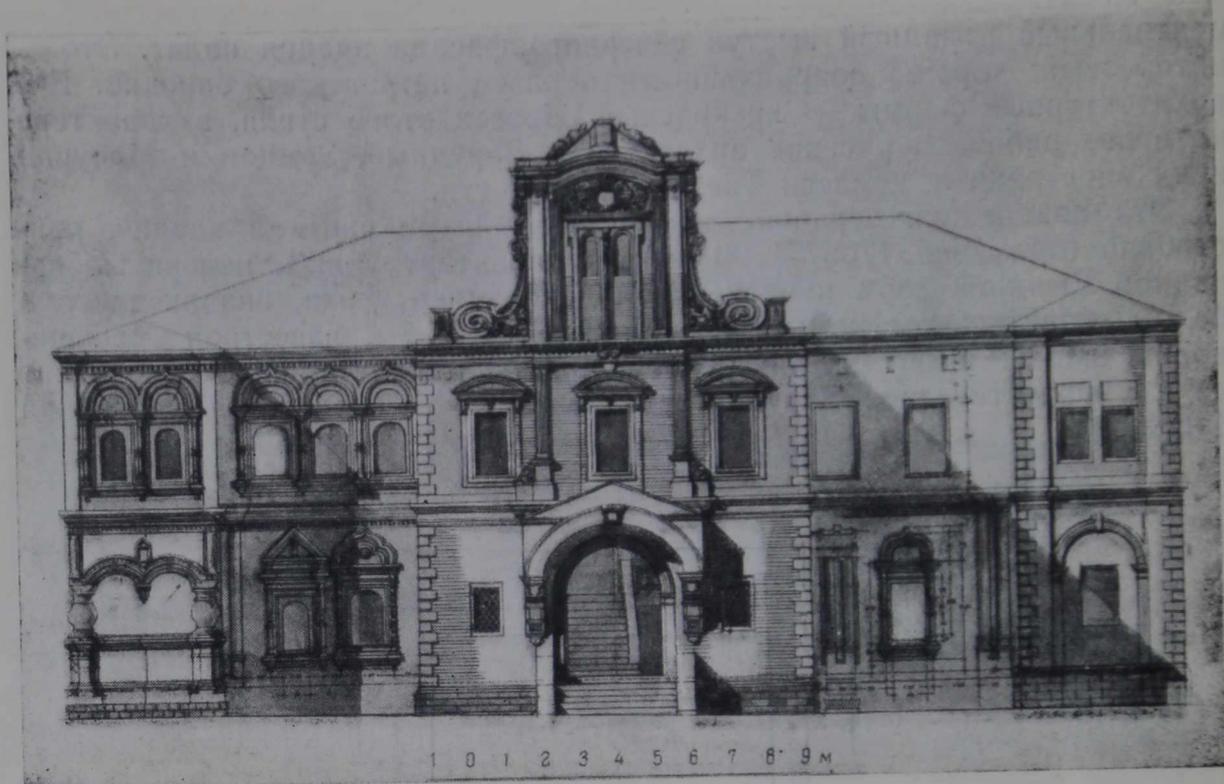
Заслуживает большого внимания и вместе с тем показывает историческую преемственность в развитии архитектурных форм памятника

центральный парадный выступ северного фасада здания палат. Это — интересный, хорошо сохранившийся образец петровского барокко. Его архитектурные формы — прекрасный образец этого стиля, в характере которого работали русские архитекторы Зарудный, Земцов и Мичурин и их иностранные коллеги Трезини и Микетти.

Эта позднейшая, сравнительно с остальными частями здания, пристройка (примерно 1705—1709 гг.) по характеру новых, навешанных западной Европой форм и прекрасной декорацией верха, исполненного в белом естественном камне, чрезвычайно близка к известной Меньшиковой башне, а потому не без основания историки искусств относят ее к творчеству арх. Зарудного, талантливого создателя названной башни.

4. Палаты Аверкия Кириллова. План второго этажа
Обмер арх. Д. В. Разова

5. Палаты Аверкия Кириллова. Северный фасад
Обмер арх. Д. В. Разова

Интересен общий контур плана палат с северной стороны, симметрично переделанный в соответствии с трактовкой центрального выступа (рис. 5); своими ризалитами¹ трехчастного характера он очень близок к трактовке планов французского ренессанса. Эти приемы западного искусства могли быть занесены в Москву тем же Зарудным, участвовавшим во внутренней отделке Петропавловского собора в Петербурге и знакомого, следовательно, с архитектурными приемами европейского искусства, насаждавшегося в начале XVIII века Петром I.

2

В ансамбле генерального плана палат Аверкия Кириллова одной из архитектурных частей, составляющих комплекс боярского жилища XVII века, является восточная часть его — домовая церковь (рис. 6), в основной, большей своей части относительно хорошо сохранившаяся, за исключением внутренней части храма, где произведены наиболее серьезные изменения. Этот храм, граничащий с палатами Аверкия Кириллова и когда-то, в XVII веке, соединенный с ними галлереей, имеет в древней своей части одинаковый с ними архитектурный характер наружной отделки, возобновленной в одно время с палатами (1656—1657).

¹ Правый выступ, по плану отвечающий выступу «красного» крыльца палат, был построен одновременно с центральным: характер рустов, размеры и тип кирпича, а также профили карнизов и поясков подтверждают эту одновременность.

6. Церковь Николая на Берсеневке. Общий вид с северо-восточной стороны
Фото П. В. Клепикова

По данным журнала Канцелярии конфискаций (1765 г., 2-я пол., лист 525), эта церковь входила в XV столетии в состав монастыря, называвшегося Никольским.

Здесь же необходимо указать на наличие в XVII веке в этом же ансамбле еще одного небольшого сооружения — жилого вспомогательного корпуса по линии Берсеневской набережной, построенного для нужд церковного причта.

Посредине этого небольшого корпуса, разделенного проездной аркой, как показывают старинные гравюры, возвышалась колокольня, воспроизведенная на рисунке реконструкции берсеневского ансамбля.

Церковью св. Николая (или Николы) на Берсеневке обычно называли в Москве Троицкий храм с приделом св. Николая чудотворца на Берсеневской набережной.

В старинных архивных документах эта церковь именуется то храмом «Пресвятые Троицы, что за Москвою-рекою в Берсеневке», «в Верхних Садовниках», «в Берсеневских Садовниках», то церковью «св. Николая чудотворца, что в Садовниках, у Берсенева решетки, за Москвою-рекою», или «в Берсеневе решетке».

Наименование «Садовники», сохранившееся до последнего времени только за одной улицей (ныне ул. Осипенко), распространялось в древности на громадный участок, прилегающий к правому берегу Москвы-реки, примерно между нынешними Каменным и Устьинским мостами. В этой местности с конца XV века находились царские сады, разбитые здесь после пожара 1493 года, перебросившегося из Замоскворечья в Кремль и уничтожившего великокняжеские и митрополичьи дворы. Чтобы предупредить повторение подобных случаев в будущем, великий князь Иван III Васильевич в 1495 году приказал снести все строения за Москвою-рекой, против Кремля, и развести там сад. На «Годуновском» плане Москвы царский сад простирается от Москвы-реки почти до теперешнего Водоотводного канала и занимает весь участок берега против Кремля, лежащий между теперешними Каменным и Москворецким мостами.

Вокруг царского сада селились его садовники, заводившие здесь свои сады и огороды. От этих садовников вся окружающая местность стала называться «Садовниками» — верхними, средними и нижними. В соответствии с этим церковь Николая чудотворца именовалась в Верхних (или «вышних») Садовниках, Софийская (на нынешней Софийской набережной) «в Средних Садовниках», а Косьмы и Дамиана (против здания Воспитательного дома) — «в Нижних Садовниках».

Первое упоминание о церкви Николая чудотворца на Берсеневке встречается в окладной книге 133 года: «церковь великого чудотворца Николы, что за Берсеневою решеткою, по окладу даны одиннадцать алтын две деньги. И ноября в 20 день те деньги на нынешний на 133 год взяты сполна. Деньги платил поп Викула». Следовательно, в ноябре 1624 года церковь уже существовала.

Первоначально церковь была деревянной.

В 1657 году в переписной книге московских церквей и состоящих при них кладбищ впервые упоминается «церковь каменная Живоначальная Троицы, что в Садовниках, за Берсеневою». Следовательно, деревянная церковь была заменена каменной между 1624 и 1657 годами. В «Географическом словаре» Щекатова годом сооружения каменного храма указан 1656 год: «Николая чудотворца, что в Берсеневке, придельная, и настоящая к ней Живоначальная Троицы, стоит на берегу Москвы-реки, сооружена вместе с придельною в 1656 г. Другой в ней придел Казанския Богородицы освящен при патриархе Адриане 1694 года января 16-го».

Как видно из архивных документов, каменный храм был сооружен

«по обещанию приходских и разных посторонних чинов людей». Крупнейшим жертвователем на построение церкви был «садовник», т. е. заведывавший царскими садами Аверкий Стефанович Кириллов.

В 1694 году при Троицкой церкви был освящен придел в честь иконы Казанской божьей матери. Вероятно, к этому времени придел Николая чудотворца был уже уничтожен.

В мае 1755 года священник Троицкой церкви Петр Алексеев и прихожане обратились в Консисторию с просьбой дать указ на сооружение вновь Николаевского придела. «Означенная наша приходская церковь, — говорится в поданном ими прошении, — издревле именуется в писцовых и переписных и окладных книгах, писалась и поныне пишется во имя святителя чудотворца Николая, потому, что она сначала вновь была сооружена во имя того храма святителя и чудотворца Николая деревянная, а по обещанию приходских и разных посторонних чинов людей на том месте построена каменная церковь во имя Живоначальныя Троицы, которая и ныне состоит нерушима».

«Ныне мы по всеусердному нашему обещанию желаем, чтобы при оной настоящей нашей Троицкой церкви был придел во имя прежде сооруженного издревле храма (по которому церковь и поныне именуется Николаевскою) святителя и чудотворца Николая, к чему и удобной той Троицкой церкви в трапезе по левую сторону имеется место».

В том же мае (1755) Консистория определила освидетельствовать «трапезу, какой она в длину и ширину меры, и есть ли к построению одного придела удобное место, и буде оный придел построен будет, не будет ли от него настоящей церкви и трапезе утеснения и темноты, и сколько именно места придел займет, и за тем сколько в трапезе останется»¹.

Освидетельствование показало, что в трапезе «длины и ширины достаточно и к построению на левой стороне придела удобное место имеется и, по построении придела, настоящей церкви и трапезе утеснения и темноты не будет».

9 июня 1755 года московская контора Святейшего синода дала разрешение на постройку придела. Сооружение его закончилось через 20 лет. В сентябре 1755 года, согласно донесению священника, придел был «построен и святыми иконами и прочим церковным благолепием украшен и ко освящению готов». В сентябре 1775 года было выдано разрешение на освящение придела.

Во время Отечественной войны 1812 года Берсенеvская церковь обгорела. Главный, Троицкий храм, повидимому, пострадал незначительно и 5 сентября 1813 года был уже вновь освящен. Приделы же, Николаевский и Казанский божьей матери, внутри совершенно выгорели и были отстроены не скоро.

На месте Казанского придела был сооружен престол в честь «Общежития начальника» Феодосия Палестинского, освященный в 1817 году.

В 1823 году было дано разрешение на устройство в новой трапезной придела в честь Николая чудотворца.

В 1840 году был поднят вопрос о постройке новой колокольни. Ста-

¹ Успенский А. И. Церковь св. Николая чудотворца на Берсенеvке. М. 1906

рая, за ветхостью, была разобрана больше чем за 20 лет до этого. Еще в 1786 году Московская управа благочиния сообщила: «каменная колокольня¹ от давнего построения весьма опасна к падению, почему в Московской управе благочиния определено послать в Консисторию сообщение с требованием, чтобы она благоволила приказать колокольню подкрепить и исправить починкою или в предосторожность, дабы от нечаянного оной падения убивства народного последовать не могло, и совсем разобрать». В сентябре того же года Консистория ответила Управе благочиния, что «ежели Управа усматривает в колокольне опасность к падению, то чтоб сама и употребляла надлежащие меры».

После этого колокольня простояла еще лет 30. Как мы уже упомянули, в 1840 году было возбуждено ходатайство о постройке новой колокольни. Но разрешения на эту постройку получено не было. Через 10 лет церковный староста Андреевский совместно со священником Петром Гурьевым вторично возбудил ходатайство о разрешении соорудить новую колокольню. Андреевский и Гурьев представили митрополиту Филарету планы и фасады церкви и колокольни, поперечный разрез последней и план окружающей местности. О старой колокольне в прошении говорилось, что она «за ветхостью уже более 30 лет как разобрана». Таким образом, надвратная колокольня была разобрана после пожара Москвы 1812 года, примерно около 1815 года.

По этому делу Консистория позднее донесла митрополиту: «Церковь Троицы по общей форме и деталям принадлежит к разряду зданий, построенных в русском стиле. Возведение при ней колокольни предполагается произвести согласно общему характеру и стилю здания церкви. Сообразно сему наружная отделка трапезной церкви имеет быть изменена против прежней, сделанной в итальянском стиле, так, чтобы все здание в архитектурном отношении получило один стиль и гармонию. Проект такой постройки колокольни, с изменением наружной отделки трапезной церкви, Правлением IV Округа путей сообщения и публичных зданий признан как в частях, так и в общем виде вполне удовлетворительным и цели своей соответствующим» (по Успенскому).

В 1852 году проект колокольни был еще раз изменен Главным управлением путей сообщения и публичных зданий «для большей благовидности фасада и удобства внутреннего расположения, причем колокольня поднята на 2¹/₂ саж., и на крыше — посреди церкви — прибавлен небольшой купол».

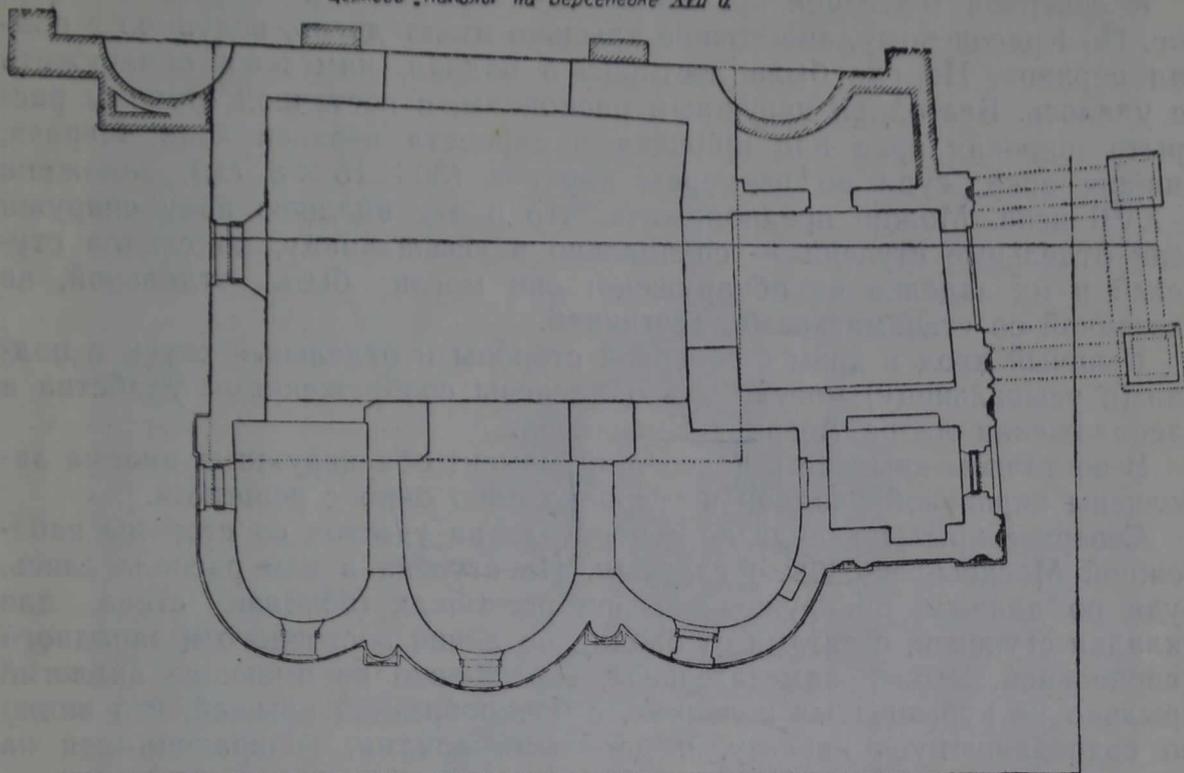
В 1853 году последовало, наконец, разрешение на постройку колокольни, и в 1854 году она была сооружена у западной стены трапезной церкви. В 1932 году колокольня была разобрана.

Указанная выше домовая церковь, являясь неотъемлемой частью комплекса, в основном выстроена из кирпича; здесь среди доминирующих мотивов кирпичных декоративных убранств намечаются новые, западно-европейские элементы, но выполненные из естественного камня и с явным использованием многовековой традиции деревянной народной резьбы.

Здесь же можно наблюдать увлечение красочностью в применении цветных декоративных майоликовых изразцов в ширинках, содержащих

¹ Речь идет о надвратной колокольне по Берсеневской набережной.

Церковь „Николай“ на Берсеневке XVII в.

7. Церковь Николая на Берсеневке. План первого этажа.
Обмер арх. Д. В. Разова

среди орнаментов растительного характера мотивы двуглавых орлов в коронах.

Наличие таких изображений позволяет предположить участие царя Алексея Михайловича в постройке храма, представляющего собой, по общей композиции и украшениям, один из лучших памятников русской церковной архитектуры.

По композиции генерального плана церковь и жилые боярские палаты, с которыми она соединялась крытой каменной галлереей¹, задуманы как единое архитектурное целое. Церковь претерпела значительные внутренние переделки, но главная масса сохранилась относительно хорошо.

План церкви (рис. 7) оригинален и значительно отличается от других, современных ей памятников. Повидимому, он был обусловлен назначением ее — служить домовою боярскою церковью, а также усыпальницей.

План — бесстолпный; главная, центральная часть имеет прямоугольную форму, вытянутую по направлению север — юг. Как видно по обмерному чертежу плана, с северной части по оси входа примыкает трапезная, имеющая в настоящее время с западной стороны заложенную кирпичной кладкой широкую арку, которая соединяла, вероятно, эту трапезную с другой, примыкавшей к церкви в западной части.

¹ Крытая каменная галлерей ныне не существует, но в части, примыкающей к палатам, хорошо сохранилась; она богато украшена резным камнем, кирпичом и керамикой.

К северной трапезной примыкают два крыльца: восточное и северное. По Красовскому, «восточное крыльцо имеет дверь, ведущую в подвал церкви». Но где была лестница в подвал, нам пока обнаружить не удалось. Благодаря наружным раскопкам, с восточной стороны раскрыта широкая арка под ширинками парапета верхней арки. Первая, нижняя арка, судя по размерам кирпича (30 × 15 × 8 см), заложена в XVII веке. Можно предположить, что в эту нижнюю арку снаружи вели отдельные ступени — специально в усыпальницу, но следов ступеней и их заделки не обнаружено; они могли быть отдельной, не связанной со стенами храма, лестницей.

Пышный вход в храм с северной стороны и отдельный спуск в подвал (в усыпальницу) могут быть объяснены соображениями удобства в расположении двора Аверкия Кириллова.

В восточном крыльце в настоящий момент оба наружных проема заполнены кирпичной кладкой и устроено одно окно с решеткой.

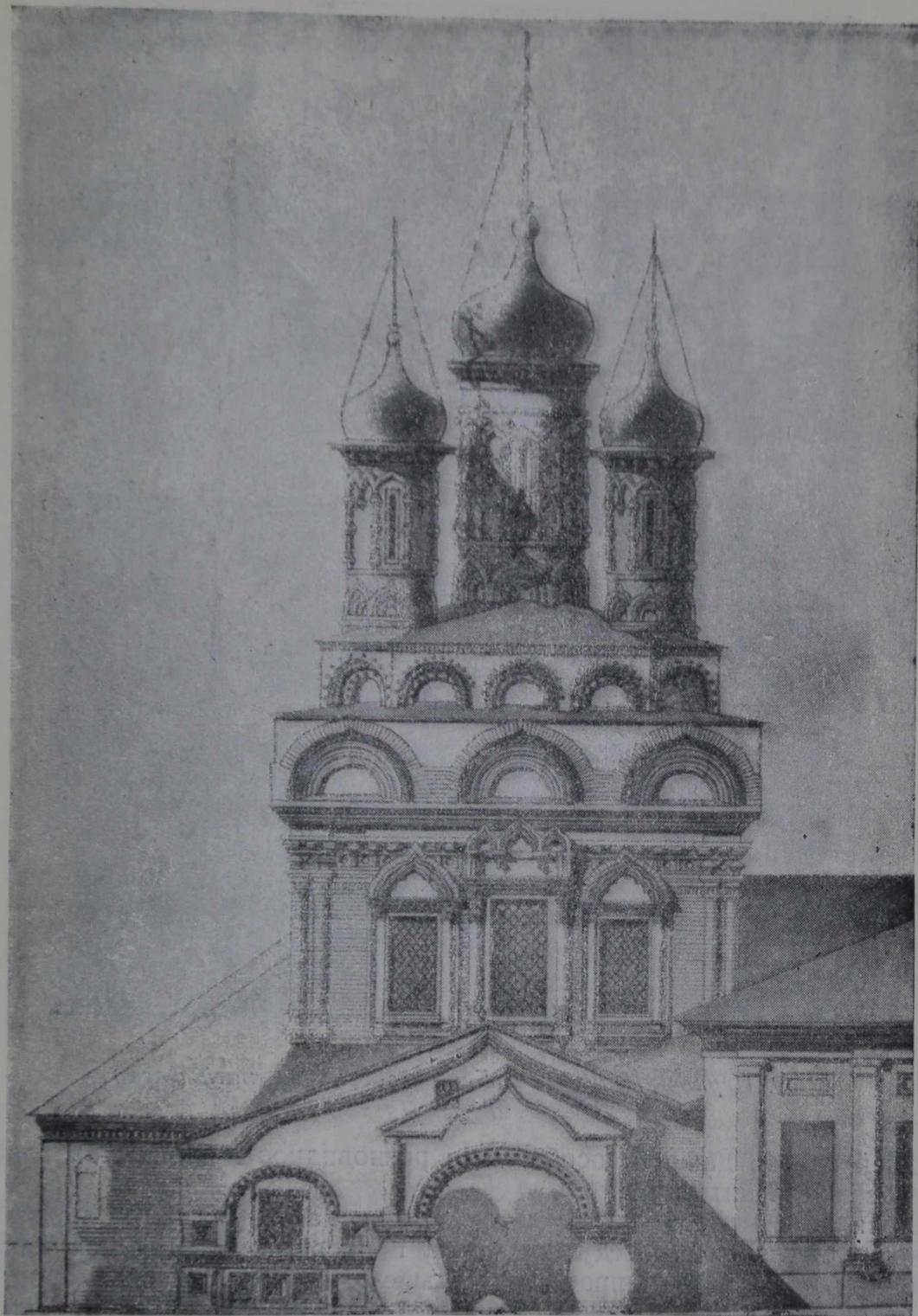
Северное крыльцо, судя по оси въезда на участок со стороны набережной Москвы-реки, было главным. Но ступени в нем располагались, судя по данным, обнаруженным при раскопках (боковая стена для укладки ступеней, с пятами от свода), по линии восточного и западного направлений. Это — замечательное, совершенно не имеющее аналогий крыльцо на кубышчатых колонках, с бочкообразной крышей, что видно по сохранившемуся карнизу, и двойными арками, опирающимися на подвесные гирки (рис. 8).

Указанные элементы особенно характерны для боярских хором XVII века, и вся композиция северного крыльца в целом имеет большое художественное значение.

Примыкающий с востока трехабсидный алтарь, который по общей ширине трех абсид значительно больше центральной, основной части церкви, сдвинут к северу и северной стеной своего жертвенника примыкает к восточной стене старой трапезной; южная часть трехабсидного алтаря (диаконник) своей стороной образует в плане выступ, угол которого обработан двумя лопатками на всю высоту алтарной части, где эти лопатки своими раскреповками на карнизе алтаря заканчивают обработку южной стены диаконника и служат основанием парных полуколонн угла центральной части храма.

Боковые абсиды (жертвенник и диаконник) перекрыты цилиндрическими сводами, переходящими над закругленной частью абсид в форму купольных сводов. Как видно из планов нижней и верхней частей церкви, углы центральной части храма (северо-восточный и юго-восточный) опираются на указанные своды. Правда, направление давления от углов четверика центральной части приходится ближе к пятам алтарных сводов, но тем не менее с конструктивной точки зрения расположение восточной стены главного, центрального массива церкви теоретически нельзя считать удовлетворительным. Это, конечно, слабое место в конструкции анализируемого архитектурного памятника.

Общая хорошая, совершенно спокойная композиция масс (рис. 9 и 10) носит хоромный характер, с живописным завершением двумя рядами кокошников верха нижнего четверика и парапетного верха восьмиугольника, над которым возвышаются затейливо убранные в кирпичных формах главки пятиглавия; особенно интересен центральный барабан

8. Церковь Николая на Берсеневке. Северный фасад
Обмер арх. Д. В. Разова

9. Церковь Николая на Берсеневке. Восточный фасад
Обмер арх. Д. В. Разова

средней главы, дающий особый тип разновидности убранства главок в московской архитектуре.

Возникает вопрос: не является ли эта часть храма по композиции переходной формой между пирамидой церковных кокошников начала и середины XVII века и простыми четырехскатными крышами, вошедшими в употребление в конце того же века (например, в церкви села Богородского-Воронина под Москвой)?

Разбирая назначение этого декоративного элемента — кокошников, не трудно видеть, что здесь кокошники утратили свой конструктивный смысл, который они имели, когда входили в конструкцию крыши, т. е. когда покрытие верха четверика или восьмерика делалось по закомарам. Могло быть, что первоначальная композиция кокошников, если они были покрыты кровлей по закомарам, подверглась позднейшим суще-

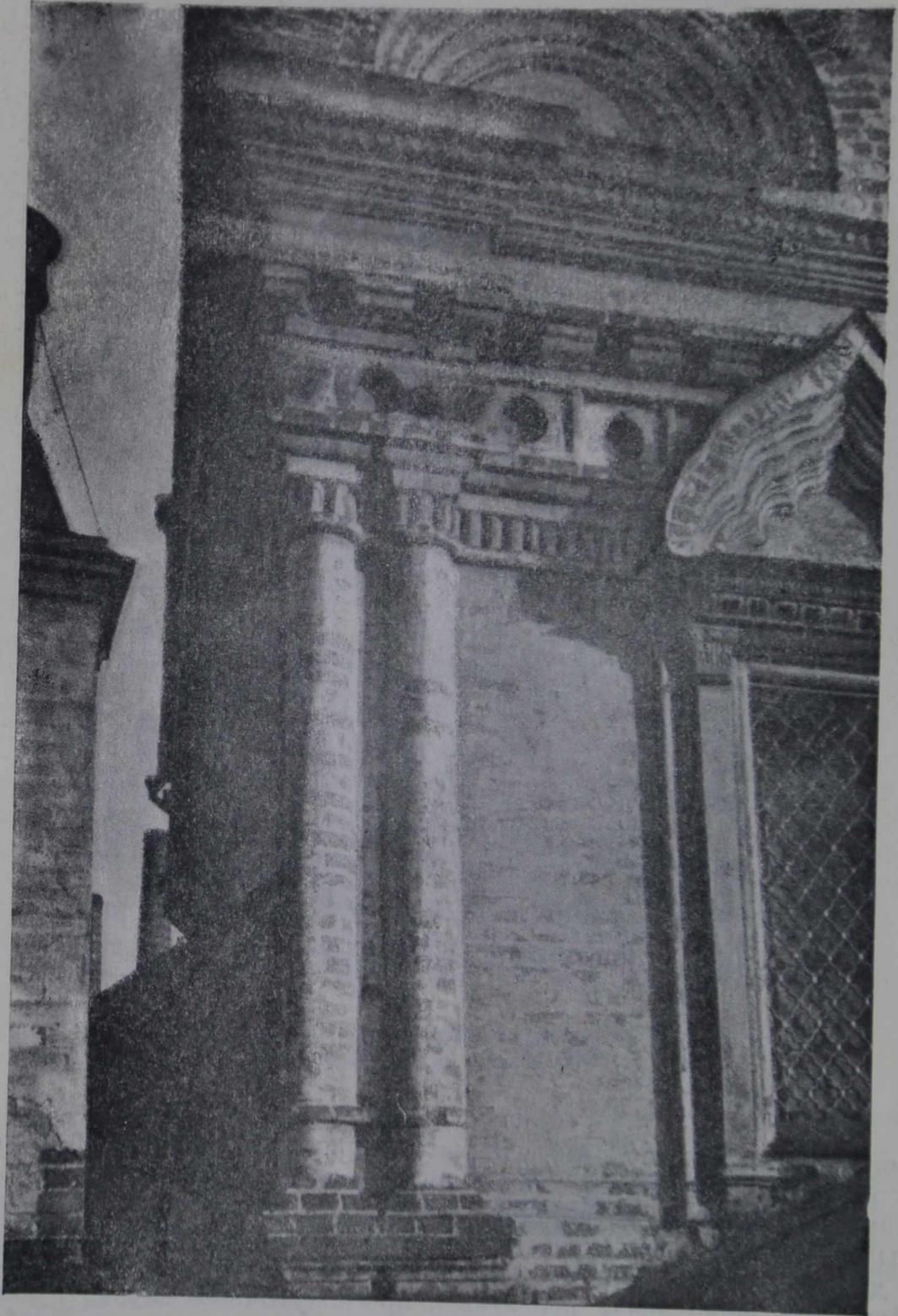

10. Церковь Николая на Берсеневке. Южный фасад
Обмер арх. Д. В. Разова

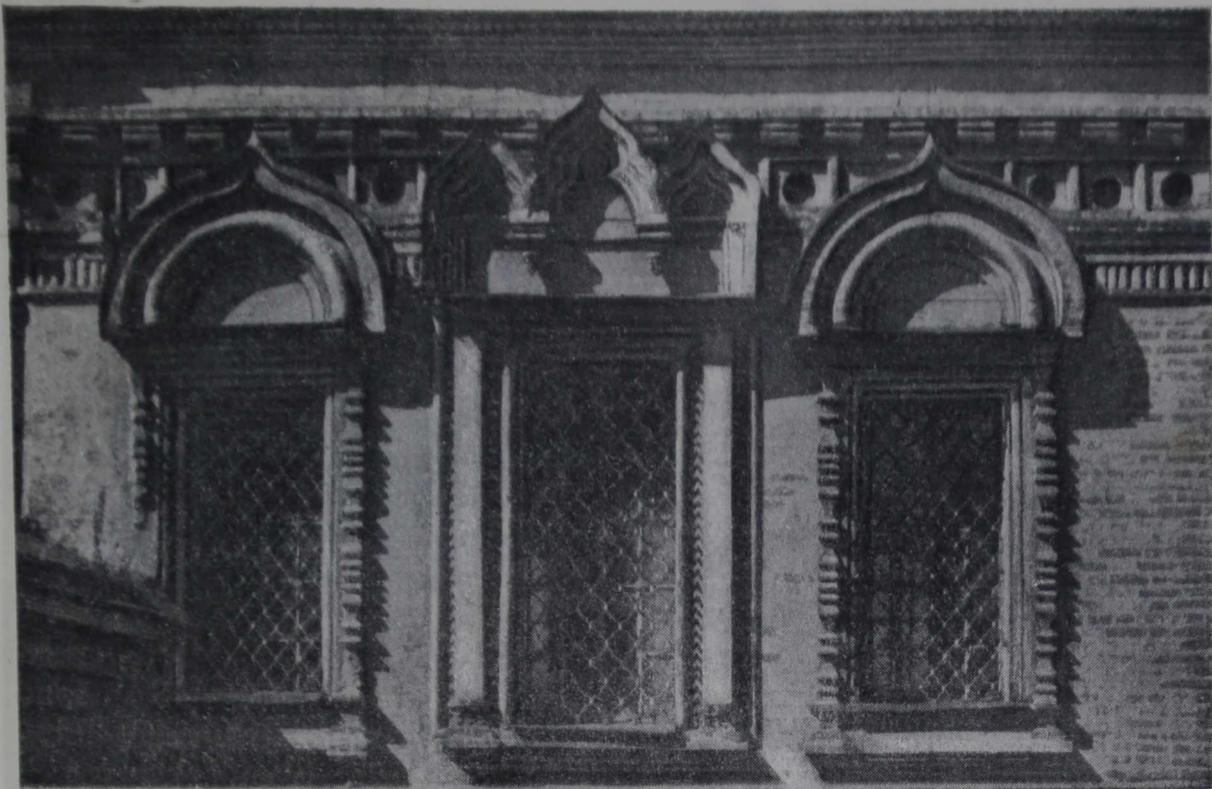
ственным изменениям: были закрыты кирпичными парапетными стенками заподлицо архивольты того и другого рядов кокошников, и по выложенным парапетам надстенного и верхнего рядов накрыты крыши с прямыми скатами, как показано на наших обмерных чертежах северного и других фасадов (рис. 8, 9, 10).

Мог быть еще, менее вероятный, промежуточный вариант: нижние кокошники могли быть перекрыты по закомарам, а верхний восьмерик мог сохраниться нетронутым, как мы видим его в натуре в настоящее время.

Если высказанные предположения более или менее правдоподобны, то притти к какому-либо определенному решению можно только после вскрытия кирпичной кладки обоих рядов кокошников.

11. Церковь Николая на Берсеневке. Фрагмент северо-восточного угла
Фото П. В. Клепикова

12. Церковь Николая на Берсеневке. Верхние окна южного фасада
 Фото П. В. Клепикова

В настоящее время, когда произведено вскрытие и сделано обследование, можно с уверенностью сказать, что заполнение между кокошниками было произведено позднее XVII века. Тогда, очевидно, были выложены по закомарным перекрытиям промежуточные стенки и закомарный ряд перекрыт общей кровлей на четыре ската по первому ряду кокошников; та же операция выполнена и со вторым восьмиугольным рядом, т. е. восьмерик был в XVII веке тоже закомарным, и указанное выше, как маловероятное, предположение в настоящее время, после вскрытия, уже отпадает.

Главный карниз центральной части церкви (рис. 11) по обработке сходен с церковью села Тайнинского и несколько напоминает карнизы церкви Троицы в Никитниках и церкви Сергия (1678) в селе Комягине Московской обл.

Общие элементы карнизов этих храмов:

- а) нижний рисованный валик, по нему пояс поребрика, перекрытый сверху выпуском архитравной части общего карниза;
- б) далее — ряд ширинок, в глубине которых имеются круглые впадины с заостренным верхом;
- в) выше — ряд кирпичных модульонов, за ними гладкая полоса фриза и венчающая часть карниза с бусами.

Углы центральной части обработаны парными трехчетвертными колонками, опирающимися на нижние угловые лопатки. Карниз на углах раскрепован соответственно выступам угловых колонн.

*Клепикова
 была
 ступенчатый
 шпатель*

13. Палаты Аверкия Кириллова и церковь Николы на Берсеневке. Общий вид
Проект реконструкции арх. Д. В. Разова

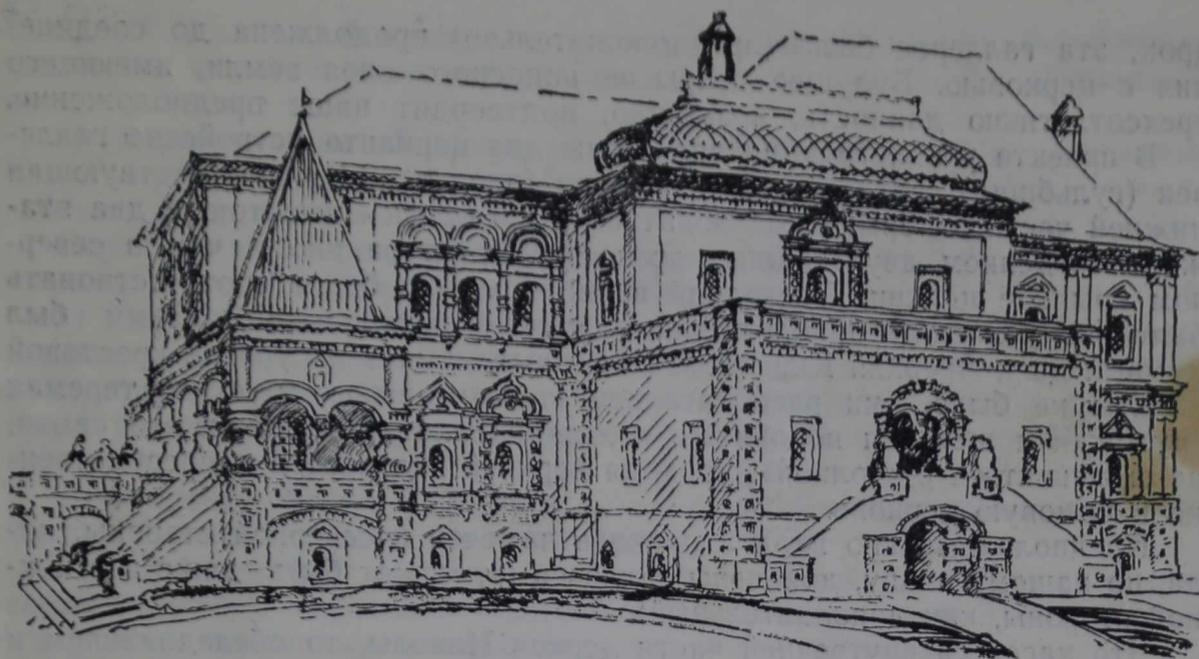
При первом взгляде на храм невольно останавливаешься на своеобразной, очень занятой обработке оконных отверстий, в которых западно-европейские элементы (орнаментация, композиция капителей, симметричное расположение) пытаются занять место среди доминирующих в здании мотивов кирпичных и каменных декораций, идущих от древних традиций деревянной народной резьбы; местами техника обработки оконных проемов граничит с мастерством ювелирного искусства. Эти высеченные из камня детали, надо сказать, не масштабны по отношению к большинству более древних мотивов кирпичных и каменных декораций храма Николы, относящихся к XVII столетию.

Внимательно сравнивая и сопоставляя форму верхнего декоративного убранства боковых окон южного фасада (рис. 12) со средним окном там же, не трудно видеть, что последнее, по характеру обработки, позднейшего происхождения и, видимо, относится ко времени возобновления храма в 1813 году. Можно предположить, что тройные окна (вместе с вновь пробитым средним), помимо увеличения световой площади, стали отвечать в смысле счета символу нового наименования храма, т. е. св. Троицы.

В XVII веке на месте среднего окна как на южной, так и на северной сторонах храма были, вероятно, установлены киоты с иконами, как показано нами на одном из вариантов реконструкции храма.

Выше мы останавливались на разборе северного крыльца, которое составляет одно целое с внешней пространственной формой древней трапезной. На северном фасаде храма заметна архитектурная связь крыльца с объемом трапезной.

Верхнему перекрытию трапезной придана по шипцовой северной стене форма растянутого по ширине кокошника.

14. Палаты Аверкия Кириллова. Перспективный вид с северо-восточной стороны
Проект реконструкции арх. Д. В. Разова

Арки восточного крыльца, имеющие коробовую форму, украшены терракотовыми (кирпичными) розетками. В ширинки квадратных в плане столбов вставлены изразчатые (майоликовые) орнаменты с изображением двуглавых орлов — признак участия в строительстве храма, как было указано выше, царя Алексея Михайловича.

В настоящее время, после произведенного обследования и вскрытия (летом 1946 г.), можно судить об архитектурном оформлении всех абсидных окон.

Частичное удаление слоев штукатурки и обмазки, накопившихся за многие годы, позволило произвести расчистку и обнаружить два небольших богато декорированных и замурованных заподлицо окна и открыть контуры декора трех больших окон, весьма близких по контуру к убранству южного фасада палат Аверкия Кириллова.

Форма больших оконных проемов несколько изменена: внутри они растесаны, а снаружи нижняя часть их заложена кирпичом; сверху же утрачена характерная для XVII века часть — овал. Зато два малых окна, вскрытых после удаления верхнего слоя обмазки, имеют очень интересные и хорошо сохранившиеся детали; сделаны они из лекального кирпича с плотно пригнанными швами (в 0,5 см); здесь оконные проемы имеют овальный, приятного изгиба, хорошо прорисованный верх.

По аналогии со зданием палат можно предположить, что в период совместного функционирования домово́й церкви и жилой части боярского комплекса, т. е. около трехсот лет тому назад, уровень земли был ниже примерно на 2 м, и тогда, судя по сохранившейся нижней части галереи, оформленной лопатками, между которыми расположены лучкового вида арки, с обрамлением поребриком в верхней части

арок, эта галлерей была (предположительно) продолжена до соединения с церковью. Будущее вскрытие наносного слоя земли, имеющего трехсотлетнюю давность, возможно, подтвердит наше предположение.

В проекте реконструкции возможны два варианта устройства галлерей (гульбища): галлерей одноэтажная (рис. 13, 14), соответствующая нижней части, оформленной лопатками, и галлерей высотой в два этажа с введением двухэтажных арок, но характера иного, чем в северном крыльце церкви. Последний вариант может более соответствовать бытовым условиям приближенного царского вельможи, каким был думный дьяк Аверкий Кириллов. Интимных комнат на уровне крестовой палаты не было, они располагались этажом выше, т. е. в теремах (мужская и женская половины), и хозяин палат мог, как и его семья, не смешиваться с «толпой», проходя верхней галлереей непосредственно в домовую церковь.

Предположительно вход в церковь намечен с северной стороны, куда, по нашему плану, доведены галлерей (а, может быть, даже и с южной стороны, как дополнительный).

Что касается внутренней части церкви Николы, то обследованием и обмерами, произведенными в 1942—1943 годах, установлены и зафиксированы показанные на плане и разрезах стены, своды и арки. Иконостаса и других «нарядов» церкви не было. Помещение церкви во время обмеров было занято фондом Московского областного краеведческого музея.

В заключительной статье своего труда о церковном зодчестве Москвы Красовский пишет: «Позволяем себе указать на церковь Николы в Берсеневке, являющуюся ярким примером того затруднительного положения, в котором находится исследователь, поставленный в него отсутствием достаточного количества материала. В его распоряжении имеются только план и фасад этого памятника, помещенные в трудах Рихтера и Мартынова; разреза этого памятника в этих трудах нет, и получить его можно путем обмера памятника в натуре, так как, насколько нам известно, кроме Рихтера и Мартынова, никто более не интересовался церковью на Берсеневке, несмотря на ее бесспорно большое значение для истории московского зодчества».

В разное время как внутри церкви, так и снаружи были произведены существенные изменения. Насколько нам удалось установить¹, внешние изменения коснулись, главным образом, наружной обработки алтарной части храма и верхних закомарных рядов этого памятника. В настоящий момент по обмерам и обследованиям 1942—1943 годов можно установить следующее:

а) Центральная часть церкви перекрыта сомкнутым сводом с наличием имеющихся здесь вверху четырех металлических связей, расположенных на высоте пят указанного свода и закрепленных анкерами, выходящими на соответствующие фасады церкви.

б) Как видно по разрезам храма, верхняя часть центрального сомкнутого свода прорезана световым кольцом, на который поставлен барабан с окнами для средней главки; таким образом, освещение храма дополнительно производится верхним боковым светом через цен-

¹ Обследование и вскрытие храма были сделаны, главным образом, в 1946 году.

тральный барабан; боковые же глухие главки со своими барабанами выведены и поставлены непосредственно на сомкнутый центральный свод.

в) Показанные на обмерных разрезах по линии пят свода триглифы, а также раскосы окон на южной и северной наружных стенах — позднейшего происхождения.

Вероятно, эти переделки связаны с восстановлением храма после пожара 1812 года, когда церковь значительно пострадала.

г) Над древней трапезной, между центральной частью церкви и северным крыльцом, расположен цилиндрический свод; освещение трапезной устроено через небольшое, узкое окно, расположенное в северной стене трапезной над крышей северного крыльца (см. северный фасад храма).

Внутренние объемы северного и северо-восточного крылец перекрыты коробовыми сводами с распалубками.

Северо-восточное крыльцо в настоящее время, как было указано выше, заделано кирпичной кладкой с устройством окон (восточного и северного), забранных решетками в характере XVII века.

Перекрытие алтарей и жертвенника по внутреннему объему было указано выше в связи с рассмотрением плана церкви.

Была ли нижняя часть храма использована для отправления церковных служб или в ней происходили только захоронения?

Никаких следов иконостаса не обнаружено: имеющиеся на уровне чистого пола в северо-восточной части нижнего храма под жертвенником две чугунные надгробные плиты относятся к концу XVIII века — это можно считать признаком того, что здесь производились погребения. Это подтверждают и другие надгробные надписи в притворе у северных дверей, снаружи на северной стороне храма¹.

Помимо этого, при зондаже части наружных стен под восточной аркой северного портала храма обнаружены дополнительные кирпичные стеночки толщиной в полкирпича, накрытые каменными плитами и снизу выложенные кирпичом (на плашку, в виде печного пода). Здесь в сырой, сероватой, с песком, рыхлой массе обнаружены, помимо кусков истлевшего дерева, мелкие человеческие кости, в том числе черепная (мало сохранившаяся) коробка, — видимо, остатки детского погребения, что подтверждается и размером этого маленького «колумбария», несколько трапециевидной формы, обращенной уширенной частью на запад, что соответствует церковному обряду погребения.

Две каменные плиты, изъятые из храма Николы на Берсеневке, хранятся в Гос. Историческом музее в Москве (Археологический отдел № 2). Эти плиты с надгробными надписями находились в притворе у северных дверей храма и были замурованы в стену.

Надписи на них следующие:

Плита 1

«Во славе и хвале Отца и сына и святого духа раб Божий думный дьяк Аверкий Стефанович Кириллов от рождения своего поживе 60 лет

¹ Надписи, часть которых не сохранилась, можно найти в статье «Надгробная летопись Москвы» А. А. Мартынова («Русский Архив» за 1895 г., № 6, стр. 236—237).

и от начала мира: лета 7190 мая в 16 день мученически скончался на память преподобного отца нашего Феодора Освященного».

1622
5508 Плита 2

«Лета от начала мира 7190 октября в 13 день, на память святых мученик Карпа и Папилы, представися раба Божия думного дьяка Аверкия Стефановича Кириллова жена его Ефимилия Леонтьевна, поживе от рождения 60 лет».

Из остальных надгробных надписей, имеющихя на могильных плитах, а также в других местах храма, приведем только одну, находящуюся на восточной наружной стороне храма; разобрать можно только две строчки:

«Всяк мимошедший сею стезею прочти сия и виждь, кто закрыт сей землей».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Собор Спасо-Андроникова монастыря в Москве. <i>Арх. П. Н. Максимов</i>	8
Церковь Трифона в Напрудном. <i>Арх. Л. А. Давид</i>	33
Собор Московского Рождественского монастыря. <i>Арх. А. С. Фуфаев</i>	55
Ансамбль палат Аверкия Кириллова. <i>Д. В. Разов</i>	76

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР

Редактор *Г. В. Невзорова*. Техн. редактор *Е. А. Смирнова*
Корректор *Т. В. Леонова*

Сдано в набор 27/1-47 г. Подписано к печати 29/VII А 02541.
Форм. бум. 70×108¹/₁₆ д. л. 6¹/₄ п. л. Уч.-изд. л. 8,3.
Тираж 4000 экз. Изд. № 604. Цена 8 руб. Заказ № 150

Типография Изд-ва Академии Архитектуры СССР
Москва, ул. Чехова, 8

1970 Н.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ